

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. А. Горин

**Развитие личной и родовой
идентификации многонационального
и поликонфессионального служилого сословия
Московского государства XIV – XVII веков:
геральдический аспект**

Монография

КАЗАНЬ – 2023

УДК 929.6

ББК 63.2

Г 69

Публикуется по рекомендации Учёного совета Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Рецензенты:

Набиев Р. А., д. и. н., профессор, главный научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН РТ

Михайлов А. Ю., к. и. н., доцент, Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия ИМО ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет»

Горин А. А.

Г 69 **Развитие личной и родовой идентификации многонационального и поликонфессионального служилого сословия Московского государства XIV – XVII веков: геральдический аспект** / А. А. Горин. – Казань: Изд-во «Отечество», 2023. – 216 с.; ил.

ISBN

В данной работе рассматривается процесс формирования уникальной статусно-идентификационной системы Московского государства XIV–XVII веков. Особое внимание уделяется такому инструменту формирования единого служилого сословия, как самобытная отечественная геральдика. Автор рассматривает, геральдику, как инструмент, который, наряду с иными рычагами воздействия, позволяет правителям Московского государства включить в состав единого монолитного служилого сословия роды, исторически исповедующие различную религию и принадлежащие к разным культурным традициям. Работа подготовлена на основе диссертационного исследования автора. Книга адресована всем, кто интересуется историей России, вопросами становления отечественной геральдической системы, технологиями конструирования социальных групп и управления ими.

ISBN 000-0-00000-000-0

УДК 929.6

ББК 63.2

© Горин А.А., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Предпосылки введения единой статусно-идентификационной системы в Московском государстве	40
Глава 2. Становление личных и родовых элементов геральдической идентификации служилого сословия Московского государства XIV – XVII вв.	83
Глава 3. Социально-политические и правовые аспекты унификации геральдической статусно-идентификационной системы в Московском государстве XVII столетия	123
Заключение	173
Приложения	185
Список использованных источников и литературы	196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Геральдика – поистине уникальная область исторического знания. С одной стороны, она несёт значительный объём информации об исторических событиях и участии в них тех или иных лиц. С другой стороны, геральдика, одна из первых в истории человечества международно-признанных идентификационных систем, которая наряду с практическим своим значением вместила в себя особенности развития ряда социумов, в частности, особенности развития социума московского государства. В том числе геральдические объекты часто отражают конфессиональную принадлежность их владельцев, её смену на определённом этапе истории того или иного рода, династии, государства.

На сегодняшний день стала очевидна диспропорция в развитии ряда исторических дисциплин: среди них выделилась группа, развивающаяся более интенсивно, и группа дисциплин, состояние которых пока не отвечает потребностям современного исторического познания. К числу активно модифицирующихся дисциплин наряду с генеалогией, нумизматикой, фалеристикой, многие исследователи (например – Н. А. Соболева¹) относят и геральдику.

В настоящий момент отечественная геральдика переживает второе рождение: обострённый интерес к ней обусловлен не только научным, но и сугубо практическим интересом. Дело в том, что геральдика, одна из древнейших систем мировой идентификации как личности, так и общественных образований (цехов, учреждений, монашеских орденов и пр.), субъектов политической деятельности (государств, династий, военных и политических административных учреждений и т. п.)².

¹ Соболева Н. А. Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 220–234.

² Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 7–8.

За последние годы существенно возросло число исследований, и расширилась их тематическая стратификация, постоянно вводятся в оборот ранее не рассмотренные источники, расширяется преподавание в высших и средних учебных заведениях. Более того, в Российской Федерации вновь воссоздаются геральдические учреждения и геральдические общественные организации, не редкостью стали и тематические научные конференции.

За последние десятилетия в Российской Федерации сложилась новая геральдическая система, отражающая в условно-графической и символической форме происходящие в стране общественно-политические процессы. В частности, процессы совершенствования функций государственной власти, возрастание роли местного самоуправления и экономической самостоятельности регионов, поиск новых идеологических ценностей.

Каноны геральдической системы сегодня находят применение в таких отраслях общественной деятельности, как *политика* (создание гербов, эмблем, символов, брендов и т. п.); *военное дело* (создание читаемых в сложных условиях знаков различия, систем сигнализации, систем опознавания); *история* (гербы, как известно, есть облечённая в графическую форму история рода, личности, учреждения, государства); *изобразительное искусство* (формирование у художника принципов контрастного цветовосприятия); *реклама* (создание графической и текстовой символики, графических брендов, легенд-блазонов для них), а также многие другие сферы научной и художественной деятельности.

На основе стихийного опыта первой половины 90-х годов XX века были сформулированы принципы единой геральдической политики государства, получившие соответствующее юридическое выражение. В частности, 14 августа 2009 года Министр внутренних дел РФ генерал армии Р. Г. Нургалиев подписал приказ «О геральдическом обеспечении в системе МВД России» № 637³. Этот приказ регламентирует проведение комплекса ме-

³ О геральдическом обеспечении в системе МВД России. Приказ МВД РФ № 637 от 14 августа 2009 года. [Электронный ресурс] // Ведомственная геральдика. Сайт члена Геральдического совета при Президенте РФ То-

роприятий, направленных на формирование единой системы геральдических знаков для обозначения ведомственной и служебно-функциональной принадлежности МВД России, органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России, а также порядок их использования. 30 мая 2000 г. был подписан приказ № 280 «Об учреждении Геральдического регистра ВС РФ»⁴. Данный приказ преследовал конкретную цель – обеспечить строгий учет военных геральдических знаков и упорядочить их использование. 30 декабря 2000 г. был подписан приказ Министра обороны РФ № 625⁵, которым утверждались Положение о военных геральдических знаках и Инструкция о порядке их разработки, учреждения, изготовления и правильного использования.

Российская геральдическая служба была восстановлена в 1992 году (в 1994–99 гг. называлась Государственной герольдией при Президенте РФ). Сейчас Геральдический совет при Президенте Российской Федерации – полноценный государственный орган, официально уполномоченный заниматься вопросами геральдики в России.

Современная геральдическая система, экстраполируемая из научной сферы в профессиональную и политическую, стала частью повседневного бытия современного социума. Личная геральдика также является потенциальным маркером конфессиональной принадлежности индивидуума, рода, сообщества, а также религиозной группы. В связи с этим становится необходимым

каря Л. Н.: [сайт]. [2005]. Режим доступа: http://www.vedomstva-uniforma.ru/mvd/mvd_emb1_zakon.html, свободный. Проверено: 22.02.2012.

⁴ О совершенствовании нормативной базы геральдического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // Геральдика сегодня: [сайт]. [2002]. Режим доступа: <http://sovet.geraldika.ru/page/4825>, свободный. Проверено 22.02.2012.

⁵ О военных геральдических знаках Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // Военное право. Сборник документов: [сайт]. [1999]. Режим доступа: <http://www.voenprav.ru/doc-1148-1.htm>, свободный. Проверено 22.02.2012.

переход от стихийного развития данной отрасли науки и культуры к систематизированной государственной политике, основанной на глубоких и систематизированных знаниях. Следует проводить грамотную политику наделения индивидуумов и сообществ уникальным статусом через инструменты геральдической системы. Потенциал геральдической системы неоднократно использовался правителями российского государства для формирования как внутренней политики, так и целых социальных слоёв, обеспечивающих своим взаимодействием с органами власти достижение важных политических и социально-экономических целей. В данный момент этот опробованный исторически и подтвердивший свою эффективность на практике административный ресурс остаётся мало востребованным.

Объектом исследования является социально-политическая структура Московского государства XIV – XVII вв.

Предметом изучения являются группы геральдических объектов, статусных элементов и идеологических систем, явившихся составной частью единой статусно-идентификационной системы Московского государства XIV – XVII вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIV века, во время которого, по мнению ряда исследователей, происходит оформление социального слоя, ставшего прообразом дворянства – «детей боярских» (первое упоминание – в Новгородской Первой летописи 1259 года), до 80-х гг. XVII в. Во второй половине XIV – начале XV вв. к Великому княжеству Литовскому были присоединены Киев (1362), Смоленск (1404), Стародуб (1355–1356), Новгород-Северский (1355–1356) и другие земли, на которых исторически сложилась традиционная для Руси статусно-идентификационная система. В ходе взаимодействия русской статусной системы с имевшей хождение на территории Великого княжества Литовского статусно-геральдической системы, характерной для Европы, начинается проникновение геральдической традиции в статусно-идентификационную систему русских княжеств.

В конце XVII в. происходит ряд событий, которые можно трактовать как мероприятия, направленные на завершение процес-

са юридического оформления единой системы служилой аристократии. В январе 1682 г. была отменена система местничества, в 1686–1687 гг. в Посольском приказе был составлен гербовник-справочник «Книга в десть о родословии и о гербах разных шляхецких фамилий», не дошедший до наших дней, а в 1692 г. в Московском государстве появилось понятие о городском гербе. Наиболее же подробно в работе рассмотрен период отечественной истории с 1462 г. (воцарение на Москве Иоанна III) по 1649 г. (создание «Соборного уложения»).

Россия переживала в эти годы широкомасштабные преобразования, способствовавшие дальнейшему развитию самодержавного государства, строительству основ единовластной системы правления и преодолению последствий Смутного Времени. В числе элементов самодержавного государства, заложенных в описываемый период, стала религиозная концепция самодержавной власти, позднее нашедшая своё отражение в системе отечественной геральдики. Фактически, государь Фёдор Алексеевич завершил длительный процесс юридического преобразования множества видов служилой аристократии и служилого сословия, лично преданного и лично зависимого от самодержца, как правителя и как личности в единое сословие. Данный процесс явственно прослеживается в ходе деятельности таких правителей московского государства как Иван III, Василий III, Иван IV, Михаил Фёдорович и Алексей Михайлович. Юридическое оформление служилого сословия в единую социальную группу позволило позднее Петру I опереться на данную социальную группу в ходе своих реформ и заручиться её поддержкой в борьбе против остатков удельно-вотчинной аристократии.

Территориально предпринятое исследование ограничено изучением динамики развития служилого сословия на территории русских княжеств: от западных границ Псковской земли, по линии северных и западных земель Чёрной Руси, западной границе Галицко-Волынского княжества и западной границе Киевского княжества до границы Дикого Поля – на Западе. Территория, которой касается исследование простирается от восточных границ Великого княжества Рязанского (на 1462 год) до восточной гра-

ницы Великого княжества Московского. Поэтому мы не затрагиваем присоединённые позже к московскому государству земли Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а также княжеств Кавказа. Вместе с тем, в диссертационном сочинении учитываются те законы и системы идентификации, которыми пользуются выходцы из данных земель.

С точки зрения **историографии вопроса**, приходится констатировать практически полное отсутствие работ, в которых прослеживается взаимное влияние геральдики и религиозной идеологии Московского государства в указанных хронологических рамках. С точки зрения изучения отечественной геральдики допетровского периода можно выделить шесть этапов развития геральдических исследований в Российском государстве.

«Донаучный» этап XVIII в. характеризуется появлением стилизованных исследований в области геральдики и генеалогии (работы, И. Н. Болтина⁶, М. В. Ломоносова⁷, М. М. Щербатова⁸ и др.).

Работа в этот период ведётся в двух направлениях. Ряд исследователей рассматривают вопрос о пути формирования служилого сословия, его социально-этнического состава и развития статуса служилой аристократии в рамках правовой системы русских княжеств, Великого княжества, а затем и Московского царства. Зачастую данные вопросы начинали разрабатываться в ходе полемики между сторонниками различных исторических точек зрения. Наиболее известны полемики между Г. Ф. Миллером⁹ и М. В. Ломоносовым, а также между М. М. Щербатовым и И. Н. Болтиным.

⁶ Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 108–109, 111–117, 120, 138–139.

⁷ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.

⁸ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. 15 томов. СПб., 1870–1871.

⁹ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М., 1996.

Одним из первых отечественных исследователей вопрос происхождения служилого сословия и его статуса поднял М. В. Ломоносов в ходе полемики со сторонниками «норманской теории» возникновения русского государства. В ответ на обнаружение диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», Ломоносов начал работу над «Древней Российской историей от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого». Следует отметить, что работа Ломоносова носит скорее обзорный характер. Более детальное исследование предприняли М. М. Щербатов и И. Н. Болтин. В ходе полемики они не только поднимают вопрос о происхождении служилого сословия, но и вопрос о системе статусов в Московском государстве вообще. Тема эта затронута И. Н. Болтиным в его «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка»¹⁰, а также – в его «Ответе генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории»¹¹ и «Критических примечаниях...» на первый и второй том «Истории» князя Щербатова. Однако, работы Щербатова и Болтина, как и работа В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времён»¹², являются скорее публицистическими сочинениями, отражающими не столько историческую действительность, сколько личные взгляды авторов на определённый круг вопросов, при обосновании которых авторы приводят аргументы в виде исторических фактов. В таких работах практически отсутствует критический анализ источников, мало используется сравнительно-сопоставительный метод исследования и сказывается отсутствие систематизации источниковой основы.

Определённая стратификация источников и научных знаний начинается лишь с началом упорядоченного развития официальной истории и историографии. В этом плане примером являются

¹⁰ Болтин И. Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788.

¹¹ Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1793.

¹² Татищев В. Н. История Российская. В 3 т. М., 2003.

работы Н. М. Карамзина. Примечательно, что Карамзин также не был профессиональным историком, более того, Н. М. Карамзина и его коллеги Д. Н. Бантыш-Каменского многие исследователи обоснованно обвиняют в утаивании исторических документов и прямых фальсификациях. Однако именно Карамзин публикует ряд летописей XVI века, «Хождение за три моря» и др. При всех отрицательных моментах, в этой работе, как и в «Истории русского народа» Н. А. Полевого видно стремление к формированию базы для дальнейшего исторического исследования, систематизации материала.

В этот период начинается составление гербовников представителями дворянства, в особенности старых родов. В декабре 1785 г. статский советник А.Т. Князев поднес Екатерине II, составленное им «Собрание фамильных гербов... Российския Империи»¹³. Это было первое своего рода сочинение, в котором были приведены в алфавитном порядке изображения гербов, скопированные с печатей. После разработки и принятия «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» создание геральдико-генеалогических справочников по личной геральдике было закономерным явлением. Характерно, что тенденция составления таких справочников проявляется «снизу»: в момент прихода к власти Екатерины II в Российской империи происходит новая стратификация аристократии на следующие категории: «старое» столбовое дворянство, дворянство сформировавшееся в XVI–XVII вв., новая служилая аристократия и иностранцы, осевшие в России, но зачастую не имевшие титула, но имевшие высокий статус. Кроме того, Екатерина II в момент воцарения инициирует «волну» новых жалований, которая приостанавливается как раз в 1785 году, ввиду того, что «Жалованная грамота» русскому дворянству декларирует его, как замкнутое сословие. Естественно, что у представителей дворянства возникает потребность в статусной самоидентификации не толь-

¹³ Князев А. Т. Собрание фамильных гербов, означающих отличия благородных родов обширной Российской Империи частно-снятое с печатей и приведенное в алфавитной порядок. СПб., 1912.

ко в рамках российского общества в целом, но и в рамках дворянского сословия. Однако государство ещё не готово принять эти труды (гербовник Князева оставался в забвении до 1882 года, последние 77 лет она хранилась в библиотеке Казанского университета). Естественно, что в геральдике наблюдается лишь этап накопления и первичной систематизации знаний.

Вместе с тем территориальная и учрежденческая геральдика планомерно развивается на государственном уровне. Например, в 1729 году под руководством Б. К. фон Миниха был создан «Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, княжеств». В 1732 году Герольдмейстерской конторой Сената был составлен реестр территориальных гербов, а в 1775 г. был создан «Знаменный гербовник» князя М. М. Щербатова и др. Развитие территориальной и учрежденческой геральдики позволяет отработать методологию будущей работы по личной геральдике российского дворянства и купечества.

Необходимо учесть, что изучение и систематизация в первую очередь касались геральдических и статусных элементов, унифицированных по европейским правилам, учреждениями, возникшими в результате реформ государственного аппарата, проведённых Петром I.

Конец XVIII – третья четверть XIX вв. представляет собой *ранний научный этап* изучения проблемы, характеризующийся началом научного изучения геральдики. На этом этапе исследования носят сугубо практический характер и, в основном, осуществляются с опорой на опыт западной гербоведческой традиции.

Основание Санкт-Петербургской Академии наук, давшее импульс к развитию науки в Российской империи, обусловило применение научного подхода к широкому кругу проблем. Не обошла эта тенденция и вопросы геральдики: в 1726 году при Академии наук была учреждена кафедра геральдики, в 1731 г. было издано первое в России пособие по теоретической геральдике И. С. Бекенштейна¹⁴.

¹⁴ Бекенштейн И. С. Краткое введение в геральдику и искусство составлением гербов. СПб., 1731.

Однако практическое воплощение накопленные знания получили только 20 января 1797 года, когда согласно указу Павла I начинается составление и издание «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи». Гербовник имеет чёткую структуру. Более того, переводится на русский язык ряд европейских учебников по геральдике, например, «Начертание гербоведения» И. Х. Гатгерера¹⁵ (переводчик Г. Малыгин). В этот же период в Российской Империи становятся известными работы Адальберта де Бомона и Уильяма Смита Эллиса, в которых уже делаются попытки расширить формальные рамки геральдики.

Исследовательский этап развития отечественной геральдики открывается монографией А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (1854 г.). В ней систематизированы уже накопленные знания и намечены подходы к дальнейшему изучению предмета. По мнению А.Б. Лакиера, русская геральдика имеет ярко выраженную национальную специфику, поскольку дворянские гербы базируются на «родовом», наследственном начале, а не на европейской личной доблести и генеалогических связях. Предложенная А. Б. Лакиером классификация отечественных гербов оказала значительное влияние на геральдическую историографию, будучи позже в значительной мере заимствована в трудах П. П. Винклера и В. К. Лукомского. Нужно отметить, что А. Б. Лакиер касался и вопросов формирования служилого сословия, например в своих трудах «О вотчинах и поместьях» (1848 г.)¹⁶ и «О знаках отличия за службу в России до времен Петра Великого» (1850 г.)¹⁷.

Эти работы оказали серьёзное влияние на появление «семейных» геральдико-генеалогических справочников, таких как труд Н. Е. Бранденбурга «Род князей Мосальских. (XIV–XIX столетия)» и др. Вместе с тем, следует отметить, что на этом этапе геральдика и генеалогия не увязываются в единую систему, а рассматриваются в контексте европейской концепции, культивиру-

¹⁵ Гатгерер И. Х. Начертание гербоведения. СПб., 1805.

¹⁶ Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848.

¹⁷ Лакиер А. Б. О знаках отличия за службу в России до времен Петра Великого. СПб., 1850.

вавшейся с периода правления Петра I, то есть рассматриваются параллельно. Герольдмейстерские институты Российской Империи занимаются унификацией геральдических и статусных элементов, что приобретает особое значение в ходе реформ 60-х гг. XIX века, во время которых происходит преобразование социальной системы государства. Однако если в отношении генеалогии происходит углублённое изучение происхождения дворянских родов в допетровский период, то в отношении геральдики и статусных элементов такая тенденция отсутствует.

Расцвет изучения проблематики охватывает последнюю четверть XIX – начало XX вв. Этот период характеризуется фронтальным исследованием всех аспектов отечественной геральдики и окончательным становлением самобытной геральдической системы.

Изучение проблематики на этом этапе развивается по ряду самостоятельных, хотя и связанных между собой направлений. Во-первых, это изучение геральдических и статусных элементов как таковых. Такие работы, как «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник всероссийской империи» А. А. Бобринского¹⁸, ряд работ В. К. Лукомского и других авторов уже не столько собирают сведения и систематизируют элементы российской геральдики, но и прослеживают их связь с геральдическими и статусными элементами сопредельных культур и взаимовлияние статусных культур и парадигму развития единой статусно-идентификационной системы Московского государства.

Во-вторых, активизируется изучение генеалогии, как по словному, так и по территориальному и учрежденческому принципу. Выходят сборники В. Н. Сторожева «Тверское дворянство XVII века»¹⁹, «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия» А. П. Барсукова²⁰, «Список дворян, внесенных в дворянскую ро-

¹⁸ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник всероссийской империи. СПб., 1890.

¹⁹ Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII века. В 4 т. Тверь, 1891.

²⁰ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.

дословную книгу Подольской губернии»²¹, «Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства»²², составленный Л.М. Савёловым и другие. Издание подобной справочной литературы и источников активизирует как научное изучение геральдики и статусно-идентификационной системы Московского государства, так и самостоятельные генеалогические исследования представителей дворянских и купеческих родов Российской империи.

Третьим направлением развития становятся попытки комплексного подхода к изучению истории служилого сословия Российской империи. Примерами таких работ можно считать такие труды, как, например, «История дворянского сословия в России» М. Т. Яблочкова²³.

К сожалению, наследие российских учёных в области развития геральдики и статусно-идентификационной системы конца XIX – начала XX вв. не было должным образом систематизировано. Перехода изучения статусно-идентификационной системы на качественно новый уровень не состоялось из-за произошедшей в феврале 1917 года буржуазной революции, последовавшего за ней Октябрьского переворота, гражданской войны и установления на территории России советской власти.

Следует отметить, что лишь отдельные разрозненные работы касаются развития личной геральдики в допетровский период. В основном в этих работах изучается развитие геральдических и статусных элементов в сопредельных государствах, позже вошедших в состав Российской Империи, но не российской самобытной геральдической традиции.

«Безгеральдический период» советской историографии охватывает период с 1917 по 60-е гг. XX в., когда исследования по данной проблематике практически не велись.

²¹ Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск, 1897.

²² Савёлов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогжск, 1897.

²³ Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Этап геральдических исследований советского периода охватывает 60–80-е гг. XX в. На данном этапе появляются первые советские научно – геральдические работы, посвящённые, прежде всего, вопросам геральдики петровской и постпетровской эпохи (Н. А. Соболева²⁴, Л. Е. Шепелев²⁵ и др.²⁶).

Следует отметить, что основная часть работ, посвящённых геральдическим элементам России, в этот момент рассматривает территориальную и учрежденческую геральдику.

Значительная часть работ рассматривала специфическую советскую геральдику, не подчинявшуюся принятым в мире законам. К этой категории можно отнести работы А. В. Иванченко²⁷, работу Вовчок О. Н. «Наш герб и флаг»²⁸ и др. В центре внимания советских историков находились советские гербы. Истории их создания, сменам эмблематической символики и другим аспектам темы посвящены работы таких серьёзных учёных, как В.И. Стрельского²⁹, А.М. Луппола³⁰, Е.И. Каменцевой³¹, Г.Ф. Киселева³², В.А. Любишевой³³ и др.

²⁴ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX вв. М., 1981.

²⁵ Шепелев Л.Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу о их задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13.

²⁶ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.

²⁷ Иванченко А.В. Союз серпа и молота: государственные символы РСФСР. М., 1987.

²⁸ Вовчок О.Н. Наш герб и флаг. Одесса, 1977.

²⁹ Стрельский В.И. Геральдика и сфрагистика в научной работе историков (по материалам украинских архивов и других научных учреждений) // Вопросы архивоведения. 1963. № 2. С.31.

³⁰ Луппол А.М. Историко-философские этюды. М., Соцэкгиз, 1935.

³¹ Каменцева Е.И. Основные проблемы советской эмблематики // Советские архивы. М., 1970. № 1. С. 35–40.

³² Киселёв Г.Ф., Сперансов Н.Н. Эмблемы мира и труда. М., 1968.

³³ Любишева В.А., Киселёв Г.Ф. В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. 1966. № 5. С.21–26.

Общие геральдические труды, посвящённые законам геральдики, блазонирования и чтения гербов описываются в работах А. П. Черных³⁴, Г. В. Вилинбахова³⁵.

Количество работ, изучающих личную геральдику, на этом этапе незначительно, а исследования, посвящённые личной геральдике допетровского периода, практически отсутствуют. Тем более отсутствуют труды в области генеалогии, поскольку такие исследования не соответствовали идеологическим догмам, господствовавшим в советской науке.

Постсоветский период изучения геральдики охватывает период со второй половины 80-х гг. XX в. по настоящее время. В эти годы наблюдается возрождение интереса к отечественной геральдике как в научных кругах, так и в органах государственной власти. Начинается процесс становления геральдической системы Российской Федерации.

В настоящий момент произошла серьёзная переориентация значительной части отечественных учёных-геральдистов в сторону изучения парадигмы развития личной геральдики в Московском государстве и Российской Империи, а также выявления механизмов воздействия на социум при помощи исторически сложившейся статусно-идентификационной традиции. В исследовании используются работы Е.И. Каменцевой, Г.Ф. Киселева, Н.А. Соболевой и других учёных, работающих в области геральдики ещё с советского времени.

Кроме того, в начале XXI века появилось значительное число учёных, стремящихся к выходу при изучении развития статусно-идентификационной системы из рамок петровского и постпетровского времени. Работы, посвящённые данной тематике, создают И. Б. Михайлова³⁶, А. И. Силаев³⁷ и другие. Однако в

³⁴ Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах» // Средние века. М., Наука, 1989. Вып. 52. С.307–310.

³⁵ Вилинбахов Г. В., Калашников Г. В., Шендрик А. Н. Государственные символы России. М., 2010.

³⁶ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003.

³⁷ Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М., 2003.

настоящий момент помимо отсутствия чёткого механизма отделения геральдических элементов от статусных элементов иных систем, имевших место на территории Московского государства (геральдика, система тамг и клейм, система бейжевой идентификации и родовых тотемов и др.) отсутствует систематизированный подход к изучению статусно-идентификационной системы, построенной московскими государями до Петра I. В XV–XVII веках московская социально-политическая иерархия основывалась на синтезе европейской, ордынской, кавказско-византийской и самобытной русской статусно-идентификационных систем.

Особенно подчеркнём то, что основная масса литературы, посвящённой российской геральдике, на протяжении всего времени развития исторической науки охватывает период от издания именного указа Петра I Алексеевича от 24 января 1722 года № 3890 (создание «Табели о рангах», упорядочившей государственную службу и коренным образом изменившей систему выслуги), до настоящего времени. В основном исследователи рассматривают лишь поздний период формирования системы отечественной геральдической системы идентификации. Вопросы развития отечественной геральдики в период до второй половины XVII века рассматриваются отечественными авторами весьма поверхностно, без какой-либо систематизации.

Основой нашего исследования, таким образом, становится не столько рассмотрение геральдики XV–XVII вв., как таковой, но рассмотрение возможностей геральдической науки применительно к изучению формирования отечественной служилой аристократии этого времени.

Геральдика Московского государства в начальный период своего формирования интересна для изучения в первую очередь как обширный, но мало использованный источник исторического знания. Геральдика, как таковая, довольно широко изучается отечественной наукой: начиная с фундаментального труда А. Б. Лакиера, до работ современных российских историков-геральдистов, например председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации – государственного герольдмей-

стера – Г. В. Вилинбахова, крупного историка Н. А. Соболевой и других специалистов.

Однако геральдика прежде всего рассматривается как наука о гербах как самостоятельных объектах, но не как источник сведений о формировании российского аристократического сословия. Вспомним, что геральдика в европейском смысле появилась в России сравнительно недавно: в XV–XVI вв., а служилая аристократия получила «европейский» статус лишь в 1762 г. с «Манифестом о вольности дворянской», изданным Петром III³⁸.

Таким образом, можно утверждать, что в России геральдика выполняла несколько иные функции, нежели в социально-политической структуре большинства государств Европы, где личный статус феодала в общей государственной иерархии был несоизмеримо выше, или в Японии с её культом традиционных ценностей. Таким образом, говоря о геральдике в России, мы говорим не только о системе идентификации личности, рода, субъектов администрации и политической жизни. «Родословные легенды» боярских родов, созданные в XVII веке, показывают новый уровень знаний и новое отношение к истории, сформировавшееся в русском обществе. «Если в XVI веке основной целью родословной было показать древность службы рода московским князьям, то теперь ценится происхождение как таковое, связь истории семьи с историей других стран», – утверждает в своих работах М. Е. Бычкова³⁹.

Мы можем говорить о геральдике, как о способе формирования аристократического статуса, сословия служилой аристократии, форме иерархии подчинения государству, иначе говоря, выдвинуть гипотезу, что геральдика стала в России одним из инструментов формирования самодержавной власти.

Развив данную гипотезу, можно либо опровергнуть сформулированное выше предположение, доказав, что геральдика является лишь системой иерархической идентификации, либо, под-

³⁸ См.: Ляшенко Л. М. Александр II. История трёх одиночеств. М., 2002.; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2000.

³⁹ Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 29.

твердив предположение об использовании геральдики как инструмента формирования самодержавной власти, получить дополнительный источник изучения динамики формирования в России сословия служилой аристократии, а также возможность изучения дополнительной методики политико-социальной консолидации общества.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что тема исследования слабо изучена. В большинстве работ, советского и постсоветского периода рассматриваются вопросы, связанные с развитием территориально-административной и учрежденческой геральдики. Вопросы развития личной и родовой геральдики после 1917 г. почти не рассматривались, а диссертационных работ по этой теме нет.

Целью работы является исследование роли личной и родовой геральдики в становлении статусно-идентификационной системы Московского государства XIV–XVII вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- выявить источниковый комплекс и историографическое состояние избранной проблемы;
- дифференцировать по различным критериям геральдические объекты, знаки статуса и собственности народов и культур, вошедших в состав Московского государства в период XIV–XVII вв., изучить взаимодействие этих элементов при формировании единой статусно-идентификационной системы;
- проследить формирование и развитие геральдической системы в Московском государстве в контексте взаимовлияния с геральдическими системами окружающих государственных образований;
- раскрыть социально-политические, религиозно-идеологические и правовые механизмы в геральдической статусно-идентификационной системе Московского государства XVII века.

Источниковая основа исследования многообразна. В основу систематизации источников исследователем положена система С. О. Шмидта, дифференцирующая источниковую основу проблемы по типам и подтипам. В работе были использованы:

1. **Источники материальной культуры:** материалы нумизматики (монеты), сфрагистики (печати, оттиски), фалеристики (знаки, ордена, и пр.), вексиллологии (флажки, знамёна).

Для ознакомления с источниками материальной культуры, относящимися к изучаемому времени, исследователь провёл работу с фондами Института археологии РАН, Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Астраханского государственного музея-заповедника, Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея РФ, Национального музея (Варшава). Из объектов *нумизматики* в исследовании использованы монеты удельных русских князей, а также правителей Московского государства. Наибольший интерес для нас представляют серебряные денги удельных князей Юрия Звенигородского, Семёна Владимировича Серпуховского, Юрия Дмитриевича Галичского⁴⁰, а также серебряные денги Василия II Тёмного из Первого Волгинского клада русских монет XV в., хранящиеся в фондах Государственного Исторического музея⁴¹. Изучаемые монеты находятся в удовлетворительной степени сохранности: на них наличествуют механические повреждения в виде потёртостей, сколов, царапин, а также следов «воровского ошипывания» краёв монет. Однако символы и буквы на аверсе и реверсе монет поддаются прочтению и расшифровке. Изучение данных монет позволило составить представление о статусных знаках и титулах, употреблявшихся удельными князьями в XIV веке.

К эпохе Ивана Грозного относятся рассмотренные серебряные полушки второй половины 1530-х гг. изготовленные на Московском и Новгородском денежных дворах; серебряные денги 1535–1547 гг. изготовленные на Московском и Тверском денежных дворах⁴²; серебряные копейки начала 1540-х гг., изготовлен-

⁴⁰ Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник. М., 1974. Ч. 3. Приложение 5. С. 144.

⁴¹ Зайцев В. В. Материалы по Русской Нумизматике XV века. Киев, 2004. С. 136–138.

⁴² Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. Табл. VIII, № I; Гайдуков П. Г. Младшие монетные номиналы

ные на Московском⁴³, Псковском⁴⁴ и Новгородском денежных дворах⁴⁵.

Изучаемые монеты также находятся в удовлетворительной степени сохранности: на них также имеются механические повреждения в виде потёртостей, сколов, царапин, а также – следов «воровского ошипывания» краёв монет. Особое значение данных монет для исследования в том, что они были отчеканены в эпоху денежной реформы Елены Глинской и первые пореформенные годы, во время, предшествующее реформам Ивана IV. На их примере можно наблюдать трансформацию статусных знаков московских великих князей в последние годы перед коренной реформой статуса Московского государства и его правителей (венчания Ивана IV на царство).

Важное значение для исследования имеют серебряные денги и копейки Фёдора Иоанновича, чеканенные на Московском денежном дворе⁴⁶, а также монеты Алексея Михайловича: медные копейки, изготовленные на Псковском денежном дворе и Куке-нойском денежном дворе⁴⁷. Рассматривались также серебряные полушки Фёдора Алексеевича 1681–82 гг⁴⁸.

средневековой Руси. Четверетцы, полушки и пула конца XIV–XVII в. М., 1999. С. 47.

⁴³ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. Табл. VIII. № I.

⁴⁴ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. Табл. VI. № 8–15.

⁴⁵ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. Табл. VII. № 7–14.

⁴⁶ Заворотная Л.А. Клад серебряных монет XVI – начала XVII в. из собрания ГМИИ. М., 2002. С.184–185.

⁴⁷ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 196–230.

⁴⁸ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1983. Табл.13.

Данные монеты находятся в хорошем состоянии: механические повреждения в виде потёртостей, царапин, а также – наличие патины обусловлены условиями хранения и длительностью использования монет по прямому назначению.

Информативная ценность монет в том, что на примере этих монет возможно не только проследить дальнейшую трансформацию статусных элементов в государственной символике, но и отследить различие элементов государственной символики, употребляемых на монетах, предназначенных для употребления различными слоями населения. Учитывая, что полушки Фёдора Алексеевича, по мнению ряда специалистов (например, В. В. Зайцева), чеканились с использованием штампов, бывших в употреблении во времена Алексея Михайловича, можно получить представление об изображениях и символах, помещаемых на медных и серебряных монетах одного периода.

Для получения информации об аналогичных символах, использовавшихся на территории государств, вошедших в состав Московского царства, рассматривались и зарубежные монеты. Среди рассмотренных иностранных монет особое значение для исследования имеет монета правителя Армении Левона II (1150–1219 гг.), представленная в экспозиции историко-археологического музея крепости Мецамор (Армения). На этой монете отчеканены как символы, характерные для геральдики Западной Европы, так и специфические элементы, характерные, скорее, для византийской традиции.

Кроме материалов нумизматики, в ходе исследования были рассмотрены материалы *сфрагистики*: оттиски и вислые печати удельных князей и правителей московского государства, хранящиеся в упомянутых выше фондах. В качестве примера можно привести оттиски печатей удельных князей Глеба Полоцкого (XIV в.)⁴⁹, Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.)⁵⁰, великих кня-

⁴⁹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2001. Вып.15. С.179–197.

зей Александра Невского и Василия III, вислые печати Ивана III, Ивана IV⁵¹.

Изучение печатей и оттисков даёт нам возможность проследить трансформацию эмблематических элементов на личных печатях русских князей в элементы геральдических объектов как родового, так и общегосударственного характера.

Для изучения объектов вексиллологии (европейские знамёна, баннеры и вымпелы) автору пришлось изучить экспозицию музеев замков Мальборк (Польша), Мирского (Белоруссия), Несвижского (Белоруссия), Амбрас (Австрия) и Ригерсбург (Штирия), а также экспозиции Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея РФ, Музея Войска Польского (Варшава), Национального музея (Варшава). Изучение знамён, представленных в экспозициях музеев, позволило не только рассмотреть данный элемент статусного ранжира европейского дворянства на поле боя, но и проследить ряд закономерностей в сочетании элементов родовой и государственной геральдики на флагах, а также порядок практического применения специфических элементов польской (пржидомек) и австрийской корпоративной геральдики (знаки сюзеренитета).

Ознакомление с материалами фалеристики XVIII в. (орден Святого апостола Андрея Первозванного (1698), орден Освобождения («Святой Екатерины») (1714 г.), орден Александра Невского (1725 г.), орден Святого Великомученика и Чудотворца Георгия Победоносца (1769 г.), орден Святого князя Владимира (1782 г.), орден Святого Иоанна Иерусалимского (1797 г.)), а также европейскими орденами, помещёнными в орденскую систему Российской империи (орден Белого Орла (1325 г., в России – с 1831 г.), орден «Virtuti Militari» (с. 1792 г. в России с 1806 по 1831 г.) и орден Святого Станислава (с 1765 г.)), позволило сделать вывод о цен-

⁵⁰ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003. С. 283–314.

⁵¹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003. С. 338–357.

трализованном процессе европеизации системы наград Российской империи⁵². Учитывая отсутствие до 1698 г. собственной системы наград Московского государства и использования при её создании исключительно элементов европейских геральдической и эмблематической систем, позволяет сделать заключение о пренебрежении правителями Российской империи XVIII века исторически сложившимся эмблематическим и геральдическим опытом Московского государства до конца XVI века.

2. Изобразительные источники. При рассмотрении поставленных исследовательских вопросов задействованы как художественно-изобразительные, так и изобразительно-графические источники: изображения гербов, содержащиеся в специальной справочной литературе – гербовниках, каталогах и т. д.

В ходе работы были использованы: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи⁵³, гербовник «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи»⁵⁴, составленный А. А. Бобринским, работа И. В. Борисова «Родовые гербы России»⁵⁵, первые два выпуска «Русского геральдического словаря», созданного В. Е. Белинским⁵⁶. Значительный интерес представляют «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям с приложением их кратких жизнеописаний», составленное П.П. Бекетовым⁵⁷, а также «Памятники дипломатических

⁵² Изотова М. А., Царёва Т. Б. Все награды России и СССР. Ордена, медали и нагрудные знаки. Полная энциклопедия орденов и медалей России. М., 2008. С. 19–38.

⁵³ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1798–1885.

⁵⁴ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890.

⁵⁵ Борисов И. В. Родовые гербы России. М., 1997.

⁵⁶ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. СПб., 1912–1913. Вып. 1–2.

⁵⁷ Бекетов П.П. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821–1824.

сношений Московского государства с Англиею»⁵⁸, опубликованные Императорским Русским историческим обществом, царский «Титулярник»⁵⁹ и другие издания.

Использование данных источников позволяет рассмотреть геральдические объекты отечественной геральдики, проследить роль отдельных геральдических элементов, особенности их трактовки, случаи привнесения в геральдические объекты национально-регионального компонента, религиозно-культурных символов, а также общекультурного влияния европейских, причерноморских, поволжско-мусульманских, кавказско-мусульманских статусных элементов на формирование отечественной геральдической системы. Всего в ходе исследования было рассмотрено свыше 400 геральдических объектов как отечественной, так и зарубежной геральдики. С точки зрения влияния европейского элемента важным является рассмотрение гербов правящей династии Рюриковичей (Василия III и Ивана IV), герба правящей фамилии Романовых и российских дворянских родов Шереметевых, Неплюевых, Блудовых, Яблонских и других.

Отдельного внимания заслуживают корпоративные гербы Польши и великого княжества Литовского: «Погоня», Абданк, Лелива, Елита, Наленч, Порай, Слеповронь, Корыбут, Лисы Бзура (Lisy Vzura).

Влияние причерноморского элемента в отечественной геральдике возможно проследить изучая, например, гербы царицы Тамар (Тамары), допетровский и постпетровский гербы рода Багратиони, герб Вахтанга IV, родов Амилахвари, Гедеваншвили, Джакели и других родов кавказской аристократии, вошедших в состав дворянства Российской империи.

Немало информации о статусных элементах Причерноморья, сложившихся под влиянием Византийской империи, мы можем

⁵⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1883.

⁵⁹ Царский Титулярник. В 2 т. М., 2007.

получить, изучая территориальную геральдику Причерноморья и Кавказа, например, герба Армении.

Особенно интересен вопрос включения в отечественную геральдику специфических статусных объектов государств Поволжья и Крыма, который мы рассматриваем в ходе исследования, изучая гербы родов Нарбековых, Державиных, Одоевских (Одаевских), Урусовых, Бабичевых, Юшковых, Юсуповых и других родов, ведущих своё начало от представителей монгольской и тюрко-татарской аристократии.

3. **Письменные источники** как личного, так и официально-го характера. Среди источников официального происхождения особенно важным для исследования являются законодательные акты, в частности, «Судебники» 1497 и 1550 годов⁶⁰, «Соборное уложение» 1649 года⁶¹. Однако для изучения процесса формирования сословия служилой аристократии, необходимо изучение докончаний и договоров удельных князей с боярами и «детьми боярскими»⁶². Их изучение даёт нам представление о соотношении статуса феодально-вотчинной и служилой аристократии в указанную эпоху и позволяет выявить рычаги влияния на эти сегменты сословия военной аристократии, законодательно закреплённых за удельными и великими князьями.

При рассмотрении процесса формирования геральдических объектов и геральдической системы использовались *делопроизводственные источники*. Например – материалы официальной переписки, представленной, например, в фонде 135 РГАДА (в данной работе, в частности, разбирается письмо Л. Хурелича государю московскому Алексею I⁶³).

В ходе изучения родовых легенд, а также мотивов внедрения геральдической системы в формирующуюся статусную систему Московского государства анализировались *документы личного*

⁶⁰ Судебники XV–XVI вв. М., 1952.

⁶¹ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1907.

⁶² Например: Псковская судная грамота (1467 г.). Одесса, 1847.

⁶³ РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Руб. 2. № 26. Л. 3.

происхождения, в том числе, личная переписка князей Мосальских, мирз Казаковых и др.

Отдельно в ходе исследования рассматривались литературно-обработанные свидетельства современников, например, переписка князя А. Курбского с Иваном IV⁶⁴; полемика князя М. М. Щербатова и И. Н. Болтина⁶⁵; мемуарные работы Г. К. Котошихина⁶⁶ и Г. Штадена⁶⁷ и др.

Важное значение имеет и исследование *нарративных письменных источников*. К таким, например, можно отнести летописи. В ходе работы были использованы данные из ряда летописей конца XV в.: Ростовской летописи 1483–84 гг.⁶⁸, Псковской летописи 1499 г.⁶⁹, Ермолинской летописи⁷⁰, Московского летописного свода конца XV в.⁷¹

При анализе письменных источников изучались не только правовые основы становления сословия служилой аристократии и формирования отечественной геральдической и статусно-идентификационной систем, но и выявлялись субъективные мотивы, обуславливающие отношение различных социальных и этнических сегментов общества Московского государства к реформированию социальной структуры и статусно-идентификационной системы Московского государства XIV–XVII вв.

Интересен сравнительный анализ субъективных взглядов различных летописцев на события, произошедшие в период начала активного формирования самодержавного государства под властью московских великих князей. Если в ходе изложения со-

⁶⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Археографический обзор. Л., 1979. С. 250–351.

⁶⁵ Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789.

⁶⁶ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.

⁶⁷ Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008.

⁶⁸ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

⁶⁹ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

⁷⁰ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.

⁷¹ ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. 25.

бытий в московском летописном своде наблюдается систематическое выполнение планомерного государственного заказа со стороны правителей Московского княжества, то псковские и ростовские летописи зачастую не имеют чётко выраженной «долгосрочной» политической направленности.

4. **Конвенционные источники:** системы знаковых обозначений, употребляющиеся в европейской, кавказской и отечественной геральдике. Отдельных трудов по данным системам практически нет, они рассматриваются в работах, посвящённых геральдике. Системы знаковых обозначений подробно рассмотрены в трудах И. Х. Гаттерера⁷², Бартоло ди Сассоферато⁷³, а также в гербовниках, имевших хождение на территории Российской империи.

5. **Фольклорные источники.** Атмосферу времени и особенности социальных отношений помогают изучать произведения фольклорного характера, например, песня о «Князе Серебряном».

6. В ходе исследования использовались те **художественные произведения**, созданные представителями отечественной аристократии, в которых авторы детально описывают отношение представителей дворянства к родословным, генеалогическим легендам, блазонам гербов и их толкованию. В качестве примера в работе приводится псевдогеральдическое описание, приведённое в произведении А. К. Толстого «Упырь»⁷⁴.

7. Автору пришлось неоднократно прибегать к **справочной литературе** смежных социологических, религиоведческих, вспомогательных исторических дисциплин и лингвистических наук (этимологии, лингвистики, истории языка).

В конце XX – начале XXI века появился и ряд трудов, систематизирующих материалы отечественных и зарубежных исследователей в данных областях. В этом плане среди научной литературы выделяются труды В. Г. Буркова (историография фалери-

⁷² Гаттерер И. Х. Начертание гербоведения. СПб., 1805.

⁷³ Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах» // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С.307–310.

⁷⁴ Толстой А. К. Упырь // Толстой А. К. Князь Серебряный. Семья вурдалака. Упырь. М., 2007. С. 282–334.

стики)⁷⁵ и М.П. Головановой (историография вексиллологических источников)⁷⁶, Н. В. Устюгова и Е. И. Каменцевой (сфрагистика и геральдика)⁷⁷. К сожалению, приходится отмечать, что основная информация в области данных исторических дисциплин также относится к периоду XVIII – XX веков.

В ходе работы стало очевидным, что изучение источников, относящихся к узкой тематике работы, не даёт нам возможности объективного рассмотрения проблемы. Поэтому для достижения поставленных в работе целей, потребовалась практическая реализация межпредметных связей социологических, исторических и языковедческих дисциплин.

Методологической основой исследования стали принципы диалектического познания исторического развития общества. В своей работе автор следует принципам научного историзма. Активно использовался сравнительно-исторический метод исследования, а при рассмотрении истории статусно-идентификационной системы, применялись методы исторического анализа и исторического синтеза. Для перехода от единичных статусных и геральдических объектов к общим тенденциям развития статусно-идентификационной системы автор воспользовался индуктивным методом исторического исследования. Унификация статусно-геральдических объектов осуществлялась в исследовании методом обобщения.

Из специальных методов исследования для установления связи между развитием геральдической системы и социально-политическими институтами Московского государства был применен метод исторического моделирования. В основу исследова-

⁷⁵ Бурков В. Г. *Историография отечественных фалеронимов и фалеристики*: Учебное пособие. Л., 1990.

⁷⁶ Голованова М. П. *Некоторые аспекты историографии вексиллологических источников (к истории изучения российских государственных знамён XVI – XIX веков)* // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания*: Докл. и тез. XIV науч. конф. М., 2002. С. 171–174.

⁷⁷ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. *Русская сфрагистика и геральдика*: Учебное пособие. М., 1963.

ния положен метод исторического институционализма. Понятие институционализма включает в себя два аспекта: «институции» – нормы, обычаи поведения в обществе, и «институты» – закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций и учреждений. Смысл институционального подхода состоит в том, чтобы не ограничиваться анализом каких-либо конкретных категорий и процессов в чистом виде, а включить в него институты, учитывать «внешние» и «смежные» факторы.

Данный метод предполагает рассмотрение исторических процессов как звеньев единой цепи развития взаимосвязанных друг с другом посредством причинно – следственных связей социально-политических и экономических институтов, действующих в рамках исследуемого социума.

Из междисциплинарных методов, использованных в ходе работы, выделяется семиотический метод исследования, обоснованный Ю. М. Лотманом, Б. А. Успенским и др. При использовании данного метода внимание исследователя сосредоточивалось на изолированном знаке, то есть на отношении знака к значению, к другим знакам, к адресату.

Понятийный аппарат. Обращение к проблеме развития геральдики и оценки информационной возможности геральдики Московского государства на начальном этапе её развития (XVI–XVII вв.), как источника сведений о формировании слоя служилой аристократии предполагает анализ таких ключевых понятий как «геральдика», «дворянство», «служилая аристократия», «социальный статус», «дети боярские», «герб», «выезжие роды», «родовые легенды».

Более того, данная проблема заставляет нас вводить в исследование новое понятие – *«статусно-идентификационная система»*, которое обусловлено уникальностью сложившейся на территории Руси и великого княжества Московского системы иерархии среди представителей военной, феодальной и служилой аристократии. С одной стороны, исследователь не находит возможным ограничить сложившуюся совокупность систем иерархии личности и рода в Московском государстве указанного периода лишь функцией идентификации, которая преобладала в анало-

гичной системе, принятой на территории стран Европы. С другой стороны, данная система обладала более гибкой и разноплановой системой стратификации русского общества, нежели принятая в Золотой Орде и наследовавших ей государствах система определения статуса, базирующаяся на законах Ясы и принципах формирования войска, принятых ранее в Монгольской Империи.

В связи с вышеизложенным мы вводим оригинальное определение «**Статусно-идентификационная система**» для обозначения комбинированной системы стратификации русского общества в период становления юридически оформленной системы геральдико-генеалогической идентификации личности и рода в общегосударственной системе Московского царства.

В последние десятилетия в историографии возрос интерес к изучению отечественной геральдики и служилого сословия. Появилось множество работ, отразивших широкий спектр теоретических и конкретно-исторических вопросов, касающихся истории развития геральдической системы Московского государства. Это обусловило существование множества интерпретаций термина «геральдика».

В целом исследователи отмечают следующие характерные черты геральдики: легитимность данной системы, наличие стройных законов формирования геральдических объектов, чётко определённые правила и значения, жёсткость и творческий подход к достижению своей цели – увеличению капитала.

Термин «*геральдика*» может трактоваться в нескольких аспектах. Во-первых, под геральдикой или гербоведением понимается вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением гербов, правил их создания и толкования условно-графических символов, используемых в гербовых изображениях. Во-вторых, геральдикой принято называть унифицированную систему международной и внутригосударственной идентификации военно-феодальной аристократии в странах Европы и Причерноморья. В-третьих, геральдику можно трактовать как систему условно-графического отображения истории рода и внутриродовой идентификации. В нашей работе геральдика, прежде всего,

рассматривается как статусно-идентификационная система применительно к Московскому государству.

Понятие *«аристократия»* как знать, привилегированная часть какого-либо класса (патриции в Риме, эвпатриды в Афинах, дворянство и т.д.) или общественная группа, пользующаяся особыми правами и преимуществами, сформулировал учёный советского периода В. С. Нерсисянц. Исключив часть термина о классовой принадлежности аристократии, исследователь использует его в работе.

«Дворянство» – одно из высших сословий феодального общества, обладавшее закрепленными законодательством наследственными привилегиями. Ряд исследователей считает, что на раннем этапе своего формирования дворянство отделялось от сословия боярской и удельно-княжеской феодальной аристократии⁷⁸.

«Феодальная аристократия» изначально отличалась от дворянства тем, что привилегии феодальной аристократии были закреплены не столько законодательно, сколько путём потомственного владения землёй. Например, И. Б. Михайлова приводит в своей работе «Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века.» мнения ряда отечественных историков, считавших, что изначально дворянство представляло собой слой безземельной или малоземельной военной аристократии, лично преданной своему князю (позднее – царю) и, представлявшее силу, противодействующую земельной аристократии⁷⁹.

Ряд исследователей утверждает, что дворянство начинает оформляться на Руси ещё в XII–XIII вв. и окончательно сложилось к началу XVIII в. Обычно такое мнение связывается с рассмотрения такого социального слоя как *«дети боярские»*. Самое

⁷⁸ Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М., 1982. С. 364.

⁷⁹ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С.14.

раннее известие о детях боярских содержит статья из Новгородской Первой летописи за 1259 год⁸⁰.

Вопрос о происхождении «боярских детей» и месте этого слоя аристократии в социальной иерархии русского государства рассматривали ещё князь М. М. Щербатов и полковник И. Н. Болтин. Единственный вывод, в котором сходится большинство историков, термин «боярские дети» говорит о несамостоятельности, «несуверенности» этого слоя феодалов.

Основная часть историков, специально занимавшихся этим вопросом, сходятся во мнении, что процесс формирования служилой и земельной аристократии серьёзно активизируется лишь во второй половине XV века – во время правления Ивана III. В частности, именно ему в ряде документов приписывается перепись земельных владений ярославского княжества⁸¹, а также создание широкого государственного земельного фонда из конфискованных у противостоявших ему феодалов земель.

Так или иначе, но «дети боярские» являются одной из социальных групп *«служилой аристократии»*. Под этим термином понимаются лица, относящиеся к княжеским и боярским родам, лишённые, однако, в силу исторически сложившихся обстоятельств земельных владений и находящихся в зависимости от удельного землевладельца, которому они служат, зачастую державших от него земельные поместья «на корм». Мы сознательно отделяем понятие «служилая аристократия» от понятия «служилые люди», поскольку в сословие служилых людей входят представители ряда сословий.

Уже в XVII веке наряду с зачислением на службу на основе поместного права – верстания, стали активно развиваться такие виды набора служилых людей, как вербовка – «прибор» и набор даточных людей. Нужно иметь в виду, что «по прибору» на службу правителям московского государства набирались люди, которые при обычном порядке не несли военной повинности. В

⁸⁰ Вернадский Г. В. История в России. Монголы и Русь. Тверь. М., 1997. С.378.

⁸¹ ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 23. С. 39–40.

этом отношении, на службу набирались и лица, не принадлежащие к сословию феодальной, удельной и военной аристократии⁸².

В связи с особенностями социально-политической организации русского общества возникает вопрос о понятии «*социального статуса*». В общепринятом понимании данного термина, «социальный статус», это положение, занимаемое индивидом или социальной группой в обществе или отдельной подсистеме общества. Определяется по специфическим для конкретного общества признакам. Каждый человек, как правило, обладает не одним, а несколькими статусами. Совокупность социальных статусов принято называть статусным набором. Социологи различают три вида статусов. В первую очередь, это – *естественный (прирожденный) статус*, то есть статус, полученный человеком при рождении (пол, раса, национальность). Второй – *приобретенный (достижимый) статус* – которого человек достигает своими усилиями (должность, пост). И, наконец, – *предписанный статус*, который человек приобретает вне зависимости от своего желания (возраст, статус в семье). С течением жизни он может меняться. Предписанный статус бывает природным и приобретенным.

Отдельного внимания заслуживает сочетание приобретенного и предписанного статуса в среде служилой аристократии описываемого периода. Этот вопрос связан с коренными преобразованиями в сфере социальной политики московских князей и первых царей, начатыми во время правления Ивана III Васильевича и завершившимися во время правления государя Фёдора Алексеевича.

Понятие «*герб*» в своих трудах подробно раскрывают такие выдающиеся специалисты своего дела, как А. Б. Лакиер, И. К. Гаттерер, В. К. Лукомский, Н. А. Соболева. С европейской точки зрения герб и его свойства подробно описывает Мишель Пастуро⁸³. Подробное рассмотрение данного понятия тем более важно, что

⁸² Кадрова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 82.

⁸³ Пастуро М. Геральдика. М., 2003.

общепринятое понятие герба включает в себя ряд вопросов и определений, которые не отражают объективной действительности.

Понятие «герб» чаще всего трактуется в публицистической и научно-популярной литературе как эмблема, отличительный знак, передаваемый по наследству, на котором изображаются предметы, символизирующие владельца герба (человека, сословие, город, страну и т. п.). Такое определение мы считать верным не можем, так как понятие эмблемы включает в себя иные характеристики. *Эмблема* (от греческого ἐμβλήμα) – условное изображение идеи в рисунке и пластике, которому присвоен тот или другой смысл. Эмблема отличается тем, что её применение возможно только в пластических искусствах, а установленный смысл её иносказания, не подлежит толкованиям.

Ю. В. Арсеньев и И. И. Мещанинов трактовали *герб* как изображение, являющееся символом отдельной юридической единицы: территории, организации, рода (отдельного его члена), а также – собственность, принадлежащую названным субъектам владения⁸⁴. Того же мнения придерживался и Б. А. Рыбаков⁸⁵. Однако, как указывал в своей статье В. К. Лукомский, при таком понимании слова «герб» многие историки склонны видеть прототипы гербов во всякого рода отличительных знаках: тотемах, тамгах и т. п. Учёный настаивает на определении герба как графического изображения, имеющего чётко определённую композицию, состоящую из стандартизированных элементов и выраженную на основе установленных правил⁸⁶.

В исследовании герб трактуется как признак юридической единицы, составленный по правилам, описанным В. К. Лукомским.

⁸⁴ Арсеньев Ю. В. Геральдика. М., 1908. С. 3. Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1932. Вып. 62. С. 41–50.

⁸⁵ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. // Советская Археология. М., 1940. Т. VI. С. 227–257.

⁸⁶ Лукомский В. К. Герб, как исторический источник // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1947. Вып. XVII. С. 49.

Понятие «*выезжие роды*» в настоящий момент является устаревшим, однако мы вводим его в работу, поскольку его использование в полной мере отвечает требованиям реализации принципа историзма. Под понятием «выезжие роды» понимается ряд родов и фамилий, родоначальники которых имели на территории русских княжеств статус переселенцев, эмигрантов либо беженцев. В работе уделяется большое внимание истории тех выезжих родов, которые сумели сохранить свою национальную, культурную и статусную самоидентификацию не только в системе иерархии русского общества, но и в системе, к которой принадлежали их родоначальники.

Понятие «*родовые легенды*» заимствовано автором из работы М. Бычковой «Легенды московских бояр», однако оно использовалось и другими исследователями. Понятие «родовой легенды» включает в себя исторические или мифологизированные сведения о родоначальнике той или иной династии, рода, фамилии, а также о деятельности её (его) видных деятелей. Чаще всего родовые легенды имеют отношение к генеалогическим исследованиям, вместе с тем, они неотъемлемым образом связаны и с геральдической системой. В работе подробно рассмотрен ряд примеров, на которых объясняется механизм условно-графического воплощения родовых легенд в родовых гербах аристократии Московского государства, сформированных в XVI – XVII веках. Кроме того, через родовые легенды и виды их геральдического воплощения любой исследователь может в высокой доле вероятности определить направление, вид, степень культурной идентификации изучаемого рода.

Научная новизна исследования определяется тем, что поставленные в ней проблемы ранее специально не изучались, вследствие чего какие – либо выводы об использовании геральдики в качестве инструмента формирования слоя служилой аристократии и источника информации в предшествующей литературе отсутствуют.

В. К. Лукомский неоднократно отмечал в своих работах бессистемность исследований отечественных учёных в вопросах геральдики, так и генеалогии. К началу XX века, по мнению этого

учёного, было опубликовано лишь около трети геральдических источников. Другие отечественные авторы данный вопрос не поднимали.

Кроме того, как показывает практика, основная часть существующих работ, рассматривающая развитие геральдики Московского государства охватывает период XVIII – XIX столетий, когда геральдическое творчество зачастую не подчинялось законам формирования геральдической системы, существовавшей в Европе, а сама геральдика после введения «Табели о рангах» в значительной степени лишилась своей практической значимости, как институт идентификации статуса личности и рода, которой обладала до XVI века.

Ряд исследователей проводят аналогии социальной структуры Московского государства после XVI в. с системой, принятой в улусах Золотой Орды, указывая на влияние, воспринятое Московским государством от государств чингисидов-джучидов.

Существующие немногочисленные работы по геральдической системе Московского государства XIV–XVII вв. базируются на скудной источниковой основе. Более того, бытует мнение об отсутствии институтов геральдики и самобытных гербов на территории московского государства до XVIII века.

С другой стороны, новизна исследования определяется тем, что в настоящий момент отсутствуют исследования, рассматривающие институт геральдики как один из инструментов формирования служилого сословия в период формирования самодержавной власти в московском государстве. Фактически, в настоящий момент геральдика рассматривается как самостоятельная и самодостаточная историческая дисциплина, что в корне противоречит принципам исторического институционализма.

Новизна исследования определяется и предложением исследователем оригинальной систематизации геральдических объектов по принципу их культурной идентификации в рамках единого социума. Основой для данной системы идентификации служат: происхождение герба, воплощение религиозной, национальной и социальной культуры, а также – принципы формирования геральдического объекта.

Всё это позволило выявить и охарактеризовать основные тенденции развития геральдики как одного из инструментов формирования единого социального слоя отечественной служилой аристократии и показать её роль и значение в модернизационных процессах XV – XVII века.

Конкретно-историческая информация, содержащаяся в работе, и ее аналитическая часть могут быть использованы для дальнейшей научной разработки широкого спектра проблем истории средневековой России.

Данная работа может быть использована при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по геральдике, генеалогии, источниковедению и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Возможно применение материалов диссертации для изучения неизученного и неопубликованного геральдического фонда России. Возможно также применение материалов данного исследования в ходе формирования экспозиций историко-краеведческих музеев по истории России, в том числе Поволжья, Республики Татарстан и Казани.

ГЛАВА 1.
Предпосылки введения единой
статусно-идентификационной системы
в Московском государстве

О геральдике Московского государства допетровского периода, исследователи, к сожалению, писали сравнительно неохотно. До начала XVIII века структура российского общества не имела чётко определённой системы субординации и геральдической идентификации, подобной европейской, и отличалась нестабильностью. Отечественный исследователь начала XX века С. И. Василевич писал: «До Петра I в России был известен лишь княжеский титул, как отличительный знак родов, произошедших от Рюрика, Гедимины или князей Литовской Руси, а также – потомков грузинских царевичей, горских владетелей, татарских мурз, въезжавших в Россию. Западноевропейские титулы графа или барона, появляются у нас впервые при Петре I»¹.

Его суждение не противоречило мнению Н. М. Карамзина, который ещё в своей «Истории Государства Российского» писал: «Сия власть означалась у славян [в VIII веке] именами боярина, князя, пана, жупана, короля или краля и другими»². Объясняя происхождение этих титулов, он обращается к этимологии слов, которую строит на прямой аналогии: «боярин» – от слова «бой» (доблестный воин), «князь» – от слова «конь» (конник, зажиточный воин), «жупан» – от «жупа» (селение, сельский староста) и пр. Однако говоря о правах аристократии, Карамзин оговаривает-

¹ Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи. СПб., 1910. С. 3.

² Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. М., 1998. Т. I–III. С. 87.

ся, что «древнейшие воеводы, бояре, паны, жупаны и самые короли славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его всякой доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или несчастиях»³. Следовательно, по мнению Карамзина (а он апеллирует к «Повести временных лет» Нестора и договору князя Олега Вещего с греками от 911 года), богатство и военная сила далеко не всегда имели следствием статус князя или иного правителя.

Дело в том, что вплоть до XI века на Руси не существовало института «права» как такового. На этом аспекте заостряют внимание и Н. М. Карамзин и С. М. Соловьёв и Н. И. Костомаров. Последний прямо говорит об этом в своей «Русской Истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей»⁴. Таким образом, можно отметить, что многие классики российской истории сходятся во мнении, что в период от IX до XV вв. мы не можем говорить об аристократии на Руси как о сложившемся социальном слое.

Если рассматривать историю формирования религиозной идентичности социума Московского государства, то описываемый период представлял собой этап её окончательного оформления. К 1429 г. завершается борьба со «стригольниками». За присоединение к Ферраро-Флорентийской Унии в 1441 году осуждён на соборе русского духовенства митрополит Исидор Киевский. В последние десятилетия XV века и в годы правления Ивана IV Грозного Русская Православная Церковь активно ведёт борьбу с ересью «жидовствующих». Описываемый период характеризуется многочисленными попытками упорядочить не только церковную жизнь, но и православную идеологию в восприятии светской аристократии и государства.

Историки придерживаются разных мнений о социальной основе, формирования светской служилой аристократии, которую

³ Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. М., 1998. Т. I–III. С. 88–89.

⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1998. С.70–71.

большинство историков так или иначе отделяют от земельной или «удельной». Так, И. Б. Михайлова приводит в своей работе «Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV –первой половине XVI века.», пример полемики между И. Н. Болтиным и М. М. Щербатовым, где оба историка отрицают мнение В. Н. Татищева о «низком» происхождении «боярских детей»: первый считает их выходцами из вольных слуг, другой – из боярских родов⁵. Самое раннее известие о детях боярских содержит статья, помещённая в Новгородской Первой летописи под 1259 годом. По свидетельству летописца, напуганные восстанием в Новгороде, «оканные» татары попросили у Александра Ярославича Невского выделить им отряд охранников: «И повеле князь стереци их сыну посадницу и всем детемъ боярскимъ по ночемъ»⁶. Единственный вывод, который разделяет большинство историков, – сам термин «боярские дети» свидетельствует о несамостоятельности, «несуверенности» этого слоя феодалов.

Учитывая использование в качестве высшей присяги принципа духовной, церковной клятвы – Крестоцеловательную запись. Форма присяги, свидетелем и арбитром при заключении которой выступает Творец, позволяет резонно предположить, что до начала XIV в. служилое сословие в Московском государстве формировалось преимущественно из единоверцев-православных. При этом в исторических источниках существуют примеры принятия на службу Московским Великим князьям представителей римско-католической и мусульманской конфессий. Так на службу Великому Князю Василию II Тёмному поступили два сына хана Улу-Мухаммеда – Якуб и Касим, как минимум последний из которых сохранил своё мусульманское вероисповедание, как и его окружение⁷.

⁵ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С.14.

⁶ Вернадский Г. В. История в России. Монголы и Русь. Тверь. М., 1997. С.378.

⁷ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 2006. С. 21.

Основная часть историков, специально занимавшихся этим вопросом, сходятся во мнении, что процесс формирования служилой и земельной аристократии серьёзно активизируется лишь во второй половине XV века, во время правления Иоанна III Великого. В частности, именно ему в ряде документов приписывается перепись земельных владений ярославского княжества⁸, а также создание широкого государственного земельного фонда из конфискованных у противостоявших ему феодалов земель. Так, например, летописи рассказывают о ликвидации имущественной базы феодальной аристократии Великого Новгорода в пользу Великого Княжества Московского (впрочем, летописец не делает разницы между имуществом Великого Князя и государственной собственностью)⁹.

Некоторые историки, как, например, Р. Г. Скрынников считают, что именно присоединение Великого Новгорода к Великому Княжеству Московскому в 1478 году и переселение местной аристократии с конфискацией её земель создало мощнейшее государственное землевладение¹⁰. Именно относительно этих бывших новгородских земель впервые начинает употребляться термин «поместье» (первым «поместьем» считается участок земли, пожалованный боярскому сыну Тыртову в 1490 году¹¹).

Однако несмотря на то, что оба термина, как «вотчина», так и «поместье» начинают употребляться одновременно, в первые годы юридической разницы между ними мы не видим. К. А. Неволин в своей «Истории российских гражданских законов» отмечает, что хотя понятие поместья как земельного надела появляется лишь в эпоху правления Ивана III, слово «поместный» существу-

⁸ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 23. С. 39–40.

⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т. 25. С. 222–323.

¹⁰ Скрынников Р. Г. Великий государь Иван Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С.25.

¹¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 8.

ет и до этого. По мнению Неволлина до правления Иоанна Великого «поместными» на Руси называли удельных князей¹².

Интересно, что поместная система, как таковая сложилась лишь в середине XVI века. Мера службы с земли была определена лишь законом от 20 сентября 1555 года. И всё это время ни вотчина, ни поместье не могли быть носителями какого-либо статуса, как это было в Европе, так как вотчины и поместья ничем не напоминали европейский тип земельных владений.

Во-первых, на Руси отсутствовало понятие манора. То есть, земельные угодья дробились пропорционально числу потомков мужского и женского пола. Следует учесть, что княжеские семьи были весьма многодетны. Например, в летописях упоминаются пять сыновей первого московского князя Даниила Александровича: Юрий, Афанасий, Александр, Борис и Иван (будущий Иван Калита). А детей Ивана I Калиты в летописях упоминается целых десять: Симеон, Даниил, Мария, Евдокия, Иван, Андрей, Феодосия Белозёрская (Феодора), Фетинья, Мария, Феодосия (от 2-й жены Ульяны)¹³. Если учесть, что каждому ребёнку мужского пола полагался удел, а ребёнку женского пола – опричь, как часть приданого, то можно предположить, что введение в систему личной идентификации отображения земель являлось нецелесообразным: такие гербы были бы при системе удельного землевладения очень недолговечными (особенно, если учесть, что детская смертность была велика, а поэтому передел земельных угодий даже в великокняжеских владениях происходил неоднократно).

Во-вторых, даже наследственные земельные владения могли быть отторгнуты у хозяина их по воле великого князя и переданы произвольному лицу. Р. Г. Скрынников, например, упоминает историю гонений на новгородских бояр зимой 1483–1484 годов и историю создания удельного княжества для отъехавшего из Лит-

¹² Неволлин К. А. История российских гражданских законов // Неволлин К. А. Полн. собр. сочинений: в 6 т. СПб., 1857. Т. 1. С. 196.

¹³ Ткаченко В. А. Московские удельные князья и цари. М., 1992. С. 8–14, 15–20.

вы в 1482 году Фёдора Бельского¹⁴. А в Ростовской летописи прямо упоминается о том, что в 1483–84 годы были выселены из Новгорода и лишены вотчин около 30 боярских семей¹⁵.

В-третьих, на Руси по сути, не существовало вассальной системы. И.Б. Михайлова приводит в своей работе пример «докончания» Василия II с Василием Ярославичем Серпуховским и Боровским (нач. 1433 года), которое гарантирует право «детей боярских» выступать в поход с тем князем, которому они служили, вне зависимости от расположения их вотчин в землях союзников. Им запрещено было покидать район проживания только в том случае, если противник осаждал местный город, тогда они должны были быть на стороне осаждаемых. При этом «дети боярские» находились под защитой князя, которому они служат, а также платили ему налоги¹⁶. Подобное мнение можно видеть и в очерках историка и писателя середины XX века Михаила Каратеева.

Всё это создавало ситуацию, давно ликвидированную в Европе, где уже с эпохи классического средневековья носителем титула являлась не личность, а земельное владение. Именно земельное владение давало европейскому аристократу право на тот или иной титул. В Великом Княжестве Московском же мы видим диаметрально противоположную картину: государь нередко создаёт базу под уже имеющийся род, личность (такова история, например, семьи Бельских).

Таким образом, мы видим, что первым этапом для формирования слоя служилой аристократии должно было стать юридическое закрепление положения аристократии как таковой и определение, что же является носителем титула: личность или владение. Это и было сделано в результате введения «Судебника» в 1497 года. Именно в этом документе были закреплены юридические понятия «вотчина» и «поместье», а также их статусы. Что харак-

¹⁴ Скрынников Р. Г. Великий государь Иван Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С. 25, 27.

¹⁵ Ростовская летопись 1483–84 годов // ПСРЛ. Пг., 1925. Т. 4. С. 610.

¹⁶ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 32.

терно, ряд летописей говорит о том, что уже и рядовые жители страны осознавали необходимость унификации системы права и иерархии.

Показательно в этом отношении поведение псковской старшины, которая, признав своим Великим Князем Ивана III, всё-таки в 1499 году отказывается принимать Василия и даже шлёт официальное посольство со словами: «а которой бы был великий князь на Москве, тот был бы и нам государь»¹⁷. Интересно, что в данном случае псковитяне не называют, если верить летописцам, конкретного имени, а ведь в тот момент в Москве – фактическое двоевластие Ивана III и Дмитрия Внука. Вполне вероятно, что этот момент можно считать началом преобладания статуса над фактической властью, одним из первых ярко выраженных моментов стремления земельной аристократии к формированию единой иерархии, даже за счёт утраты определённой части самостоятельности.

Неудивительно, что уже при преемнике Иоанна Великого Василии III на базе земельного фонда, полученного Великим Княжеством Московским, из лиц самого разного социального происхождения начинает формироваться сословие служилой аристократии. Тот же Р. Г. Скрынников называет следующие цифры: «К концу XV века поместья в Новгороде получили 964 сына боярских. В начале XVI в. В новгородском ополчении служило уже 1400 детей боярских. ...казна смогла наделить государственной собственностью не отдельных лиц, не отдельные группы, а всё сословие московских служилых людей. Фонд конфискованных земель был столь велик, а численность московских дворян столь ограничена, что власти давали поместья даже боевым холопам из распущенных боярских свит»¹⁸.

К сожалению, подобное утверждение грешит неточностями, которые в нашем случае могут запутать исследование: во-первых, холоп не мог иметь своего поместья, как только он приобрёл

¹⁷ Челобитная грамота 1499 года // Псковские летописи. М., 1941. Т. 1. С. 83–84.

¹⁸ Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С. 46–47.

его, то должен был либо сделать его собственностью своего господина, либо каким-то образом переместиться в иной социальный слой. Причём в этот момент он уже переставал быть холопом. Так особый статус «боевых холопов» при потере хозяина (например, при роспуске боярской свиты) немедленно подвергался изменению. Далее, термин «дворяне» малоприменим ко времени правления Василия III, поскольку дворянство как таковое начинает формироваться именно в результате политики Ивана IV Грозного.

Скорее, уместно употребление термина «боярские дети», который расшифровывает в своей работе И. Б. Михайлова. Кстати, она упоминает и о процессе пополнения рядов «детей боярских» за счёт простолюдинов, упомянутом в работах Скрынникова: «В XIV – XV вв. московское дворянство пополнилось дворовой гридьбой, а обозначавший его термин стали применять также и к детям боярским». В качестве источника этих сведений И. Б. Михайлова называет И. Н. Болтина¹⁹. Тем более, что на укоренение именно такого термина указывают в своих работах А. А. Зимин²⁰ и В. И. Сергеевич²¹.

Однако по всей вероятности, права и статус, основанный на пользовании земельным владением во время службы уже мало чем отличались от позднейшего дворянского статуса. Подобные суждения мы можем заметить и в работах западных авторов. К тому же И. Б. Михайлова находит противоречие в концепции И. Н. Болтина, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича и А. Н. Филиппова, которые отождествляли дворян со «слугами под дворскими». Они считали, что в период службы дворяне имели надел

¹⁹ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 319.

²⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI века. М., 1988. С. 22.

²¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 325.

княжеской земли, а отъезжая, её теряли. Но как могут «отъезжать» не свободные лично люди, они не поясняют²².

Тем не менее, невозможно говорить о полном отсутствии тех мотивов в формировании отечественной аристократии, которые влияли на эти же процессы в Европе. Наряду с наличием системы поместного землевладения в это же время существует и институт местничества, который требует глубокого изучения генеалогии боярских родов на общегосударственном и общенациональном уровне.

Б. Н. Морозов указывает в своей статье «Служебные и родословные документы в частных архивах XVII века», что: «...вся жизнь русского дворянства (как высших, так и низших его слоёв) была в XVI – XVII вв. (а фактически и в более ранний и в более поздний периоды) была подчинена своеобразному институту местничества, корни и значение которого до конца не выяснены. Местничество ... требовало точных документальных сведений как по истории рода в целом, так и по службе отдельных его представителей...»²³.

На вопросе формирования статуса личности служилого аристократа в частности и его рода в целом подробно останавливается в своих работах В. О. Ключевский. Во-первых, он формулирует условия вхождения человека и его рода в боярское сословие Москвы, как столицы. Во-вторых, тщательно рассматривает институт местничества и внутренней иерархии московской аристократии. Интересно, что Ключевский в определении внутренней иерархии аристократии Великого княжества Московского сходится в целом с Болтиным. По мнению исследователей, потомок великих князей становился выше потомка удельных, владельный потомок удельного князя – выше простого боярина, а мос-

²² Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 323.

²³ Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 71.

ковский великокняжеский боярин – выше служилого князя и удельного боярина²⁴.

Таким образом, чин московского великокняжеского боярина становился фиксированной ступенью аристократической иерархии. Фамилия входила (по Ключевскому) в родословный круг, если до начала XVI века её представители занимали какие-либо высокие должности при дворе великого князя Московского и после её члены продолжали служить в столице, занимая высшие должности по центральному, областному и военному управлению²⁵. Именно поэтому опалу и ссылку можно было считать суровым наказанием: они ставили всю фамилию под угрозу потерять своё место в общей иерархии московской аристократии.

Следовательно, можно предположить, что в ряде случаев, поступление на государственную службу человека любого сословия фактически означало начало формирования его аристократической родословной: его послужной список формировал определённые права и привилегии для его потомков. Следовательно, даже в начале XVI века структура отечественной аристократии уже может предусматривать две специфических составляющих: аристократию удельно-вотчинную и аристократию поместно-служилую. И обе эти составляющие ни по социальному происхождению, ни по своим функциям в обществе не составляют единого целого.

Более того, можно предположить, что если в среде удельно-вотчинной аристократии статусом, определяющим положение человека в обществе, обладает земля (удел, вотчина, княжество), то в среде служило-поместной аристократии носителем статуса является личность как таковая. Борьба этих составляющих находит своё отражение в формировании системы местничества. Вспомним, что в системе местничества замещение высших должностей служилыми людьми руководствовались не личностными качествами и квалификацией кандидатов, но «относительным

²⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. С. 132–133.

²⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1881. Т. 4. С. 184; Т. 7. С. 16–17.

служебным значением» их фамилий и генеалогическим положением каждого из них внутри их фамилии.

Эти «переменные» высчитывались с математической точностью местническим счётом по родословцу (лестницею), либо «по случаю» (то есть – с поиском прецедентов в истории службы рода). Такая система, с одной стороны, выстраивала чёткие иерархические отношения, с другой стороны, делала положение человека и его рода в общей иерархической лестнице величиной непостоянной, напрямую зависимой от успехов и неудач как его самого, так и его родственников, а также представителей других аристократических фамилий.

Естественно, что одновременно существующие удельно-вотчинная и служило-поместная аристократические системы становятся конкурирующими. Вероятно, именно в этой сущности и кроется разделение между аристократией, имевшей уделы и старавшейся упрочить своё положение через занятие высших должностей и малоземельной (или безземельной) аристократии, часть которой вообще могла не иметь родословной, для которой определяющим её место в общей иерархии являлись личные качества и служебные способности.

Собственно, такая система отвечала требованиям общественно-государственного устройства Великого Княжества Московского, когда в общественном сознании преобладал вотчинно-династический взгляд на саму природу государства. Венчание Иван IV на царство коренным образом изменило не только сознание обывателей и аристократии, но и всю государственную и идеологическую систему России.

В сущности, этот акт был подготовлен ещё Иоанном III, который в своём завещании фактически преобразует Великое княжество в неделимый майорат. Формально волости поделены между Василием, Юрием, Дмитрием, Семёном и Андреем. Однако, большую часть земель вместе с 66 городами (в том числе Москвой, Новгородом, Псковом, Тверью, Владимиром, Коломной, Переславлем, Нижним, Суздалем, Муромом), а также с волостями ряда князей (Мезецкого, Новосильских, Одоевских, Белевских, Щетинина, Заозёрье, Заволочье, Югра, Печора, Пермь Великая,

князей Мордовских, Вятская земля с владениями арских князей, вотчина князя Бельского, Корельская земля, Лопь, Поонежье, Двинская земля и др.).

Характерным является решение Ивана III относительно остальных 30 городов: они достаются Юрию, Дмитрию, Семёну и Андрею. Однако в каждом уделе братьев Василий по завещанию получал право держать наместников, попеременно с братьями²⁶. Следовательно, фактически Василий оказывался правителем – самодержцем всей русской земли. При этом право вотчинного землевладения отдельных феодалов сохранялось.

Далее, именно Иван III первым из русских великих князей употребляет, по свидетельству Соловьёва, титул «царь всея Руси» при сношениях с Ливонией²⁷. Интересно и то, что и Дмитрий Ларев Палеолог употребляет титул-обращение «царь всея Руси» по отношению к Ивану III в своих письмах²⁸.

В то же время на печатях появляется и изображение двуглавого коронованного орла в сочетании со всадником, поражающим копьём змея (на разных сторонах). С. М. Соловьёв, Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский и многие другие историки придерживаются мнения о том, что через восприятие византийского символа – двуглавого коронованного орла и включения таким образом Великого Княжества Московского в международную геральдическую систему, Иван III утверждает идеологическую концепцию «Москва – Третий Рим». Вместе с тем, в работах учёных – геральдистов существуют и иные версии. Например, в статьях В. И. Кулакова и В. И. Лавренова приводятся изображения двуглавых орлов из различных районов Европы и Азии: Сванетии, Турфана, Сирии, Сербии,

²⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 2001. Т. 5. С. 184–185.

²⁷ Там же. С. 188.

²⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 490–493.

Германских земель и Болгарии, относящихся к периоду с X по XIII в.²⁹ (см. Приложение 1. Рис.1).

Фигура двуглавого орла встречается и на монетах хана Джанибека (1341–1357 гг.), прозванного в русских княжествах Добрым (см. Приложение 1. Рис. 2). Поэтому неудивительно, что двуглавый орёл не был новым символом для России Московской и других русских земель. Например, в 70-е годы XV века изображение двуглавого орла, чеканилось на монетах Тверского князя Михаила Борисовича. Таким образом, неразумно было бы считать появление двуглавого орла сугубо византийским наследием. Потребности концепции «самодержавности», требующей идеологического и символьного обоснования фигура двуглавого орла прекрасно удовлетворяет именно по причинам её идеологической универсальности.

Во-первых, как уже говорилось, Московская ветвь Рюриковичей переписывает в этот период свою родословную, выводя её от Римского императора Августа. Точнее, создаётся легенда о происхождении Рюрика – легендарного родоначальника Московской правящей династии. Религиозно-идеологическая составляющая геральдики династии Рюриковичей выражается в том, что авторы блазона апеллируют к времени рождения Иисуса Христа, как к мерилу достоверности хронологии легенды. А. Б. Лакиер приводит в своих трудах данную родовую легенду следующим образом: «В то время, как воплотился Господь наш Иисус Христос, римский император Август, обладавший всею Вселенною, разделил её «в содержание» братьям своим. Брата своего Пруса он поставил на берег Вислы в города Мадборок, Турун, Хвойницы, преславный Гданеск и в другие города по течению реки Немана, и по имени владетеля земли этой она с тех пор именуется Пруссией. В четырнадцатом колене от Пруса был Рюрик»³⁰.

²⁹ Кулаков В. И. Предшественники эмблем Византии // Гербовед. 1994. № 5–6. С. 5–11; Лавренов В. И. Российский государственный орёл: история эмблемы и символа // Гербовед. 1992. № 2. С. 13.

³⁰ Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 195.

Нетрудно заметить, что легенда эта не выдерживает никакой сколько-нибудь серьёзной исторической критики. Мы видим стремление связать Московскую династию родственными узами с правящими домами Европы и Византии через включение в системы международной генеалогии и геральдической идентификации. С другой стороны, мы видим стремление соотнести события родовой легенды с событиями Евангелия. Этот феномен можно трактовать как признак уже сложившейся культуры использования событий Евангелия в качестве своеобразной «шкалы времени» для достоверной датировки событий, но можно трактовать и как первую попытку введения в геральдическую идентификационную системы Московского государства «маркера» христианской цивилизации. Обращает на себя внимание и то, что попытка увязать генеалогию Рюрика с событиями Евангелия может свидетельствовать о попытке нивелировать сведения о изначально-языческой конфессиональной принадлежности Рюриковичей.

Сложно причислить к религиозным символам геральдическую фигуру двуглавого орла. Однако и её трактовка имеет мощную духовную подоплеку. Орёл – довольно часто встречающаяся в различных вариациях в германской эмблематике фигура. Например, изображения двуглавых орлов из Тилледа и Зигбурга (Германия) приводит в своей книге, ссылаясь на статьи Лавренова и Кулакова, А. Г. Силаев³¹.

Значительное место занимает фигура орла в геральдической иерархии В. Е. Белинского. Однако, даже он в начале XX века сетует на отставание отечественной геральдической литературы, особенно по вопросам толкования символики.

Н. А. Соболева вообще отрицает принадлежность двуглавого орла к византийской традиции, утверждая, что это имперский символ германских княжеств (скорее всего, она имеет в виду Священную Римскую Империю). По версии Н. А. Соболевой, именно из германских земель этот символ и «перекочевал» в Болгарию и Сербию³².

³¹ Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. М., 2003. С. 36.

³² Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 21.

Во-вторых, двуглавый орёл являлся одним из важных государственных символов в Золотой Орде, политико-экономический симбиоз с которой во многом определил путь развития Руси. Л. Н. Гумилёв, например, высоко оценивает помощь московским государям со стороны ордынских ханов Узбека и Джанибека в их борьбе с Тверью и её союзницей – Литвой, во главе с князьями Гедимином, Ольгердом и Ягайло³³. Таким образом, введение двуглавого орла в качестве государственного символа Великого Княжества Московского отражало и наследие Востока: своеобразная дань жителям Касимовского царства, переселенцам из Орды, которые не захотели принимать Ислам, усердно насаждаемый ханом Узбеком, память о помощи с Востока, генеалогической связи российской аристократии с азиатскими императорскими домами, прежде всего с династией чингизидов.

Двуглавая птица, как уже говорилось, являлась и традиционным-русским, возможно – языческим, символом. В частности, тот же Силаев приводит ряд изображений двуглавой птицы, датированных от X до сер. XVII вв.³⁴ Подобные рисунки приведены также Лавреновым и другими учёными. Чёрный двуглавый орёл считался эмблемой Черниговского княжества³⁵, двуглавый орёл предположительно личным знаком (беджем) сына Всеволода Большое Гнездо – Ивана Всеволодовича Стародубского³⁶.

Немало примеров использования фигуры орла (как одноглавого, так и двуглавого) приводят в своих работах Н. Н. Сперансов и В. В. Васькин.

Таким образом, с точки зрения генеалогии и геральдики оформление самодержавной власти начинается ещё в конце XV века. Фактически, можно предположить, что к моменту венчания Ивана IV на царство идеологическая база для этого события уже подготовлена. Выше уже говорилось, что, как и в отношении принятия христианства, насаждение генеалого-геральдической

³³ Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда. М., 2006. С. 304.

³⁴ Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. М., 2003. С. 38.

³⁵ Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986. С. 26.

³⁶ Румянцева В. В. Там же. С. 27.

системы начинается «сверху», когда в XV веке в Москве появляется легенда, связывающая происхождение московских князей с римским императором Августом. Отражение этого тезиса мы находим в исследованиях Г. В. Вилинбахова, посвящённых истории государственного герба Российского государства.

Впервые эта мысль прозвучала в 1489 году в дипломатической переписке. Так в инструкции русскому послу к императору Священной Римской Империи говорилось: «Прародители его [Великого князя Иоанна Васильевича] по изначальству были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии»³⁷.

Обращает на себя внимание попытка апелляции к праву предков великого князя Ивана III Васильевича «отдать Рим Папе», то есть распоряжаться западной частью Вселенской Церкви, обособившейся позднее как Римско-Католическая Церковь. Такую попытку можно трактовать различными способами. Например, допустимы следующие гипотезы о назначении данного сегмента родовой легенды:

- претензии на первенство Московского государства над Римско-Католической Церковью в спорных с польской шляхтой землях;
- претензия Рюриковичей на политическое лидерство в регионе;
- претензия на создание альтернативного духовного центра мирового уровня;
- и т. д.

Учитывая, что Иван III Васильевич женился на Софье Палеолог, что в геополитической обстановке того времени выглядит явным мезальянсом, а также то, что в указанный период в Москве сформировался духовный центр, ставший противовесом Римско-Католической Европе, эти цели действительно могли быть поставлены Иваном III заранее. Не исключено также, что в успехе московской светской и конфессиональной дипломатии свою роль сыграл и её религиозно-идеологический сегмент.

³⁷ Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 7.

Необходимость формирования генеалогическо-геральдической иерархии ярко проявилась при назначении преемника Иоанна Великого на престоле Москвы: если по обычаю Руси право на московский престол принадлежало внуку Иоанна – Дмитрию, чей отец Иоанн Молодой был при жизни Великим князем и соправителем Ивана III, то с точки зрения европейской геральдики и генеалогии неоспоримое преимущество имел сын Иоанна III Василий Иванович, который был сыном Софьи Палеолог и носителем герба Византийской Империи, то есть – потомком «царского корня»³⁸.

Вопрос об исключительно высоком значении единой символики в национально-этническом сознании с точки зрения социологии и философии неоднократно поднимался в отечественной литературе. Достаточно упомянуть работы Ф. Ю. Албаковой³⁹, Н.Л. Микиденко⁴⁰, О. А. Кармадонова⁴¹, М. К. Мамардашвили⁴². Однако, гораздо более убедительно с точки зрения историка выглядит историческая параллель, проведенная Л. В. Шевченко в его работе, посвящённой становлению государственной символики и её роли в укреплении российского государства в 1990-е годы⁴³.

Присвоение Княжеству Московскому статуса Царства (напомним, что этимология слова «царь» восходит к латинскому Caesar – «Цезарь») влечёт за собой принципиальную перестройку мировоззрения общества и, как следствие, резкое изменение социально-общественных отношений. Прежде всего, с этого момента усиливается сакрализация русских царей и всей правящей династии Московского государства. Так, например, Caesar – «Це-

³⁸ Соловьёв С. М. История России. М., 2001. Т. 5. С. 75.

³⁹ Албакова Ф. Ю. Роль символов в национально – этническом сознании: дис. ... докт. философ. наук. М., 2000.

⁴⁰ Микиденко Н. Л. Символ в национальном сознании: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2001.

⁴¹ Кармадонов О. А. Социология символа. М., 2004.

⁴² Мамардашвили М. К., Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1999.

⁴³ Шевченко Л. В. История становления государственной символики и её роль в укреплении Российского государства в 1990-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004.

заль» – титул римских императоров включал в себя функции Pontifex Maximus – «Верховного жреца», что не могло не учитываться ни Иваном III первым поднявшим вопрос о принятии московскими государями царского титула, ни Иваном IV, принявшим этот титул. Однако этот аспект заслуживает отдельного исследования. В данной работе основной темой остаётся геральдическая составляющая статусно-идентификационной системы служилого сословия. Поэтому сосредоточимся на динамике её развития в изменившихся условиях.

В первую очередь вопрос развития служилого сословия касается изменения системы управления государством. Первым ударом по «системе двойного статуса» становится создание системы приказов.

По мнению историка В. О. Ключевского, до создания системы приказов поземельные отношения боярина и вольного слуги чётко отделялись от его личных служебных отношений к князю. Слуга (боярин) мог служить своему сюзерену в одном уделе, а владеть землёй в другом, действовал принцип: «земля платит и несёт тягло, а служат только лица»⁴⁴. Именно эту систему и сломала политика Ивана III и Василия III. А уже Иван Грозный в своих законах от 1562 и 1572 гг. закрепил совершенно иной принцип землевладения и землепользования, соединив, по выражению Ключевского «землю платящую» и «землю служащую».

Во-первых, был резко ограничен круг лиц, имевших право на приобретение вотчин. Во-вторых, было ограничено право распоряжения вотчинами. Таким образом, в третьей четверти XVI в. российским монархом были сделаны первые шаги к формированию замкнутой касты служащих землевладельцев. Фактически, этими законодательными актами был завершён этап юридического оформления объединения русских земель под рукой Великого Князя (а после – царя) Московского, начатый с присвоения Иваном III титула «самодержец». С 1572 года русские земли становятся единой вотчиной Государя.

⁴⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 3. С. 215–216.

Таким образом, начинает действовать принцип: каждый, кто имеет землю, должен служить. Соединение конкурирующих слоёв аристократии удельно-вотчинной и служило-поместной ставит перед государством задачу формирования новой системы иерархии, при помощи которой можно было бы урегулировать отношения между слоями землевладельцев, возникших самыми разными путями.

После учреждения Поместного приказа, который ведал поземельным устройством и поземельными отношениями всех служилых людей, порядок землепользования был чётко разграничен. Следует отметить, что, основная часть современных диссертаций посвящена формированию служилой аристократии на местах в период правления первых Романовых, поэтому в вопросах формирования приказной системы приходится апеллировать к мнению классиков. Служилые люди, по мнению таких историков, как Ключевский, Карамзин, Костомаров, Михайлова, Кадерова, Калинычев и др. владели землёй по месту службы. Таким образом, служба «приковывала» служилых людей (а с середины XV века ту часть из них, что служила при дворе великого князя Московского, стали называть «дворянами») к непосредственному месту службы. Т. Н. Кадерова в своей работе, посвящённой организации обороны юго-восточных границ Российского государства во второй половине XVI – XVII вв., чётко проводит градацию категорий служилых людей «на местах». Первая категория – думные служилые люди (бояре, окольные, думные дворяне), вторая категория – московские служилые люди (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы), третья категория – городские служилые люди (дворяне, дети боярские (по выбору), дворовые (по дворовому списку))⁴⁵.

Подобного мнения придерживались в своё время В. О. Ключевский и Ф. И. Калинычев. Последний упоминает в своей работе, что верстание на основе поместного права применялось к по-

⁴⁵ Кадерова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 82.

мещикам и вотчинникам различных чинов и званий⁴⁶. Подтверждение подобного суждения мы находим и в работе С. В. Путилина, посвящённой служилому населению Западной Сибири⁴⁷.

Согласно законодательству поместное верстание производилось на смотрах, на которых должны были присутствовать как «новики» (до 1649 года – с 15 лет, после принятия Соборного Уложения – с 18 – **прим. Авт.**), так и все служилые дворяне и дети боярские⁴⁸. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» прямо указывает на преобладание ряда чинов над происхождением: «В прибавлениях к Судебнику [имеется ввиду «Судебник»] 1550 года – **прим. Авт.**] находится и важный по тому времени указ о местничестве: государь ещё не мог совершенно искоренить этого зла, а хотел единственное умерить оное, запретить Детям Боярским и Княжатам считаться родом с Воеводам; установил также, что Воевода Большого Полку должен быть всех знатнее; что начальники Передового и Сторожевого Полку ему одному уступают в старшинстве и не считаются с Воеводами Правой и Левоу Руки; что Государю принадлежит судить о родах и достоинствах; что кто с кем послан, тот тому и повинуется»⁴⁹. Следовательно, можно заметить, что статус человека начинает формироваться не на основе знатности его рода, а на основе чина, который он занимает, функций, которые человек выполняет на царской службе. Можно предположить, что с этого момента статус поместья постепенно начинает возвышаться над статусом личности и вотчины. Ключевский прямо заявляет это в своём «Курсе русской истории»: «Служебные обязанности служилого человека падали не только на его поместье, но и на его вотчину, следовательно, служба была не поместная, а поземельная»⁵⁰.

⁴⁶ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства во II пол. XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 53.

⁴⁷ Путилин С. В. Служилое население Западной Сибири в кон. XVI – нач. XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 140–150.

⁴⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. С. 980.

⁴⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т. VII. С. 67–68.

⁵⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. С. 209.

С этого момента в отечественной документации начинают активно использоваться и поземельные гербы. Например, в переписке Ивана IV и Юхана III Шведского, посвящённой территориальным вопросам, русский царь отмечает: «А что писал еси о римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа – кесаря родом введемся». Описание же и визуальный осмотр большой печати Ивана IV даёт нам возможность увидеть помещённые вокруг государственного герба гербы «царств и княжеств», входящих в состав Московского царства⁵¹.

Этот фактор можно считать знаковым событием: после того, как Иваном III были присоединены к Москве Новгородская земля (в 1477–78 годы), Тверское княжество (1485 год), Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и ещё ряд земель, бывших до тех пор в составе Великого княжества Литовского, а также под влиянием Ганзейского союза, на территории Московского Царства появилось немало аристократов, чей статус был закреплён в международной системе идентификации родовыми и индивидуальными гербами.

Вполне возможно, что именно уникальность российского общества рубежа XV–XVI веков с единовременным существованием двух дополняющих друг друга систем статусной иерархии (удельно-вотчинная и служило-поместная) и подтолкнуло таких учёных, как Ю. В. Арсеньев и И. И. Мещанинов к трактовке герба, как изображения, так или иначе символизирующего отдельную территорию, юридическую организацию, целый род, а также отдельного его члена, собственность, принадлежащую названным субъектам владения⁵². Это мнение разделяет и Б. А. Рыбаков⁵³. Однако В. К. Лукомский настаивает на определении герба в более узком смысле этого слова: как графического изображения,

⁵¹ Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 22–24.

⁵² Арсеньев Ю. В. Геральдика. М., 1908. С. 3; Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1932. С. 41–50.

⁵³ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. // Советская археология. М., 1940. Т. 6. С. 227–257.

имеющего определённую композицию, состоящую из ряда принятых элементов и выраженную на основе некоторых установленных, хотя и условных правил⁵⁴. Определение герба, сделанное В. К. Лукомским, правомерное в эпоху расцвета российской геральдики, кажется спорным в момент складывания аристократического слоя, имеющего право на гербы и другие отличительные знаки как такового.

Скорее возможно предположить большую правомерность трактовки герба, которую даёт Н. А. Соболева: герб должен восприниматься как правовой знак. Он свидетельствует о совокупности определённых прав владельца: личная свобода, исключительное право заниматься военным делом, право представлять собой орган административной власти (или входить в состав такого органа), право на сбор налогов с определённой территории⁵⁵.

Нетрудно заметить, что это определение базируется на праве владельца герба на земельную собственность. Тем более, что Н.А. Соболева называет в качестве прототипа герба – печати (см. Приложение 2. Рис. 7)⁵⁶. Поэтому в отношении первых гербов логично предположить, что в их смысловом наполнении первенство лежит за отражением той или иной «земли», нежели личных достоинств её владельцев. Однако, это не совсем так. Напомним, что манорного землевладения в Московском царстве в эпоху Ивана IV ещё не сформировано. Одна из задач, стоящих перед первым российским царём, формирование неделимого землевладения, владельцы которого будут напрямую зависеть от государственной власти. Следовательно, необходимы были меры по ликвидации удельного и реорганизации вотчинного землевладения. После указов 1562 и 1572 гг. порядок землевладения изменился коренным образом. Вышеупомянутые указы послужили утверждению прин-

⁵⁴ Лукомский В. К. Герб, как исторический источник // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М., 1947. Вып. 17. С. 49.

⁵⁵ Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 8, 12.

⁵⁶ Там же. С. 13–14.

ципа, по которому личное землевладение, основанное на вотчинном праве, должно было стать привилегией служилых лиц.

Князья и бояре лишались права продавать, менять и вообще каким-либо образом отчуждать вотчинные земли (фактически, вотчины продавались, но не более половины, и право приоритетного выкупа оставалось за родичами. Однако, выкупивший её родич, лишался права отчуждения её в чужой род⁵⁷). Право завещания вотчин ограничивалось не далее «боковых внучат»⁵⁸. В том числе запрещалось завещать вотчины крупным монастырям. В результате, в области землевладения мы наблюдаем ряд тенденций.

Во-первых, это уже упомянутый процесс превращения массы землевладельцев в замкнутое сословие. Во-вторых, начинается слияние юридического статуса вотчины и поместья. В-третьих, снижается отток земель в руки хозяев, по каким-либо причинам не способных служить государю. Все эти тенденции вели к одному закономерному итогу приданию российскому поместно-вотчинному землевладению характера манора – основы статуса, ввиду того, что статус личности начинает себя изживать из-за наступления на институт местничества и прерогативы должности над родословной.

Последняя тенденция укрепляется решением Стоглавого собора о создании системы городского и волостного самоуправления на основе выборных должностей: старост, целовальников, присяжных, чтобы они вместе с наместниками и их тиунами решали административные вопросы, взяв за пример Новгородское и Псковское Вече. Поземельные же вопросы должны были по проекту Собора исправлять сотские и пятидесятники⁵⁹.

Таким образом, система удельно-вотчинного статуса постепенно перестает существовать. Фактически бывшие владельцы земли приобретают статус держателей владений от Государя.

⁵⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. С. 217.

⁵⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1885. Вып. 2. С. 170.; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1885. Вып. 3. С. 28–32.

⁵⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т. 7. С. 69.

Примечательно, что для продолжения политики «европеизации» аристократической иерархии, Иван IV использует авторитет Русской Православной Церкви, как *единственного учреждения, обладающего безусловным духовным авторитетом*. То есть, документ, составленный и одобренный Русской Православной Церковью не подвергался на тот момент в русском обществе не только сомнению, но даже критической оценке. Неудивительно, что именно московский святитель митрополит Макарий незадолго до своей кончины в 1563 году, с ведома Ивана IV, отдаёт приказ составить «Степенную книгу» – первый фундаментальный историко – генеалогический труд. Можно предположить, что Иван IV на тот момент уже предполагал комплекс мер по формированию слоя служилой аристократии, которая будет полностью подконтрольна государю. Для этого царь должен был иметь три рычага влияния на аристократию: экономические, силовые, идеологические.

Если *экономическая* группа факторов влияния на аристократию была подготовлена ещё Иваном III и Василием III, и получила при Иване IV окончательное оформление в поместно-манорную систему землевладения, то остальные рычаги влияния нужно было сформировать.

Началом подготовки *идеологического* фактора влияния стало формирование у подданных убеждения в непогрешимости и неизблемости царской власти, которое Иван IV начинает создавать двумя путями. Во-первых, насаждением культа генеалогической родословной, почва для которого подготовлена годами существования института местничества. Во-вторых, через влияние подконтрольной Государю церкви. Интересно, что сам Иван Грозный не предпринял каких-либо мер, напрямую способствовавших развитию геральдического искусства в среде дворянства, предоставив ему возможность проникать в аристократические круги стихийно и хаотично.

Почему правитель, столь тщательно заботившийся о включении государства в мировую общегеральдическую систему, не стремился ввести эту систему внутри своего царства? Исходя из деятельности Ивана IV до момента учреждения опричнины, можем выдвинуть гипотезу, что лишая своих подданных возможно-

сти геральдической самоидентификации, он сознательно ставит всю аристократическую массу ниже царствующего дома, который имеет герб с блазоном. Находящееся на стадии становления монархическое государство также уже имеет сложный герб: двуглавый орёл, и «щиток с изображением всадника, пронзающего копьём змея». Изображение на щитке в центре герба государства представляло собой стилизованное изображение святого Георгия-Победоносца, композиция которого унаследовала ряд элементов национальной иконописной традиции. Изображение святого Георгия-Победоносца на коне, поражающего копьём змея, стало к тому моменту неофициальным гербом Москвы.

Совмещение «нового» символа Московского Царства – двуглавого орла и «древнего» символа – всадника, поражающего змея, – не случайно. Символ всадника присутствует в эмблематике российского государства. Ещё в эпоху Петра I в Российском государстве распространялась легенда о том, что фигуру всадника с копьём принял в качестве герба Великий Князь Владимир Святой⁶⁰.

В своих работах В. Л. Янин приводит печати Александра Невского, на одной из сторон которых прослеживается схематическое изображение спешившегося воина, ведущего коня в поводу, и вонзающего копьё в пасть поверженного змия (см. Приложение 2. Рис. 9). А. Л. Хорошкевич трактует это изображение как отражение через призму христианского мировоззрения драконоборческого эпоса, а само изображение как портрет Феодора Стратилата⁶¹. Подобного же мнения придерживается и А. Г. Силаев. Так или иначе, мотив драконоборческой героики закрепляется в Москве. Подтверждение тому мы находим при изучении печатей потомков Даниила Александровича Московского, например, на печати Ивана II Ивановича находится изображение воина, поражающего мечом гидру⁶², на монете и печати Василия I Дмитрие-

⁶⁰ Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 18–19.

⁶¹ Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России X–XX вв. М., 1997. С. 69–73.

⁶² Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 73–74.

вича – всадник с копьём (реже – саблей) (см. Приложение 2. Рис. 10), а на монетах Василия II Тёмного виден портрет самого князя, скачущего на коне и пронзающего копьём змия (см. Приложение 2. Рис. 11). К тем же выводам в своих работах приходят и такие специалисты в области геральдики как О. Н. Наумов, Е.В. Пчёллов, И. П. Сахаров.

Таким образом, можно сказать, что всадник-копейщик (реже – сабельник), пронзающий гада (собирательное название «земноводных» персонажей геральдического бестиария), становится ещё в эпоху XIII – XIV вв. символом Московской княжеской династии.

Соединение знака московской царской и великокняжеской династии со знаком империи (а на деле – двух империй) не может пройти незамеченным на международной арене. Совмещение таких знаков в государственном гербе означает претензию на роль сверхдержавы. А это является вызовом целому ряду иностранных государств. Фактически подобный акт мог стать (и, как показали дальнейшие события, стал) в области дипломатии объявлением о предстоящем переделе сфер влияния. Таким образом, государственный герб Московского царства, воплощающий в себе графическое отображение внутренне и внешнеполитического курса, удовлетворяет и обе составляющие части аристократического общества, и внешнеполитические государственные учреждения.

Что же касается включения слоя аристократии в геральдическое информационное пространство Европы, то, вероятно, Иван IV просто счёл это несвоевременным до момента уничтожения удельного землевладения как такового и создания мощной опоры трона на основе слоя служилого дворянства, связанного вассальной присягой. Так или иначе, но вначале Иван Грозный принимает меры к созданию *силового* фактора влияния на аристократическое общество. Речь идёт об опричнине.

Введению опричнины предшествовал знаменитый политический демарш Ивана IV, когда он удалился из столицы, сложив с себя всякую власть. Расчёт Ивана был точен: к этому моменту боярство лишилось привычных арбитров в династических спорах, а «дети боярские» и «дворяне» уже набрали достаточно влияния, чтобы противостоять феодальной аристократии. К тому

же на фоне продолжающихся в Ливонии военных действий уход царя, главы государства со своего поста однозначно оценивался широкими массами как катастрофа⁶³.

Царь Иван посылает 3 января 1565 года в столицу Константина Поливанова с грамотой к митрополиту. Грамота эта была также читана «гостям», купцам и мещанам дьяками Путилой Михайловым и Андреем Васильевым. В грамоте Иван высказывает свой гнев на духовенство, бояр, окольничих, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских и служилых людей. «А если Государь, – сказано в грамоте, – движимый правосудием, объявляет гнев недостойным боярам и чиновникам, то митрополит и духовенство вступаются за виновных, стужают ему... В следствие чего, не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали туда, куда Бог укажет нам путь»⁶⁴. Н.И. Костомаров, весьма недоброжелательно относящийся к личности Ивана IV, утверждает, что эта грамота должна была отделить народ и царя от всего служилого сословия и духовенства⁶⁵. У ряда историков, например С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского мы не встречаем столь категоричных утверждений.

Можно предположить, что Иван IV таким образом преследовал сразу ряд целей. Во-первых, целью Ивана Грозного стала дискредитация высшего боярства перед московским обществом. Во-вторых, возвращение на престол на известных условиях знаменовало утверждение самодержавной формы правления. В-третьих, в глазах социума Московского государства был создан опасный прецедент: кратковременная демонстрация ситуации опасного безвластия, как единственной альтернативы царскому правлению.

Провокация, блестяще проведённая Иваном IV и его двором, доказала на практике, что по сравнению с великими князьями Киевскими и даже Московскими царь обладает не только более

⁶³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т. 9. С. 43–44.

⁶⁴ Там же. С. 43.

⁶⁵ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1998. С. 488.

высоким иерархическим статусом, но и значительно большим идеологическим ресурсом. Результат политической авантюры Ивана также доказал, что к 1564 году в Московском царстве не осталось действенной альтернативы царствующей династии (Старицкий удел будет позже ликвидирован во время действия опричнины). Время, когда боярство могло сменить неугодного правителя ушло. Государь был уже не «первым среди равных», а божьим помазанником.

Опричнина, по мнению Н. М. Карамзина, была создана сразу после возвращения Ивана IV в Москву. Неверно было бы считать, что опричнина представляла собой лишь определённое учреждение. Скорее, можно предположить, что это был комплекс мер, не все из которых были описаны и истолкованы до наших дней.

Первым крупным мероприятием стало разделение земельных владений государства на две части, одна из которых давала бы содержание царю, его двору, его личному войску. К новому внутригосударственному земельному образованию – опричнине, отошли такие города, как Можайск, Вязьма, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровь, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьевец, Балахна, Вологда, Устюг, Старая Руса, Каргополь, Вага, а также – московские волости.

Второй мерой истории называют создание личного войска государя (своеобразных телохранителей) в 1000 человек из князей, дворян и детей боярских.

Третьим шагом «опричной политики» можно считать создание в Москве закрытого привилегированного поселения для лиц, входящих в царскую гвардию: улицы Чертольская, Арбатская с Сивцевым Врагом, часть Никитской.

Естественно, что новые институты власти потребовали создания отдельного административного аппарата и постройки новой резиденции для царя. Подобные мероприятия не были внове для Ивана IV. Более того, создаётся впечатление, что он, прекрасно зная историю своего рода, пользуется методами своих великих предков: идею выселения «земских» родов с территории опричнины, вероятно, заимствует у Ивана III (пример Новгородского выселения), идею создания новой администрации на огра-

ниченной территории – у Василия II (история создания Касимовского царства). Создание «лутчей тысячи» он уже успел попробовать и сам в 1550 году, когда был создан отряд «лутчих слуг» из числа дворян, а затем им были обещаны имения под Москвой⁶⁶.

Таким образом, опричнину, план которой Соловьёв и Костомаров приписывают группе боярских детей во главе с Василием Юрьевым и Алексеем Басмановым, предположительно можно считать квинтэссенцией методов решения административных вопросов силовым путём, с наибольшей эффективностью применявшихся предками Ивана IV. Сама же опричнина стала лишь инструментом силового влияния Ивана на аристократическую верхушку, употребляемая им для уничтожения остатков удельного землевладения.

Ошибочно было бы предполагать в опричнине начало русского дворянства.

Во-первых, потому, что к описываемому времени в Московском царстве уже начался процесс формирования слоя дворянства. Согласно, например, мнению И. Н. Болтина, дворяне (или гридни) первоначально были слугами княжеского двора, они охраняли господина и занимались разными хозяйственными делами «кроме подлых работ». В XIV – XV вв. московское дворянство пополнилось дворовой гридьбой, а обозначавший его термин стали применять также и к детям боярским. В конце XV – первой половине XVI в. историк наблюдал расслоение «дворовых людей»: московские дворяне «остались при первоначальном служении, а все прочие мелкопоместные токмо при ратной службе». В правление Ивана IV в ряды дворянства влились бывшие правители уделов и неродовитые богачи, скупавшие «земли из казны». С этого времени, писал И. Н. Болтин, «название дворянина стало быть ничего не значущим, никакой важности и цены не имеющим. Всякий помещик стал дворянином, а дворянин, ничто иное, как служивой или ратный человек, поместной, сиречь из поме-

⁶⁶ Пчёлов Е. В. Рюриковичи. История династии. М., 2003. С. 359.

ства служащих; лишившийся же поместья входил в звание простолюдина»⁶⁷.

Цитирующая Болтина И. Б. Михайлова приводит в своей работе следующую иерархию «шляхетства»:

Дворяне московские – были выходцами из знатных фамилий, с давних пор служивших великим князьям (жаловались чинами и заседали в Боярской Думе).

Дворяне городовые – происходили из родов, ранее окружавших удельных князей, наделялись поместьями не в Москве. В уездах же «в чины не определялись».

Дети боярские – «кроме поместья никакими правами от простолюдина не отличались». По мнению Болтина, русское средневековое дворянство не представляло собой замкнутой корпорации: доступ в него оставался открытым и для разбогатевших крестьян и для горожан; существовала возможность быстрого продвижения от мелких «дворных людей» до «первостатейных мужей»⁶⁸. Последнее утверждение выглядит спорным в отношении периода отечественной истории, позднее третьей четверти XVI в.

Во-вторых, часть лиц дворянского звания появилось в Великом княжестве Московском, а позднее – и царстве Московском с присоединением территорий, бывших под властью Великого Княжества Литовского и Ливонского Ордена. На этих землях дворянство в описываемый период времени уже приобрело европейскую форму. Исследователь XIX в. П. Н. Петров пишет в своей статье: «Нельзя между тем не заметить, что в большинстве древних родов московских дворян приурочение переселения их в Москву на службу относится часто ко времени, ближайшему к началу XV века. Даже значительное число родов и служилых переселенцев начинается со дней правления Великого Князя Васи-

⁶⁷ Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 108–109, 111–117, 120, 138–139.

⁶⁸ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 319.

лия Иоанновича...»⁶⁹. В. И. Кулаков называет среди родов, «выезжих из Пруссии», Шереметевых, Романовых, Кутузовых⁷⁰. С. М. Соловьёв приводит в «Истории России» рассказ о пребывании под властью княжества Литовского представителей рода Глинских⁷¹, Р. Г. Скрынников рассказывает историю переезда в Россию княжеского рода Бельских⁷².

С. В. Белецкий рассказывает в своей работе о даровании княжеской печати роду Чарторыйских, имевших земельные владения на Псковской земле: «В 1442 году король Владислав подтвердил грамотой, данной братьям... Александру и Михаилу Чарторыйским пользоваться «всему их роду вообще и каждому его члену в отдельности княжеской печатью – конём, на котором сидит вооружённый муж, держащий в руке обнажённый меч, какую употребляли их дед и отец»⁷³. Эту же историю вспоминает в своей работе «Русская геральдика» и А. Б. Лакиер.

В-третьих, значительная часть российской аристократии породнилась в период с XIV по XVI вв. с представителями ордынской знати, уже имевшей и статус и служилое звание мурз, нойонов, огланов и др. М. Е. Бычкова, например, называет роды с «ордынскими» корнями. К ним относят Урусовых (см. Приложение 3. Рис. 13), Бабичевы (см. Приложение 3. Рис. 14), Нарбековых, Державиных (см. Приложение 3. Рис. 15), Парецких⁷⁴. И,

⁶⁹ Петров П. Н. Для немногих. Сборник случайных заметок по генеалогии и геральдике, топографии, истории, археологии, словесности и искусству П. Н. Петрова за 1873 и 1874 годы. СПб., 1875. С. 9.

⁷⁰ Кулаков В. И. Истоки геральдики российских выезжих из Пруссии родов // Гербовед. 1993. № 2. С. 50.

⁷¹ Соловьёв С. М. История России. М., 2001. Т. 5. С.292–293.

⁷² Скрынников Р. Г. Великий государь Иван Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 1. С. 25.

⁷³ Белецкий С. В. Сфрагистика Пскова XIV – XV вв. СПб., 1993. С. 179.

⁷⁴ Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 6; Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. №2. С. 33.

наконец, вспомним, что и в самом Московском Государстве титул «дворяне» употребляется с XV века⁷⁵.

Следовательно, можно предположить, что лица дворянского звания были в Московском государстве к концу XVI века довольно многочисленны. Однако, отдельного сословия и даже социального слоя они не составляли: юридического оформления дворянства как такового не существовало.

Парадоксально, но создаётся впечатление, что Иван IV сделал многое для становления слоя служилой аристократии, но также сделал всё для того, чтобы создать государство, не нуждающееся во внутренней иерархизации аристократического общества. Политику Ивана можно охарактеризовать как своеобразное уравнение в правах и обязанностях всех слоёв аристократии. И это ему удалось: как учёные XIX века, так и современные исследователи говорят о том, что во время правления Ивана Грозного начинается своеобразное «слияние» удельно-вотчинной и поместно-служилой аристократии.

Создание опричнины, внутри которой шло обезличивание статуса человека (вспомним, все опричники, невзирая на звание и чин – «иноки», носящие одну униформу, одинаковые знаки различия) было попыткой создать прецедент обезличенной, аристократии «без статуса». Вполне возможно, что сам Иван Васильевич и его советники и не ставили перед собой столь глубоких социально-политических целей, но их попытка достигла в этом направлении известных успехов. Вместе с тем, сама попытка создать организацию, исполняющую чисто полицейские функции, окончилась провалом: отсутствие жёсткой регламентации деятельности и вседозволенность, поддерживаемая иррациональными действиями монарха, погубили блестящую, с точки зрения административного ресурса, идею.

Справедливости ради, нужно заметить, что и версия о формировании дворянства во время правления Ивана IV также имеет

⁷⁵ Миллер Ф. И. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. С. 3–4, 8–9, 18–20, 30–32, 44–45, 48–49, 54, 57, 63, 67, 75, 82, 138–140, 158, 160–161, 165, 169–170, 173.

широкий круг сторонников. Достаточно назвать таких историков, как В. И. Татищев, М. М. Спиридов, М. М. Щербатов и др. В известной степени и эта версия имеет право на существование: можно предположить, что статус будущего дворянства, каким он оставался вплоть до февраля 1862 года (до выхода в свет «Манифеста о вольности дворянской», подписанного Петром III), действительно сформировался в результате реформ 50-х годов XVI века. Между тем, окончательное юридическое оформление статуса дворянства произошло лишь после принятия «Соборного Уложения» 1649 года.

Однако если уравнение аристократии в статусе было удобно при самодержавной власти, то оно оказалось пагубным, когда в 1598 году произошло пресечение династии, вследствие смерти государя Фёдора Иоанновича.

Отсутствие у последнего царя прямой мужской линии династии Рюриковичей сыновей заставило аристократию искать новые пути передачи престола другой фамилии. Само по себе избрание царя оказалось недостаточным оправданием новой государственной власти. Если князь мог быть призван вечем, то на роль царя в восприятии общества мог претендовать только «природный» монарх. Кроме того, царём Московским мог стать лишь человек, которого безусловно поддержала бы Русская Православная Церковь, поскольку сакрализация личности начиналась с таинства помазания на царство. Если в Европе при подобных ситуациях в силу вступал закон генеалогической и геральдической системы, то в Московском Царстве эти системы не были развиты и, следовательно, использоваться не могли.

Можно предположить, что при необходимости, роль генеалогических записей могли сыграть родословия, поскольку институт местничества, ещё существовавший в то время, хоть и в сильно урезанном виде требовал точных документальных сведений как по истории рода в целом, так и по службе отдельных его представителей. Более того, единство служебной и родословной документации подтверждается и существованием специальных раз-

рядно – родословных сборников (исследователь Б. Н. Морозов называет сборники Болтиных, Сабуровых, Супоневых⁷⁶).

Однако напомним, что древность родословия в подавляющем большинстве случаев оценивалась по принципу долговременности службы московским князьям и чинам, занимаемым на этой службе. Индивидуальная же геральдическая система к тому времени и вовсе не была упорядочена.

В сущности, Московское государство в годы Смутного Времени впервые за свою историю столкнулось с необходимостью использования иерархической дифференциации аристократических слоёв населения. Однако система внутрисословной идентификации не была разработана. В результате, единственным возможным решением оказались выборы царя на Земском Соборе как единственном полномочном законодательном органе, учреждённом в 1550 году Иваном Грозным.

Выборность царя не встретила поддержки в обществе, которое стараниями четырёх поколений самодержцев отвыкло принимать субъективные, не основанные на законе решения. Об этом говорят и Ключевский, и Карамзин, и Соловьёв. Соборное определение об избрании Бориса Годунова предвидит возражения людей, которые могут поставить выборщикам в вину, что «...они сами себе поставили царя»⁷⁷. Характерно распространение памфлетов о том, что самого царя должно указать Божье Знамя. Во многих исторических исследованиях приводится цитата одного из памфлетов о том, что попытке «выбрать царя человеческою волей», «навек не будет царь»⁷⁸.

Ключевский считает этот феномен одной из причин смуты, когда ни один из выборных царей не считался «законным». Фактически, избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство,

⁷⁶ Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 72.

⁷⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологическою Экспедициею имп. Академии Наук. СПб., 1836. Т. II. № 6. С. 176.

⁷⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 3. С. 51.

которое состоялось 21 февраля 1613 года, преподносится историками как феномен родовой популярности. Вспомним, что А.А. Бобринский⁷⁹ и другие учёные рассказывают о родословной Михаила Романова следующим образом: Романовы на тот момент – недавно обособившаяся ветвь рода Кошкиных.

Род этот известен со времён Ивана Калиты, к которому на службу приезжает «из Прусские земли» человек, получивший на Руси прозвище Андрея Ивановича Кобылы. Он становится боярином при московском дворе. От пятого его сына Фёдора Кошки и начинается «Кошкин род». От Кошкина внука Захария идёт род Захарьиных, представитель которого Роман Юрьевич и становится родоначальником новой «монаршей» фамилии.

Сын Романа – Никита Романович, родной брат царицы Анастасии, снискал в Москве среди всех слоёв населения поистине легендарную добрую славу. Именно он стал прообразом князя Никиты Серебряного – героя одноимённого исторического романа, написанного в 1840–1861 годах А.К.Толстым⁸⁰.

О сыне Никиты – Фёдоре (будущем патриархе Филарете) сохранились воспоминания Джерома Горсея, который изображает Фёдора Никитьевича добрым и любознательным боярином, заказавшим для обучения латыни латинскую грамматику, написанную русскими литератами⁸¹. Кроме родовой популярности существовали и ещё два обстоятельства. Первое – политический капитал, заработанный Фёдором Романовым во время смуты: гонения со стороны Василия Шуйского, примыкание к самозванческому лагерю обеспечили Романовым поддержку со стороны казачества, составлявшего основную силу как самозванческих войск, так и ополчения, освободившего Москву от поляков в 1612 году. А вот второе обстоятельство заслуживает особого внимания.

⁷⁹ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890.

⁸⁰ Толстой А. К. Князь Серебряный //Толстой А. Князь Серебряный. Семья вурдалака. Упырь. М., 2007. С. 5–259.

⁸¹ Горсей Дж. Записки о Московии XVI века // Библиотека для чтения. СПб., 1836. № 6. С. 22.

Среди претендентов на трон Михаил Фёдорович Романов мог одним из немногих считаться членом правящей фамилии Рюриковичей. По женской линии Фёдор Романов приходился двоюродным братом царю Фёдору Васильевичу. Таким образом, Михаил Романов оказывался наследником (или одним из наследников) по генеалогическому принципу! С. Ф. Платонов приводит ряд документов, в которых Михаил Романов называет Ивана Грозного своим дедом⁸². Безусловно, мы не можем утверждать, что Михаила выбирали по «природному праву». Например, А.И. Маркевич и многие другие исследователи темы утверждают, что бояре выбрали Михаила, как «удобного» царя, самого молодого и неопытного из всех кандидатов⁸³.

Таким образом, мы можем видеть, что из-за отсутствия чёткой системы родовой самоидентификации внутри российского боярства и дворянства выбор нового, «законного» царя затянулся на восемь лет. Напомним, что Борис Годунов всё-таки являлся членом правящей семьи через свою сестру Ирину – супругу Фёдора Иоанновича, и формально, по европейским геральдическим и генеалогическим законам, мог претендовать на престол. Безусловно, к моменту начала Смуты в российском государстве сложились определённые предпосылки для формирования геральдической иерархии: на смену удельно-вотчинной системе землевладения приходит поместная. Теперь феодалы юридически не владельцы вотчин, а держатели земель от государя. Носителем статуса становится не личность, а земля, жалуемая за службу. Землевладельцы становятся гораздо более замкнутым сословием, чем прежде. О «дворных людях», дошедших до статуса «первостатейных мужей» уже говорить не приходится. Само землевладение приобретает характер майората, манора.

Родословные легенды боярских родов, созданные в XVII веке, показывают новый уровень знаний и новое отношение к исто-

⁸² Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник. СПб., 1888. С. 75.

⁸³ Маркевич А. И. Избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова // ЖМНП. 1891. № 9. С. 203.

рии, сформировавшееся в русском обществе. Если в XVI веке основной целью родословной было показать древность службы рода московским князьям, то теперь ценится происхождение как таковое, связь истории семьи с историей других стран. В родословных XVI века такими странами были Литва и Орда, к ним добавлялось неопределённое указание «из немец». В XVII веке предок рода не только переезжал из одной страны в другую, он служил различным государям: служба в других землях другим государям стала настолько же почётной, как прежде служба московским князьям⁸⁴.

Вместе с тем, при существовании местничества родословная и заслуги как таковые не давали ни привилегий, ни даже права считаться «родовитым». Показательна в этом плане судьба князя Дмитрия Ивановича Пожарского и Кузьмы Минина. Напомним, что последний за своё участие в освобождении Москвы и борьбе за независимость России получил в награду лишь чин думного дворянина (без поместья) и 200 рублей жалования в год (т. е. 16 рублей 60 копеек в месяц – примерная стоимость простого суконного кафтана). Дмитрию же Пожарскому пожаловали боярский чин и на этом награды прекратились.

Остальные награды Пожарский получил за другие победы. До 1618 года князь оставался воеводой, но здоровье его было подорвано. С 1621 по 1628 годы он возглавляет Разбойный приказ, в 1628–1630 годах – воевода в Великом Новгороде. В 1633 году он присутствует при переговорах о мире с Польшей, хотя переговоры ведут Фёдор и Иван Шереметевы. Вместе с отцом и сыном Шереметевыми Пожарский управляет Москвой в отсутствие царя. В 1634–1641 годах князь Дмитрий Иванович ведает Судным приказом, разбирающим споры между знатнейшими представителями столичного дворянства, включая членов Боярской Думы⁸⁵. Однако, когда он не подчинился приказу Б. Салтыкова, ему при-

⁸⁴ Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 29.

⁸⁵ Каргалов В. В. Русские воеводы XVI – XVII века. М., 2005. С. 159–162.

шлось отвечать за «бесчестье»: из-за местнических счетов его подвиги и заслуги были перед судом «аннулированы».

Между тем, в XVII веке наряду с зачислением на службу на основе поместного права, то есть верстания, появились и стали активно развиваться новые – вербовка (прибор) и набор даточных людей. И здесь в иерархию служилых людей вносилась ещё большая путаница: по «прибору» на службу Государю набирались люди, которые при обычном порядке не несли военной повинности, не являясь представителями аристократии⁸⁶.

С одной стороны, это было логично: в XVII веке служба государю становится гораздо более разноплановой и предполагает не только и не столько участие в военных действиях. Требовались и люди мирных профессий. Однако, при путанице в статусах, которая существовала вследствие действия законов местничества, этот слой служащих людей запутывал иерархию ещё больше. Окончательную же неразбериху в систему иерархии вносило присоединение к российскому обществу части польско-литовской аристократии.

Кстати, в это же время значительно стирается грань между княжескими и боярскими родословными: родословия боярских семей XVI века не содержат намёка на родословную связь этих семей с княжескими: такое родство устанавливается только после женитьбы члена семьи на представительнице великокняжеского рода⁸⁷. С XVII века ситуация начинает изменяться. Добавим к этому то, что в это время, по-видимому, отсутствовала какая-либо юридическая регламентация отношений между царём и боярством. Попытки урегулировать отношения царя и боярства при помощи письменного договора, имели место ещё в эпоху Смутного времени (например – договор при воцарении Василия Шуйского, договор Салтыкова, составленный 4 февраля 1610 года).

⁸⁶ Кадерова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 82.

⁸⁷ Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 29; Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. № 4. С. 16.

О договорах упоминают такие исследователи, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, В. М. Сысоев. Это же пришлось пережить и Михаилу Фёдоровичу. Ему пришлось подписать договор с боярами о том, что он обязуется не казнить никого из вельможных и боярских родов ни за какое преступление, а ограничиваться заключением⁸⁸. Подобные сведения приводит в своих трудах и В. Н. Татищев.

Значит, для упорядочения внутрисловных отношений требовалось в первую очередь добиться создания единого законодательного права: кодифицировать законы, создававшиеся после принятия судебника 1550 года, и согласовать их с требованиями царской правящей династии, а также – создать замкнутые сословия, ограничив переход человека из одной социальной группы в другую. Основная задача, стоявшая перед создателями единого законодательного корпуса – создать из законов, сформированных для удовлетворения сиюминутных потребностей, законодательство, способное превратить Московское царство в государство, в котором юридически закреплена власти правящей династии. Причём правящая династия поставлена в исключительное положение по сравнению со всей остальной аристократией. Требовалось и становление системы юридических гарантий для непривилегированного слоя населения, так как статус царя, как верховного вотчинника Всея Руси накладывал на него обязательства разрешения социальных противоречий.

Потребность непривилегированного населения в гарантиях, в едином законе отразилась в мятеже 1648 года, направленном не только против боярства, но и против слабой царской власти. Объединение «указных книг» – сборников дополнительных законов, вылилось в создание уникального документа – «Соборного Уложения» 1649 года. Несмотря на спешность составления «Соборного Уложения» и его общую недоработанность, вследствие его принятия был достигнут ряд важнейших целей.

В их числе – определение статуса служилых людей. Именно они, согласно сорок второй статьи седьмой главы «Уложения»,

⁸⁸ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 54.

становятся действующими субъектами власти: именно служилым людям позволяется занимать выборные государственные должности. Однако, в этой же статье идёт ещё одно ограничение: служилые люди, занимающие выборные должности, должны быть представителями вотчинников. Таким образом, круг людей, имевших право на участие в реализации политической власти, был однозначно сведён к следующим критериям. Во-первых, чтобы стать активным представителем реализации политической власти человек должен был владеть землёй по праву наследования или держания. Из первого пункта вытекает, что реализовать политическую власть может лишь человек лично свободный. Этот человек обязательно должен служить.

Может показаться, что всё осталось, как и было при Иване IV в период расцвета местничества. Однако в «Соборном Уложении» ни слова не говорится о том, что место человека в служебной иерархии должно определяться его местом в разрядной книге. Зато в документе утверждается право государя самодержавно распоряжаться в государстве. В. О. Ключевский утверждает, что именно «Соборное Уложение» утверждает дворянство как господствующий военно-служилый класс⁸⁹. Этой же точки зрения придерживались С. М. Соловьёв, Н. М. Карамзин и другие историки.

Вместе с тем приходится признать, что на деле дворянство могло занять господствующее положение в обществе лишь при одном условии: при полном уничтожении института местничества. Но после уничтожения местничества, как единственной существовавшей на территории Московского царства системы аристократической идентификации и самоидентификации, требовалось предложить аристократии нечто, способное её заменить.

Закрепление человека в сословии, было заложено ещё судьей 1550 года, запретившим принимать в холопство и «протчую неволю» служащих детей боярских и их детей, даже не начавших ещё служить⁹⁰. А закреплено оно было законом от 9 мар-

⁸⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 3. С. 134.

⁹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. СПб., 1889. Вып. 2. С. 168.

та 1642 года, согласно которому велено было вернуть на государственную службу тех холопов, которые имели ещё свои вотчины. Впредь же запрещалось принимать в холопство любых дворян и детей боярских. Вместе с тем, иметь вотчины представителям духовенства запрещалось вообще⁹¹.

Таким образом, исключительное право личного землевладения и обязанность военной службы практически объединили в один класс и вотчинников и служилых людей. Фактически после принятия указа 1642 года и Соборного Уложения 1649 вопрос о разряде служилого дворянина поднимается всё реже: постепенно «разряд» заменяется государевой волей. С. М. Соловьёв в своём произведении «Об истории новой России» прямо описывает это положение: «Какого в самом деле успеха в войне можно было ожидать при таких условиях: назначут главного воеводу; наиболее способного, и к нему товарищей также способных, и сейчас пойдут челобития, что товарищам нельзя быть вместе с воеводою; надобно или отставить воеводу и на его место назначить неспособного, но старого боярина, отецкого сына, с которым вместе быть можно, либо отставить товарищей, опять людей способных заменить неспособными, но такими, которым можно быть с главным воеводою. Единственный выход, к которому правительство начало прибегать со времён Грозного – это объявление перед походом быть «без мест». ... При царях Алексее и Михаиле все почти походы уже были «без мест», что необходимо приучало к мысли, что рано или поздно указ «быть всегда без мест», заменит указание быть «без мест» перед каждым походом»⁹².

Суммируя вышесказанное, мы можем утверждать, что к третьей четверти XVII века становилось ясно: система местничества доживает последние годы. Возможно, именно поэтому дворянство и боярство, забыв о разрядных книгах по примеру царствующей семьи, занялось поисками своих объективных родословных, стараясь найти или приписать своё происхождение какой-

⁹¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1889. Вып. 3. С. 20.

⁹² Соловьёв С. М. Об истории новой России. М., 1993. Т. 5. С. 19.

либо известной персоне, отдавая предпочтение, как уже говорилось выше, представителям западной знати или ордынской аристократии.

Может быть, именно этим и объясняется то, что массовая подача дворянских родословных росписей в 80-е годы XVII века после указа 1682 года об отмене местничества, привела к тому, что появилось большое число рукописей родословных книг, где после глав, восходящих к официальным редакциям, появляются новые росписи и семейные документы, относящиеся к деятельности одной или нескольких семей, имеющих общего предка⁹³.

Неудивительно, что в 1682 году при первой же своей попытке создать регулярную армию с европейской воинской дисциплиной, государь Фёдор Алексеевич получает челобитную, подписанную рядом представителей дворянства, просящих об отмене местничества. Это были представители таких фамилий как Трубецкие, Одоевские, Куракины, Репнины, Шеины, Троекуровы, Лобановы-Ростовские, Ромодановские. Они были отмечены славной, но недавней службой московским государям. 12 января 1682 года Фёдор Алексеевич принимает решение об отмене местничества как инструмента формирования государственного аппарата и государственной идеологии. Этот революционный шаг даёт России возможность встать на путь форсированной модернизации общества, который был реализован во время правления Петра Алексеевича. Можно выделить следующие этапы становления государственной системы инструментов формирования слоя служилой аристократии:

этап «вотчинно-удельный» охватывает период с X по первую половину XV вв., когда государственное служилое сословие формировалось при помощи жалования уделов, денежных подарков и других способов материального стимулирования;

этап «разрядный» охватывает период с середины XV по середину XVI вв. На этом этапе главенствующую роль играл служебный «стаж» рода и должности, занимаемые представителями

⁹³ Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. № 4. С. 33.

этого рода при дворе Московских князей. В принципе, существование этого этапа объясняется тем, что в указанную эпоху Московское государство утверждало свою независимость, и мерилом почётности служила верность человека и его рода «законным» правителям;

этап «волевой» продолжался с середины XVI века по 1682 год. На этом этапе происходит оформление самодержавной власти, когда определение сиюминутного статуса человека целиком и полностью зависит от воли государя, поскольку местническая система уже пришла в упадок, а новая кодифицированная система идентификации находилась ещё на стадии формирования. Именно в этот период царской самодержавной волей происходит слияние различных групп земельных собственников в единую монолитную массу;

и, наконец, **этап «генеалого-геральдический»** охватывает период с 1682 по январь 1917 года (последний зарегистрированный в Российской Империи герб принадлежал Ф. Т. Петрову начальнику горного Алтайского округа.).

Таким образом, имея перед собой образцы гербов, принадлежащих представителям российского дворянства, можно понять сущность системы государственного регулирования сословных отношений в среде русского дворянства и механизмов окончательного формирования сословия служилой аристократии.

ГЛАВА 2.

Становление личных и родовых элементов геральдической идентификации служилого сословия Московского государства XIV – XVII вв.

Вопрос статуса служилого человека в средневековой России, как отмечалось выше, зависел от множества как объективных, так и субъективных причин. Геральдическая система в значительной мере решала вопрос определения статуса служилого человека. Однако собственной геральдики в русском государстве до XVII века не существовало. Именно поэтому основой для её возникновения послужили статусные элементы как европейской геральдической системы, так и традиционные статусные знаки самобытного русского общества, а также – представителей аристократии бывшей Золотой Орды и Кавказа входивших в единый социум московского государства.

Отечественная геральдика начинает своё формирование в момент, когда российский социум входит в тесный контакт с европейскими социумами, в пределах которых система геральдической идентификации играет ведущую роль в определении статуса родов, уровня их династических притязаний. На Руси о данной системе не упоминается, что, как уже говорилось, вытекает из характера землевладения и формирования статуса аристократа.

Европейский статус базируется на статусе земельного владения (баронство, графство, герцогство, пэрство), на Руси же статусом обладает личность. Именно по причине отсутствия законодательно-идеологически оформленной системы к середине XII века становится невозможным чётко определить права тех или иных претендентов на удельный и Великокняжеский престол. Таким образом, русским князьям приходится либо утверждать свои пра-

ва либо силой оружия, либо при помощи арбитров, в роли которых в течение двух с лишним веков выступают ордынские ханы.

Вместе с тем, к XIV веку создание подобной системы становится в русском государстве жизненной необходимостью. Тем более, что на территорию Руси «естественным» образом внедряются три различных вида идентификационно – геральдических систем. *Европейская геральдика*, например, приходила на Русь тремя путями.

Во-первых, *через Великое Княжество Литовское*, управляемое князьями из рода Гедиминовичей, позднее соединившееся с польскими землями. Население включенных в его состав восточнославянских земель (белорусских, большей части украинских, а также некоторых русских (великорусских) княжеств – Смоленского, Брянского и ряда менее крупных, расположенных в верховьях р. Оки), составлявших около девяноста процентов государственной территории державы Гедимина и его потомков¹, подверглось влиянию специфической европейской культуры.

Особенности структуры Литовского государства нашли отражение в титулатуре великих князей литовских. Так, еще в первой половине XIV в. Гедимин именовал себя «королем литвинов и русских» или же «литвинов и многих русских». Его преемники также подчеркивали свои верховные права на земли Руси, именуя себя «князьями литовскими и русскими» или «вотчичами русскими»².

Отдельного внимания заслуживает герб князей Одоевских (Одаевских). Родоначальником рода считается св. Михаил Черниговский, представитель двенадцатого колена князей Рюриковичей, представитель того же рода, что и Романовы, и Пожарские, и др. роды, ведущие своё начало от Рюриковичей, как правящей фамилии в русских княжествах. Однако гербом князей Одоевских (см. Приложение 3. Рис. 16) становится «эмблема черниговского княжения, то есть в солнечном поле одноглавый чёрный орёл, с

¹ Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С.161.

² Stadnicki K. Synowie Gedimina. Lwow, 1853. S. 22–23.

распростёртыми крыльями, увенчанный золотой короной, держащего в левой лапе своей большой крест. На щите – княжеская мантия и корона»³.

Возникает вопрос, каким образом в геральдической системе Руси вместо личной эмблемы князя появляется эмблема земли, как геральдическая эмблема рода? С одной стороны, мотивы присвоения данной эмблемы могли носить и сугубо практический характер: отделить род Одоевских от остальных Рюриковичей. Однако, в XIII – XIV вв. Чернигово-Северское княжество находилось под властью Великого княжества Литовского Русского и Жемантийского. А в 1380 году по распоряжению князя Ягайло, на территории принадлежавшего раньше Дмитрию Ольгердовичу Чернигово-Северского княжества были образованы три княжества, независимых друг от друга и подчиненные его верховной власти: Черниговское, Стародубское и Новгород-Северское⁴.

Следовательно, Черниговская земля в течение неполных двух веков находилась в составе государства, социальная структура которого подчинялась европейским законам. Более того: само распоряжение князя Ягайло о подчинённости вновь образованных княжеств единому правителю (Дмитрию Ольгердовичу), напоминает правила сюзеренитета.

Интересно и то, что «эмблема черниговского княжения» имеет подчёркнуто-христианский характер: крест в лапе орла может трактоваться не только как религиозная идентификация самих владельцев герба, но и как претензия на участие в христианском прозелитизме или даже добровольный обет участия в нём.

Вспомним, что в системе иерархии Московского государства назначить кого-либо зависимым от определённого государя было затруднительно: вплоть до эпохи Ивана IV существовало и, как видно из истории Великого княжества Литовского, активно ис-

³ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1798. Ч. 1. С. 4.

⁴ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды // Извлечения из персональных сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Л., 1941. Т. 2. С. 92.

пользовалось, право «отъезда». Таким образом, многоступенчатое соподчинение являлось признаком легитимной системы аристократической иерархии.

Если допустить, что данная система частично имела место, тогда становится понятным превалирование герба земли над гербом землевладельца. Если же учесть, что в русских землях гербы и эмблемы были свойственны лишь личности, то становится ясно, что герб Черниговского княжения, скорее всего, имеет заимствованный из европейско-литовской культуры облик.

С уверенностью об этом говорить невозможно, поскольку право «отъезда» всё-таки к XV веку не отмерло окончательно в русских землях, даже когда они подчинялись Литве. Примером может служить то же княжество Одоевское. С 1425 года Одоевские находятся на службе в Литве, хотя и сохраняют полную княжескую власть внутри Одоевского княжества. По миру 1494 года Одоевские князья отложились от Литвы и признали над собой власть великого князя московского Ивана III Васильевича. И к моменту перехода на сторону Ивана III этот род уже обладал «Черниговским» гербом. Таким образом, на примере истории герба князей Одоевских мы видим процесс включения удельных князей западной Руси в общеевропейскую геральдическую систему.

История гербов другой ветви потомства св. Михаила Черниговского – князей Мосальских несколько отличается от истории гербов дома Одоевских. Н. Е. Бранденбург в своём исследовании истории рода Мосальских пишет, о гербах двух линий этого рода: оставшейся в Литве (собственно Мосальских) и отъехавшей на службу к Московским князьям (Мосальских-Кольцовых).

Интересно, что при описании этих гербов Бранденбург отмечает, что хотя «употребление гербов проникло в Россию сравнительно поздно, именно лишь в XVII веке, а настоящим образом прививается только с XVIII в. (впрочем, для подтверждения этого тезиса Бранденбург ссылается на малодостоверные исследования Г. К. Котошихина), тогда как в Польше они вводятся уже в XIV и XV столетиях. Тем не менее, гербы старых русских княжеских родов, потомков удельных князей, могут иметь перевешивающее значение, в силу того, что они образовались на основаниях, со-

вершенно отличных от гербов западно-европейского рыцарства... гербовые изображения указанных родов суть ни что иное, как те же эмблемы, которые существовали на печатях уделов княжеских Рюриковичей, так что первоначальные гербы старых русских княжеских фамилий состояли исключительно из одной их родовой эмблемы»⁵.

Подобного мнения придерживалась целая плеяда виднейших отечественных учёных-геральдистов, таких как Лакиер, Карнович, Леонтьев и другие. Однако, хотелось бы выразить сомнение по поводу данного тезиса: всё-таки герб есть графическое изображение истории рода, а не одного конкретного человека. Вопрос же о статусе рода и личности в среде аристократии Московского государства XIV – XVI вв. был рассмотрен в первой главе.

Безусловно, определённая система личной идентификации в среде русских князей существовала, однако вопрос, следует ли эту систему считать аналогом европейской геральдики, на взгляд авторов работы, требует отдельного детального исследования.

Возвращаясь к гербам Мосальских, мы видим, что Бранденбург называет первым употребляемым гербом – герб Чернигова, описание которого, приведённое данным исследователем, отличается от описания, созданного Лакиером: «Эмблема черниговского герба состоит из щита с серебряным полем, на котором помещён чёрный одноглавый орёл с распростёртыми крыльями и золотую на голове короною, держащий в левой лапе длинный, золотой, наискось помещённый крест; клюв и лапы орла также золотые»⁶. Бранденбург утверждает, что разночтения в определении цвета поля щита (в гербе Чернигова оно золотое, «солнечное») не могут иметь значения, так как прототипом герба стали городские печати, на которых о цвете поля говорить не приходится.

Однако такое заявление выглядит более чем спорным: Чернигов на протяжении длительного времени (XIV – I пол. XV вв.) являлся частью Великого княжества Литовского (Гедимин завое-

⁵ Бранденбург Н. Е. Род князей Мосальских XIV – XIX вв. СПб., 1892. С. 35–36.

⁶ Там же. С. 36–37.

вал Чернигов в 1320 году), в котором отношение к геральдическим регалиям как к инструменту политической идентификации в тот момент уже сложилось. Тот же Бранденбург приводит данные, что «подобная» эмблема, высеченная в камне, была вставлена в стене черниговского бывшего католического доминиканского монастыря, обращённого потом в греко-российский Борисоглебский. Так что сохраняется возможность того, что князья Мосальские получили собственный герб, созданный на основе герба основного городского центра удела их рода. Тем более, в гербе рода Мосальских-Кольцовых к гербу – орлу добавлены такие элементы, как щиток с буквой «М», крестом и тремя горизонтально помещёнными полосками (поясами). Наличие щитка напрямую отличает герб Мосальских от герба Одоевских⁷.

Щит же с буквою «М», крестом и тремя укороченными поясами, поставленными в столб, взятый отдельно, Бранденбург выделяет как самостоятельный герб Мосальских более позднего происхождения, приобретённый во времена правления Владислава Ягелло. Тем более, что существует два различных описания этого герба. Первое принадлежит перу Папроцкого, который в своей работе «Общий свод гербов рыцарства славного королевства Польского» (*Gniazdocnoi zkad herby rycerstwa slawnego krolestwa polskiego*) описывает герб Мосальских, как «в червлёном поле золотая буква «М» и над нею крест золотой». То же самое пишут Коялович, в своей работе «Литовский гербовник» (*Herbarz litewski*), присваивая гербу название «Могила», и иезуит Шенцилла в работе «О клейнодах и гербах, которыми пользовались русские роды, проживавшие в Великом княжестве Литовском» (*O klejnotach abo herbach ktorych familii stanu ruserskiego w prowincyach W. X. Litowskiego zaziwaya*), созданной в 1739 году. Второй вариант описания герба «Могила» известен по работам Симона Окольского⁸ и Каспера Несецкого⁹: белая буква «М» и

⁷ Бранденбург Н. Е. Род князей Мосальских XIV – XIX вв. СПб., 1892. С. 35–36.

⁸ Okolski Simon. Orbis polonis. Krakow, 1641.

⁹ Niesiecki Kasper. Herbarz polski. Lwów, 1728.

золотой крест в лазоревом поле. Папроцкий, Несецкий и Коялович помещают на этом гербе шлем по одним данным – с пятью, по другим – с тремя страусовыми перьями. Подобные описания повторяются и у иных польских гербоведов: Малаховского, Куропатницкого, Потоцкого.

Таким образом, уже в XIV веке начинается процесс, характеризующий историком С. Т. Голубевым, как «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель»¹⁰.

В то же время нельзя не признать, что именно пребывание в составе литовских земель предрасполагает представителей русской аристократии к принятию символики и системы статусной идентификации, употребляемой в Европе. Например, на печати князя Д.И. Звенигородского (1631 год) помещён герб «Погоня», то есть всадник с мечом (саблей), герб великих князей Литовских и их потомков, известный в России¹¹.

Можно было бы приравнять по значению и влияние польского сообщества на формирование геральдики Московского государства, однако ряд исследователей высказывают мнение, что отличительной особенностью польской геральдики была своеобразная коллегияльность пользования гербами и эмблемами.

В частности, в работе Е. П. Карновича прямо говорится о том, что «в Польше не существовало, как существовало на Западе, и как в подражание ему было заведено у нас, отдельных фамильных гербов. Во всей Польской геральдике было всего сотни три дворянских гербов, да и то, большею частью занесённых изчужа: из Германии, Венгрии, Чехии, Дании, Италии и других стран. Каждый герб имел особое название, не заключавшее иногда в себе никакого значения и не соответствовавшее очень часто геральдическим изображениям, внесённым в герб. Так, например,

¹⁰ Голубев С. Т. Древний помяник Киево-Печерской лавры (конца XV – начала XVI столетия) Киев, 1892. Кн.6. Прил. С. 6–7.

¹¹ Иванов П. И. Сборник снимков с древнейших печатей. М., 1858. Табл. 12. Рис. 111. Сбоку от картуша просматривается стоящая фигура (щитодержатель), что соответствует ряду версий Погони Литовской.

были гербы Абданк, Лелива, Элита, Наленч, Порай, Слеповронь, Кобытут и проч. Такие гербы служили как бы знамёнами особых воинских отрядов и шляхетских братств, и каждый новый шляхтич, родом поляк или переселившийся в Польшу иностранец, если он получал там «индигенат», то есть право гражданства, приписывался к одному из существовавших в Польше гербов. Причём название гербов превращалось в пржидомек (*przydomek*) как бы в придаточную политику шляхтича, как например Наленч-Рачинский, Элита-Михайловский, Бонч-Осмоловский...»¹².

Таким образом, при посредстве сведений и методов исследования геральдики, а также – сопоставления истории добавления *przydomek* и легитимации герба со стороны российского правительства, можно наглядно проследить когда тот или иной род был включен в польскую систему идентификации, имел ли он до этого свой личный герб и отследить, когда данный род был включен в систему геральдической идентификации Московского государства.

Przydomek, как дополнение родового прозвища, соответствующее определённой геральдической единице (гербу), является сравнительно надёжным способом отделить служилую аристократию польской «формации» от аристократии, в прозвищах которой дополнение сформировалось от титула (например, у рода Юсуповых-Княжево), либо от названия поместий, построенных позже (силезский род Митровичей-Митровских).

Однако разделение аристократии Московского государства на «включённую в европейскую геральдику» и «не включённую в неё» порождает статусный дисбаланс, поскольку в системе иерархии Московского государства приоритеты имеют одни аристократические семьи, в то время, как в рамках международной системы – совершенно другие.

Если добавить к этому не устоявшийся социальный и этнический состав аристократии Московского государства, о чём мы подробно говорили в первой главе работы, то становится ясно, что проблема статусного дисбаланса уже к XV веку заставляет

¹² Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иностранцев с русскими. СПб., 1886. С. 20–21.

правителей Руси искать компромисс. Необходимо привести в соответствие «внутреннюю» и «внешнюю» систему иерархии, одновременно эффективно включая в неё аристократию вновь присоединяемых земель, а также – представителей аристократии, «отъезжающих» на службу Московским государям.

Во-вторых, европейская эмблематика и система идентификации в значительной мере приходит на Русь через германский элемент, проникающий на русские земли со стороны Прибалтики, Польши и Скандинавии. Примером такого проникновения может служить, например, упомянутая В. И. Кулаковым археологическая находка в Лютомерском могильнике с описанием герба, принадлежащего в X–XI вв. независимой от жречества прусской дружине, которая уходит в Польшу.

Среди упоминаемых геральдических символов находятся такие символы, как ворон, орёл и дуб¹³. Кроме того, автор приводит в статье схематичное изображение герба графа Б. П. Шереметева, полученного тем в 1698 году, в котором мы видим, что итальянский щит, служащий основой, увенчан изображением дуба¹⁴. Более того, блазон герба рода Шереметьевых (Шереметевых), приведённый во второй части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи», утверждает нас во мнении, что этот герб имеет своим фундаментом прусскую геральдическую традицию, которая сохраняется с допетровских времён: «Посередине золотого щита в красном поле окруженным лавровым венцом изображена золотая корона, т.е. герб древних владетелей Прусских, и под ней два серебряных креста означенные перпендикулярно. В нижней части на золотом щите вида шапка, служившая в древние времена отличием для бояр, в которых чинах фамилии Шереметьевых многие находились, а внизу шапки копьё и меч, положенные крестообразно на серебряном полумесяце, рогами обращенном вверх. Щит покрыт графской короной, на поверхности которой означен турнирный шлем по достоинству увенчанный с

¹³ Кулаков В. И. Истоки геральдики российских «Выезжих из Пруссии» родов // Гербовед. 1993. № 2 (4). С. 54.

¹⁴ Там же. С. 57.

изображением на нем кумиропоклонного дуба, по сторонам которого видны две серебряные звезды шестиугольные. Щит держат два льва, имеющие золотые лбы, а во рту лавровую и масличную ветви, из коих у стоящего с правой стороны находится в лапах скипетр, а с левой стороны – держава в память того, что предки фамилии Колычевых были в Пруссии владетелями. Намет на щите золотой, подложен красным. Под щитом надпись: DEUS CONSERVAT OMNIA (Бог хранит меня)¹⁵.

Таким образом, можно отметить, что герб Шереметевых примечателен своим религиозным дуализмом: он имеет в своём составе признаки как языческой, так и христианской самоидентификации. Более того, такие элементы, как шестиконечная звезда, а также – лавровая и масличная ветви трактуются некоторыми исследователями, как принадлежность к ветхозаветной традиции (это мнение с точки зрения автора кажется мало обоснованным, но интересно как попытка «поликонфессиональной» трактовки герба). Этот пример наглядно подтверждает гипотезу о том, что традиция отражения не одной, а двух и более конфессиональных принадлежностей членов рода имело место не только после формирования гербов «нового» дворянства России, происходящего от ордынских и кавказских родов, но и приходила в русские княжества с Запада.

В. И. Кулаков разделяет мнение А. Б. Лакиера о том, что формирование значительной части гербов, принадлежащих родам, «выезжих из Прус» есть ни что иное, как заимствование геральдической номенклатуры города Данцига¹⁶.

При изучении работы В. А. Антонова, посвящённой развитию датской геральдики XII–XVII веков, мы также видим ряд фигур и композиций, схожих с теми, которые употреблялись позднее в геральдике Московского государства.

Характерно также утверждение С. Н. Тройницкого, отмечавшего преемственность геральдических легенд от Польши до Рос-

¹⁵ Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1798. Ч. 2. С. 10.

¹⁶ Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 298.

сии. В качестве примера он приводит роды Шереметевых, Боборыкиных, Колычевых, Яковлевых, и других родов, восходивших к Гланду Камбиле. По мнению Тройницкого данные о Камбиле, как родоначальнике российских аристократических родов, базировались на текстах польских историков XVII века, восходивших ранее к «Прусской хронике» Симона Грунау¹⁷.

Таким образом, перед нами разворачивается пример пути геральдических легенд из центральной Европы в Восточную, а затем, по мере востребованности – на территорию Руси. Кулаков в своей статье отмечает привнесение в русскую геральдику символа «чёрная одноглавая птица» (в различных трактовках – ворон или одноглавый орёл) через символику прусской дружины, пришедшей на Русь со своим хёвдингом Михаилом Прушанином, Гландом Камбиллой и воеводой Гаврило¹⁸. В качестве доказательства этого Кулаков приводит данные, опубликованные исследователем М. В. Седовой¹⁹ о находках в ходе раскопок на территории Великого Новгорода предметов, помеченных прусской символикой.

Ту же символику мы видим и в гербе рода Неплюевых: рассечённый, червлёно-золотой щит французского образца. В червлении – золотая корона, под ней же, поставленные в столб два серебряных креста. В золоте – кумиропоклонный дуб. Щит увенчан рыцарским серебряным шлемом с золотою решёткой и золотой медалью на рыцарской цепи, обращённым анфас. Шлем увенчан графской короной, корону венчает украшение в виде кумиропоклонного дуба. Герб имеет червлёный намет, подбитый золотом. Щит держат лев и чёрный орёл. У льва в лапах держава, орёл же держит в клюве лавровую и масличную ветви. Основанием герба служит зелёная лужайка.

Как видно, единое изображение прусского герба, послужившего основой для создания геральдической атрибутики родов-

¹⁷ Тройницкий С. Н. Гербы потомства Гланда Камбилы // Гербовед. СПб., 1913. № 1. С. 9–15.

¹⁸ Кулаков В.И. Истоки геральдики российских «Выезжих из Пруссии» родов // Гербовед. СПб., 1993. № 2 (4). С. 59.

¹⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981. С. 137–138.

потомков, осталось неизменным. Однако, сама подача геральдической информации, художественная организация претерпела серьёзные метаморфозы.

Нельзя также сбрасывать со счетов и влияние родовитых людей, исконно принадлежащих к аристократии Великого Новгорода и Пскова. В сборнике «Родословие русского дворянства» прямо указывается на значение «Степенной книги» и летописей, в тексте которых исследователь может определить происхождение тех или иных боярских родов. Вместе с тем, на страницах «Родословия» указывается 235 дворянских родов Новгородского дворянства. Гербы Блудовых и Бестужевых, принадлежащих родам, которые в «Родословии» названы «прямо новгородскими», переселёнными в Москву после битвы на Шелони, вызывает вопросы об их происхождении²⁰.

Например, герб рода Блудовых, который назван в «Родословии» одним из «Новгородских родов прямо», оказывается искусственно созданным для конкретного человека по европейским канонам. Один из членов этой ветви [рода] служил в войсках великого князя литовского Гедимина и участвовал в сражении на р. Ирпене в 1320 году. Другой же был полковником короля польского и венгерского Владислава-Ягеллона II, отличился в войне с турками и получил в память своих заслуг герб, донныне употребляемый родом Блудовых.

В данном случае мы видим ситуацию аналогичную ситуации на территории Литвы и Польши: гербы приобретают либо роды, ведущие своё начало от иностранцев, имевших на родине право на определённый титул и статус, либо роды, представители которых получали гербы за службу в иностранных войсках или во время иностранного подданства. Важным является то, что гербы, по всей видимости, создавались применительно к земельным владениям. В значительной степени, эта тенденция прослеживается А. Б. Лакиером на примере герба князя Андрея Курбского. По мнению историка, как литовцы и поляки, переходя в москов-

²⁰ Кулаков В.И. Истоки геральдики российских «Выезжих из Пруссии» родов // Гербовед. СПб., 1993. № 2 (4). С. 59.

скую службу, приносили с собою свои родовые гербы, так, с другой стороны, и русские, переселявшиеся в Польшу, получали герб. Предки Андрея Курбского ведут свой род от Владимира Мономаха, поколения князей Ярославских. До 1563 года князь Андрей Михайлович Курбский служил верно своему отечеству, а после перехода в службу короля Польского Курбскому был присвоен герб, который подробно описан у польского геральдиста XVII в. Окольского с объяснением при том, почему этому лицу присвоена эмблема – обращенный вправо лев, стоящий на задних лапах, с поднятым хвостом и высунутым языком. Вокруг щита венки из цветов. «Лев – царь зверей, – говорит геральдист, – и если он украшает герб какого-либо благородного мужа, то служит признаком большой храбрости и особенного благоразумия. По преданию, был он изображен на печати Агамемнона и Помпея». По свидетельству Окольского, Курбский обладал в Польше высоким статусом благодаря своему происхождению, как родственник царя Ивана Грозного, а также – по своим заслугам во время службы московскому царю «как предводитель войск московских, и по храбрости, как победитель многих неприятелей»²¹.

Интересно, что этой участи не избегли и потомки Рюриковичей. Например, князья Пожарские, ведущие своё начало от седьмого сына Всеволода Большое Гнездо – Ивана Каши, считали началом своей фамилии историю княжича Василия Андреевича, получившего от отца в удел волость Радогость (позднее известную, как Погар – «пожарище») к западу от Трубчевска, на территории того же Черниговского княжества. С того же времени формируется и герб Пожарских, на основе которого князь Дмитрий Михайлович Пожарский предложил в Смутное Время «новый» герб Московского царства.

«Князья Пожарские происходят от князей Стародубских – отмечает А. Б. Лакиер, – и должны бы иметь в своей печати стародубское знамя, т.е. старый дуб. А между тем письмо свое, отправленное в 1612 году к австрийскому императору, князь Д.М. Пожарский запечатал совсем иною печатью. В щите пред-

²¹ Okolski Simon. Orbis polonis. Krakow, 1641. Vol. 1. P. 504–505.

ставлен орел или коршун, клюющий мертвую голову (не турка ли, как в гербе Шварценбергов?²²). Щит держат два льва, геральдически верно изображенные, над щитом корона, а внизу печати извивается дракон. Вокруг надпись: Стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской Стародубской»²³.

Изображение двух львов, держащих щит, увенчанный короной «созвучно» и с иными гербами «выходцев из Прусов». Тенденцию принятия родового прозвища от родовой вотчины, предположительно, также можно отнести к влиянию европеизации статусной системы.

Третий путь проникновения европейской геральдической традиции – *«естественный» путь контактов между Русью и её культурно-этическим сюзереном – Византийской Империей*, как наследницей Римской Империи. Вспомним, что именно среди римских императоров (кесарей) начинает искать своих предков Иоанн III Великий, когда принимает решение короновать на царство своего внука Дмитрия Молодого, в обход сына Василия Иоанновича (будущего Василия III).

Интересно, что большинство исследователей «европейской» ветви геральдической экспансии согласны с тем, что возрождение древних европейских символов в геральдике Московского государства – явление искусственное. Владельцам гербов приходилось фактически заново искать своих предков, пользуясь трудами европейских генеалогов-геральдистов. Возможно, это результат процесса европеизации российской аристократии, имевшего место в середине – конце XVII столетия. В результате Великой Смуты у московского государства (и, в частности, у правящей фамилии Романовых) появляется настоятельная потребность включения Московского государства в общеевропейское политическое пространство, поскольку Романовы нуждались в легитимизации своей власти в Московском царстве в глазах европейских монархов.

²² Лакиер А. Б. Русская геральдика. М, 1990. С. 124.

²³ Mikloschich I. Slavische Bibliothek Bd. 1. Wien, 1851. P. 19–42; Памятники Дипломатических сношений Московского государства с Англией. СПб., 1883. Т. 2. С. 1406, 1422.

Помимо религиозного препятствия, перед московскими монархами стоит проблема статуса не только их, как государей, но и российской аристократии, как таковой. Вспомним, что к XVII веку в Европе система геральдики, как статусно-идентификационной системы, уже полностью сформирована. Таким образом, Российская аристократия, не включённая в данную систему, автоматически имела более низкий статус, чем европейская. Более того, в глазах Европы власть московского Государя не может считаться легитимной, так как без генеалого-геральдического подтверждения его принадлежности к высшей аристократии, он остаётся узурпатором, незаконно оспорившим власть у польского королевича Владислава Вазы, которому присягнула Москва.

Украинский историк Л. Гайдай отмечает в своей работе: «В 1610 году Владислав IV, будучи королевичем, был приглашён московской боярской Думой на царство в Москву во время польской интервенции в России. Добываясь московского престола, вёл в 1617–1618 и 1632–1634 годах войны с Московским царством» (В липні 1610 Владислав IV, будучи королевичем, був проголошений московським боярським урядом царем Московської держави під час польської інтервенції в Московії. Домагаючись московського престолу, вів (1617–1618) і (1632–1634) роках війни з Московським царством)²⁴.

Следовательно, даже после заключения в 1634 года Поляновского мира Московское царство постоянно вынуждено было принимать во внимание вопрос о неполном признании Романовых в роли правителей мировой державы. Можно предположить, что именно это и обусловило обострение интереса российской аристократии к истории, генеалогии и геральдике.

Вспомним, что по этикету Европы XVII столетия послом страны мог быть лишь дворянин, обладающий не только юридическим, но и «естественным» правом вести переговоры и представлять собой особу монарха. Таким образом, наделение русской аристократии гербами на основе генеалогических изысканий

²⁴ Гайдай Л. І. Історія України в особах, термінах, назвах і поняттях. Луцьк, 2000. С. 104.

стало политической необходимостью. Зачастую, происходит прямое заимствование символики близлежащих государств, из которых происходят те или иные роды.

Вопрос создания уникальной российской геральдики, единой системы, которая специфически отличалась бы от европейских субсистем, основанных на базе тех или иных государств, уже решался в период правления Петра I. Именно в этот период и будет произведена замена исконных гербов выходцев «из прусов» и «из царей восточных» на единообразные европеизированные гербы с принципиальной заменой блазонов и легенд.

Например, если рассмотреть образцы «допетровского» и «классического» гербов графов Шереметевых, то становится ясно, что герб был значительно дополнен. Интересен принцип совмещения раннего и позднего гербов, когда наиболее ранний вариант, без значительных изменений просто помещён на поле нового герба, а в качестве дополнительных элементов употреблены знаки статуса рода в рамках Российской Империи. Следовательно, наблюдается нарочитое сохранение старинного герба в виде одной из «неделимых» гербовых фигур.

Подобные выводы можно сделать, рассматривая также гербы Колычевых и Яковлевых, которые отличаются от герба Шереметевых лишь теми самыми знаками статуса, использующихся в гербах, как дополнительные элементы. Интересно то, что в самих гербах мы не видим различий. То есть, фактически эти гербы не несут персонифицированной идентификационной функции. Их задача заключается в статусной идентификации рода, а не личности.

Другое положение мы наблюдаем при рассмотрении группы гербов, формировавшихся на территории Восточной Европы, то есть на территории Великого княжества Литовского и Королевства Польского, а позднее Речи Посполитой.

Например, герб Яблонских обладает всеми чертами средства родовой и индивидуальной идентификации. О происхождении рода говорит лишь вмещённый в соуг (сердце) щита щиток с гербом Пруссии. Здесь мы можем наблюдать три этапа становления герба: щиток – память о принадлежности родоначальников рода Яблонских к дружине Пруссии; основные фигуры щита – пред-

положительно сформировались в период жизни рода на территории царства Польского; знаки статуса в виде дополнительных элементов герба добавлены в позднее время, когда Яблонские получили право именоваться князьями и носить княжеский статус в пределах Российской империи²⁵.

Всё это, так или иначе, отражается в блазоне герба, приведённом в Общем гербовнике: «В щите четырёхпольном накинута щиток с княжескою короною, в серебряном поле – чёрный орёл, головою вправо, а на груди орла также щиток с шахматным голубо-серебряным полем. В полях щита: в первом, красном, серебряный полуторный крест; во втором, напол-разделённом, в правой красной половине коса остриём внутрь и концом вниз, в левой же голубой – половина подковы вверху соединённая с косой; в точке их соединения полуторный крест; в третьем красном поле две косы остриём внутрь, а концами вверх; в четвёртом же, голубом поле, золотая вооружённая нога, согнутая в колене и ступнёй обращённая вправо. Над щитом три шлема, средний с княжескою короною прямо, а крайние с графскими коронами к нему впол-оборота, все три с золотыми решётками и с золотыми же висящими на цепях медалями. В навершии первого шлема, золотая вооружённая рука, согнутая в локте и с обнажённым мечом, направленным вправо; в навершии второго шлема чёрный двуглавый орёл, а в навершии третьего такая же как в четвертом поле вооружённая нога. Намет, начиная от половины среднего шлема с правой стороны красный, а с левой голубой, оба подложены серебром. Щит вместе со шлемами покрыт княжескою мантией с горностаевым подбоем»²⁶.

Даже в записи, сделанной в XIX веке (а Яблонские сумели подтвердить своё право носить княжеский титул лишь к 1844 году) разнятся правилами написания с европейскими блазонами. Например, указание направления головы орла в щитке с точки

²⁵ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. 1836. Ч. 10. С. 26–27.

²⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. 1836. Ч. 10. С. 26.

зрения Западной геральдики излишне: повёрнутые влево головою фигуры здесь называются «обращёнными». Также выражение «наполь-разделённомъ», употребляющееся в официальном документе разнится со специфическим термином «рассечённый щит», имеющим хождение в Западной Европе. Отличается также и название креста, и описание составных фигур. Гипотетически, это явление может быть вызвано следующими причинами:

во-первых, стремлением утвердить в сознании аристократии Московского государства русское произношение специфических названий фигур и геральдических терминов;

во-вторых, погрешностью перевода специфических терминов на русский язык;

в-третьих, отходом от традиционной терминологии по политическим причинам.

Таким образом, изучая внешний облик щита и, сопоставляя его блазон с европейским вариантом описания, возможно в некоторой степени проследить историю рода и определить, когда именно он появляется в качестве подданных московских государей.

Вторым направлением геральдической культуры, послужившим слагаемым геральдики Московского государства стала *геральдика включавшихся в российское государство княжеств и царств Кавказа*. Так, например, пришёл в русскую геральдику герб грузинского царя Вахтанга VI (царствовал с 1675 по 1737 гг.), ставшего предком княжеского рода Багратиони.

В 1937 году, когда праздновалось 750-летие создания Ш. Руставели «Витязя в тигровой шкуре», в Тбилиси переиздали книгу, изданную Вахтангом VI в 1712 году. Среди иллюстраций воспроизводилось изображение герба царя Вахтанга. Герб был изображён на металлическом диске с четырьмя ушками для крепления²⁷.

Основой герба Вахтанга VI является восьмиугольный щит (прямоугольник со срезанными краями), на котором изображен хитон. Щит обрамлён каймою, по которой идёт надпись на грузинском языке. Над щитом помещена царская корона, под которой помещены скрещенные скипетр и сабля; «одесную» (справа

²⁷ Марков А. С. Пётр I в Астрахани. Астрахань, 1994. С. 180–181.

по геральдическому принципу) короны помещена арфа, «ошующую» (слева по геральдическому принципу) – праща. Щит держат два льва. Внизу справа от щита – держава в виде земного шара, а слева – изображение весов. Диск, на котором изображён герб обрамлён каймой, по которой идёт надпись на грузинском языке и стилизованные изображения двуглавого орла и крестов св. Андрея Первозванного²⁸.

Значение герба таково: центральное положение в гербе занимает хитон («власяница») Иисуса Христа – символ принятия христианства родом и государством, по сторонам хитона – лира и праща – символы родоначальника династии грузинских царей библейского царя Давида (лира – символ сочинённых им псалмов; праща – оружие пастухов и символ победы над Голиафом)²⁹.

В приведённом выше описании мы наблюдаем терминологическую ошибку: автор приведённого описания к. и. н. Э. В. Кугрышева путает понятия «власяница» и «плащаница», что не меняет сущности приведённого ей блазона герба.

Вопрос о блазоне герба Багратидов (Багратуни) (см. Приложение 3. Рис. 24) имеет определённое значение для оценки условий и политических мотивов вхождения царства Багратидов в состав Российской Империи, а самих Багратидов и их потомков в систему российской аристократии. Кроме того, сочетание библейских символов даёт возможность проследить как путь представителей династии, так и историю их карьеры и деятельности. Поэтому, остановимся несколько подробнее на «библейской» легенде происхождения рода Вахтанга VI. Тем более, что родовая легенда этого монарха, нашедшая отражение в его гербе, является своеобразной альтернативой родовой легенде российских монархов. Если российский правящий дом пытается обосновать геральдические и статусные претензии связью с римскими императорами, то есть – в области правовой преемственности, то Багратиды

²⁸ Там же. 1994. С. 180.

²⁹ Справка составлена в 2008 г. зав. отделом истории Астраханского краеведческого музея-заповедника кандидатом ист. наук Э. В. Кугрышевой.

– связью с библейскими персонажами, то есть в области религиозно-духовной преемственности.

Неизвестно, насколько этот момент был оценен современниками, но добровольное подчинение Багратидов государству Рюриковичей совпало по времени с процессом оформления подавляющего превалирования права над религиозно-духовным фактором внутри самого российского государства. Фактически, подчинение государей «по религиозно-духовному праву» государям «по закону» тоже могло бы считаться знаковым событием в борьбе российских государей за преобладание светской власти над духовно-религиозной.

В предисловии к «Истории и повествовании о Багратионах» Сумбата Давитс-дзе М. Г. Лордкипанидзе отмечает, что возвышение Багратидов произошло в VI в. Ещё в начале X века Иоанн Драсханакертци о предках Багратуни пишет: «Говорят, что он был потомком Давида». Видимо, Драсханакертци имел письменное или устное основание для данного заявления. Сообщение Драсханакертци о том, что Багратуни являлись «венцезолагателями», подтверждается более древними армянскими сведениями³⁰.

Как уже отмечалось, Багратионы рано выдвинулись на политической арене Закавказья. В грузинской историографии существует предположение о происхождении Багратионы от древнегрузинского царского рода Парнавазидов³¹. По мнению же К. Л. Туманова, Багратионы происходят из древнеармянского царского рода Ерванидов³².

Сумбат, представитель грузинской исторической традиции, датирует возвышение рода Багратионы на политической арене Грузии VI веком. Таким образом, политическое возвышение Багратидов вызвало создание легенд вокруг их происхождения.

³⁰ Бузанд Фавстос, История Армении. Ереван, 1953. С. 196; Абуладзе И. В. Сведения Ивана Драсханакертци о Грузии. Тбилиси, 1937. С. 3.

³¹ Ингорква П. И. Гиорги Мерчуле. Тбилиси, 1977. С. 77–79; Мамулия Г. Г. Происхождение династии Багратионом и образование царства Картли (Иберии) // Мнатоби 1971. № 2. С. 171–191.

³² Toumanff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963. P. 277–354.

Древнеармянская историческая традиция их объявляет потомками Хаикидов, древнегрузинская – Парнавазидов. Та же армянская традиция считает их потомками знатного пленного еврея Шамбата, а более поздняя армянская и грузинская исторические традиции их происхождение связывают с царём-пророком Давидом. Драсханакертци является звеном, связывающим две традиции о происхождении от Шамбата и Давида.

Таким образом, в грузинской и армянской действительности существовали разные версии о происхождении рода Багратиони. Самая претенциозная из существующих версий связывает происхождение рода с божественным началом³³. Сам же Сумбат Девитс-дзе в своём произведении начинает повествование о Багратидах с Адама. «... Адам родил Сифа, Сиф родил Еноса...»³⁴.

Легенду о происхождении династии Багратидов от Давида подтверждает в своих произведениях Константин Багрянородный³⁵. Легенду же о хитоне Христа, как чудотворном артефакте-покровителе Грузии, описывает в своей работе «Краткая история грузинской церкви» П. И. Йосселиан: «...некто из юношей еврейских, по имени Элиоз, один из воинов, находившихся при кресте Господнем, после крестной смерти Спасителя получил по жребию Его хитон и, возвратившись в свой город Мцхет, принес его с собою. Сестра Элиоза, увидев такое сокровище, отняла его у брата и, прижав к груди, на месте умерла. С хитоном же ее и должны были похоронить, потому что его не могли у нее вырвать; но место погребения осталось неизвестным, хотя, по преданию, и знали, что она похоронена в Мцхете под кедром, посаженным из Ливана. Чрез откровение свыше узнала о том св. Нина, просветительница Грузии. Она обратила ко Христу царя Мириана (в 318 год по Р.Х.), и на том месте, где был скрыт хитон,

³³ Лордкипанидзе М. Предисловие // С. Давитс-дзе История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. С. 10.

³⁴ Давитс-дзе С. История и повествование о Багратионах. Тбилиси: Мединерба, 1979. С. 23.

³⁵ Additionis et éclaircissements a l'histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'en 1649 de J.C. par Brosset. SPb., 1851. P. 153.

воздвигнут Мцхетский собор, один из столбов которого есть кедр, росший на могиле...»³⁶.

В произведении А. С. Маркова приведена и фотография этого герба, однако в момент издания книги, герб Вахтанга VI, образец которого хранится в Астраханском музее-заповеднике, с 1936 года считался утерянным³⁷. Автору диссертационного исследования пришлось совершить поездку в Астрахань в январе 2008 года для того, чтобы попытаться ознакомиться с данным гербом. В настоящее время герб Вахтанга VI находится в экспозиции музея-заповедника.

В описании древнего герба Багратидов нетрудно заметить сходство с гербами родов, «выезжих из прус» как в наличии фигур львов, так и в самом принципе построения композиции герба. Объяснение этому мы находим в том же произведении Сумбата: «При Степанозе произвели в стране Картли перепись и взяли в Византию. И пришло известие, что Багдад захватили агоряне. После этого Степаноза эриставом был его сын Гурам Куропалат. А после него были Вараз-Бакур, сын его Антипатос, который обратил в христианство габардинцев, затем – Нерсе и сыновья его, Пилипе, Степаноз и Адариасе, и его сыновья Гурген эристав, Ашон Куропалат. А Ашот Куропалат властвовал в стране сей и местом его пребывания были Бардав и Тбилиси, и принадлежала ему область вокруг них. Но тогда усилилась власть агорян и начали они притеснять Ашота Куропалата, и не смог устоять перед ними, бежал от них. И удалился, чтобы отправиться в Византию и находились при нём мать и жена и два сына младенца, старший Адарнасе и [последующий] Баграт. А младшего сына Гурами у него пока ещё не было. Сопровождали его немногие небольшого отряда коренных жителей (и были они) с семьями и детьми. Достигли горы Джавахети, берега большого озера Паравани и утомлённые дорогой расположились для отдыха на берегу того озера. ...И спящих настигло большое войско сарацин. Тогда оказал Бог

³⁶ Иосселиан П. И. Краткая история грузинской церкви. СПб., 1843. С. 6–7.

³⁷ Марков А. С. Пётр I в Астрахани. Астрахань, 1994. С. 181.

милость Ашоту Куропалату и его малочисленному войску, и даровал победу над ними и убили многих. Отправились и прибыли в Шавшетский хеви... Даровал бог ему победу и дал власть над Шавшети и Кларджети.. Некоторые селения он купил, некоторые опустошённые восстановил и умножил селения Ашот Куропалат в стране той. Даровал Бог и утвердилась власть его по воле византийского царя»³⁸.

Хронист прямо говорит о том, что ряд кавказских государств, в том числе и царство Картли находились под юрисдикцией Византийской Империи. Можно предположить, что основой для кавказской геральдики стали каноны, принятые в Византийской Империи, то есть – те же каноны, что были приняты и в Европе. Однако в данном случае видно внесение в общеевропейскую геральдическую традицию библейских мотивов, характерных для менталитета данного сообщества. Вспомним, что герб князей Багратионов имеет следующее описание: «Щит разделен на четыре части, из коих в первой в красном поле изображена золотая держава. Во второй в голубом поле арфа. В третьей в голубом же поле золотой пращ. В четвертой части в красном поле крестообразно положены золотой скипетр и сабля. По сторонам щита поставлены два льва. Щит укукрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству»³⁹. Таким образом, в гербе нового образца прослеживается соединение старой родовой легенды о происхождении рода Багратиони от библейского царя Давида (в лазури – солнечная арфа и праща) и знаков царского достоинства (в червлении – золотая держава и крестообразно положенные скипетр и сабля). Однако герб акцентируется не на древней легенде (её атрибуты занимают в расположении на щите менее почётное место), но на статусе владельцев щита, а именно, на регалиях царского рода и дополнительных элементах щита, подчёркивающих княжеское достоинство его владельца.

³⁸ Давитс-дзе С. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. С. 30–31.

³⁹ Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1803. Ч. 7. С. 2.

Наблюдается также соединение общеевропейского геральдического содержания с религиозными мотивами. Те же тенденции, хотя и в меньшей степени прослеживаются в гербе династии правителей Армении. В 1080 году Рубен Багратуни основал в Киликии армянское княжество, положив начало династии Рубенидов. В 1198 году в Киликии было провозглашено армянское царство.

Согласно статье Р. И. Матевосяна на монетах правителя Киликии Левона II (1198–1219), который был коронован как царь Левон I в 1198 из династии Рубенидов, появился лев с крестом на спине, причём на изображении лев поддерживает крест лапой. Исследователю пока не удалось обнаружить фотографии этих монет: на известных монетах Левона – два стоящих на задних лапах льва с крестом католикоса, либо просто крест католикоса⁴⁰.

В средневековой Европе герб Армении был широко известен. Например, в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя (1414–1418) герб Армении представляет собой серебряный щит с червлёным коронованным леопардом, на спине у которого золотой крест (второй вариант – в серебре червлёный лев с золотым крестом на груди). Червлёный коронованный лев на серебре назван гербом Армении и в гербовнике Вергилия Солиса (1555) (см. Приложение 3. Рис. 32)⁴¹. В 1856 году для Большого герба Российской империи утверждён титульный герб «царя Армянского» – в золотом поле червлёный коронованный лев. Основой его также стал исторический герб Киликии.

О значительной роли религиозной символики в геральдике аристократии Кавказа много писал в своих статьях Д. Гулордава. В качестве примеров он приводит описания следующих фамильных гербов:

герб князей Гедеванишвили, в котором, также как и в гербе Багратидов, одним из главных символов является Хитон Христа⁴². Следует отметить, что род Гедеванишвили является дина-

⁴⁰ Матевосян Р. И. Истоки армянской геральдики // Гербовед. М., 1996. № 2 (10). С. 46–66.

⁴¹ Панасенко С. П. Герб Армении (Киликии) // Гербовед. М., 1998. № 29. С. 126–133.

⁴² См. Приложение 3. Рис. 28.

стией наследственных хранителей ключей храма Светецховели, поэтому закономерным выглядит появление в гербе таких символов, как ключи Храма, крест Святой Нины (по преданию, она привезла хитон Христа в Грузию), митра и посох христианского иерарха и надгробные плиты с крестами;

герб князей Амилахвари. В родовом гербе князей Амилахвари, третьего по знатности рода Картлии, доминируют военные символы – пушки, сабли, ядра, боевые знамена⁴³. Князья из этого дома являлись наследственными амилахорами (командующими конницей) Грузии и наследственными моуравами (воеводами) Гории. Поэтому среди символов герба находится военный ботфорт и боевое знамя с Георгием Победоносцем. В правом верхнем углу гербового поля – чаша и солнце. Этот символ появился после того, как один из князей Амилахвари погиб, защищая жизнь царя Георгия VIII от заговорщиков. Чаша символизирует кровь князя, пролитую за царя, а солнце самого монарха⁴⁴. Здесь тоже не обошлось без религиозной символики: последние из описанных символов явно созданы по аналогии со святым Граалем, в который была, согласно легенде, собрана кровь распятого Иисуса Христа. Здесь мы видим проведённую прямую аналогию;

*герб князей Джакели*⁴⁵, рассматривается в статьях Д. Гулордавы, как пример того, что среди религиозных символов в гербах грузинских князей имеют место не только христианские, но и мусульманские символы. Так, владетели Южной Грузии князья Джакели в 70-х годах XVII века перешли в ислам и стали называться Ахалцихскими пашами. Они включили в свой герб в качестве центрального символа мусульманский полумесяц со звездой.

Таким образом, мы видим, что использование религиозной символики, выраженной негеральдическими фигурами также можно причислить к особенностям кавказской геральдической традиции. Безусловно, такая символика характерна и для евро-

⁴³ См. Приложение 3. Рис. 29.

⁴⁴ Гулордава Д.А. Герб князей Амилахвари // Гербовед. М., 1998. №29. С. 59–64.

⁴⁵ См. Приложение 3. Рис. 30.

пейской геральдики, однако в кавказской геральдике она имеет зачастую преобладающее значение над иными геральдическими изображениями.

Если вспомнить, например, герб Армянской области, помещённый в «Титулярнике» 1672 года, мы заметим, что центральное место на нём занимает изображение горы Арарат с Ноевым ковчегом. Это изображение на гербе появилось в связи с известной библейской легендой о всемирном потопе, которым Бог покарал человечество за грехи. В живых остался лишь праведный человек Ной со своим семейством. Бог предупредил его о потопе, повелел ему построить ковчег и взять с собой по паре всех животных. На гербе Иверии, помещённом в том же «Титулярнике», изображена огнедышащая гора, пронзенная двумя стрелами, внизу помещается подпись: «Государь Иверския земли». Как известно, Иверия, или Иберия, – это в данном случае – древнее название Восточной Грузии.

Геральдика и эмблематика представителей включенных в состав Российского государства мусульманских государств и княжеств Восточной Руси появляется в статусной системе московского государства естественным путём. На протяжении веков представители этих социумов находились в тесном политическом и культурном контакте.

В отличие от государств Европы и Кавказа, восточными соседями Московской Руси в XIV – XV вв. были государства, возникшие на территориальной и правовой базе империи Чингизидов. Это – Синяя Орда, Белая Орда, а позже Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство и другие государства, управляемые представителями династии Чингизидов. В этих государствах практически не сложилось исторических, правовых, военных предпосылок для возникновения и укрепления геральдики, как статусно-правовой идентификационной системы. Поэтому, когда в эпоху исламизации Синей Орды ханами Берке и Узбеком начинается отъезд на Русь части татарской, монгольской и болгарской аристократии, перед правителями русских княжеств, как уже писалось выше, встаёт вопрос о включении восточной аристократии в общую систему.

Если принять во внимание, что в период феодальной раздробленности статус удельных русских княжеств отличался лишь наличием или отсутствием Великокняжеского стола, то Золотая Орда, служившая арбитром в решении династических споров, обладала особым, весьма высоким статусом, находясь в едином политическом пространстве с русскими землями. Вместе с тем, оставаясь в едином политическом пространстве и с землями бывшей Монгольской Империи, Орда не потеряла свою систему родового статуса. То есть, статус «выезжих» из Орды, а позднее из Казанского, Астраханского, Сибирского и др. ханств, автоматически приравнивался на Руси к статусу удельного князя.

Подтверждением этого тезиса является история Улу-Мухаммеда, который, выйдя победителем в борьбе с Василием II Тёмным, отослал своих младших сыновей на службу к побеждённому русскому князю. Об этом подробно пишут и М. Худяков: «Хан Мухаммед скончался вскоре после возвращения в Казань из Нижнего Новгорода. Он имел трёх сыновей – Махмуда, Касима и Якуба. В 1445 году царевицы Махмуд и Якуб участвовали в русском походе, в 1446 году Касим и Якуб действуют с войском в России, оказывая поддержку Василию Тёмному. Касим остается в России в качестве удельного князя Мещерского Городка на Оке, Якуб упоминается в 1452 году, как участник русского похода на Вагу и Кокшеньгу»⁴⁶. Подобное мнение высказывает и В.В. Вельяминов-Зернов в своём «Исследовании о Касимовских царях и царевицах», изданном в 1863 году.

Следовательно, необходимость создания геральдической системы в среде выходцев из государств, соседствующих с Московским государством на востоке, назрела именно потому, что их статус был зачастую выше статуса многих русских аристократов. Более того, в своей среде Чингизиды претендовали на более высокий статус, нежели Рюриковичи. Однако исторически сложившегося информационного, геральдического содержания для гербов у них не было.

⁴⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 2006. С. 21.

Резонно предположить, что именно эта категория российской аристократии является «заказчиками» и носителями первых оригинальных гербов, созданных в Российском государстве в XVI–XVII вв. Недаром первым российским гербом считается герб Нарбековых. Подробно этот герб и обстоятельства его формирования описывает в своей статье М. Е. Бычкова. По мнению исследовательницы, массовая подача дворянских родословных росписей в 80-е годы XVII века после указа 1682 года об отмене местничества, привела к тому, что появилось большое число рукописей родословных книг, где после глав, восходящих к официальным редакциям, появляются новые росписи и семейные документы, относящиеся к деятельности одной или нескольких семей, имеющих общего предка. Такой родословной книгой является недавно обнаруженный список с генеалогическими материалами Нарбековых, Державиных, Парецких, считавших своим предком мурзу Багрима, выехавшего служить великому князю Василию Васильевичу. После родословца в 21-ю главу помещены росписи трёх указанных семей, списки грамот Нарбековых 50-х и 80-х гг. XVI века, стихотворное сочинение о предке Нарбековых и рисунок их герба. Центральное место здесь занимает стихотворное сочинение о подвигах Дмитрия Ивановича Нарбекова при взятии Казани в 1552 году. Со стихотворением связан текст списка грамоты царя Ивана IV от 21 июня 1551 года в Бежецкую пятину, где Д. И. Чуваш Нарбеков назван Иваном Дмитриевичем. В грамоте об Иване Дмитриевиче Нарбекове сказано, что он отставлен от службы, так как ранен в Казани (грамота написана за год до её взятия), «глаз выстрелен и руку у него оторвало из пушки»⁴⁷. Возможно, при составлении этой грамоты был использован подлинный документ, полученный Нарбековым ещё до взятия Казани»⁴⁸.

Рисунок герба является своеобразной иллюстрацией к стихотворному описанию. В шите в эмблематической форме воспроиз-

⁴⁷ Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. №4 (2). С. 33.

⁴⁸ Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. №4 (2). С. 33.

ведены все подвиги Дмитрия Чуваша, а в описании герба автор пересказывает родовую легенду о выезде мурзы Багрима в Москву, поколенную роспись Нарбековых, сведения о земельных владениях семьи.

В специальных разделах своего стихотворения автор объясняет, что «навой и коруна», помещённые над гербом, показывают происхождение Нарбековых от правящей татарской династии, а лук и стрела свидетельствуют о том, что татарская по своему происхождению семья рассеяла своих потомков по всему свету⁴⁹. Говоря словами автора, рисунок герба Нарбековых ещё не имеет чёткой системы расположения эмблем на щите, свойственных европейской геральдике. Скорее, он напоминает многосюжетные композиции некоторых русских икон, где на одном поле, в одной плоскости изображено несколько эпизодов из жизни святого.

Интересен в этом ключе герб рода Юсуповых⁵⁰. В «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих» приводится детальное описание герба этого рода, происходящего из династии эмиров Ногайского улуса (юрта), родоначальником которой являлся темник Идику (Эдигей). Юсуповы или Юсупово-Княжевы – пресекшийся русский княжеский род. От военачальника, бывшего в службе Тамерлана, и владетельного Ногайского князя (умер в начале XV в.) Эдигея Мангита в третьем колене родился Муса-мурза, сын которого Юсуф-мурза (? –1556) был родоначальником рода Юсуповых. У него было два сына, Ильмурза и Ибрагим (Абрей), которых в 1565 отправил в Москву убийца их отца, дядя Измаил. Их потомки в последние годы царствования Алексея Михайловича приняли святое крещение и писались князьями Юсуповыми или Юсупово-Княжево до конца XVIII века, а после стали просто писаться князьями Юсуповыми. Символы герба рода Юсуповых представляют собой эклектичное соединение символов, характерных для сознания и статуса ордынской аристократии с символикой, по всей вероятности, заим-

⁴⁹ Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. №4 (2). С. 36.

⁵⁰ См. Приложение 3. Рис. 32.

ствованной в процессе службы московским государям: «... Герб сходен с Высочайше утверждённым гербом князей Юсуповых, разделённым одной вертикальной и двумя горизонтальными чертами, на шесть частей, с наложенными поверх всего двумя малыми щитками: 1) В зелёном поле скачущий всадник с мечом и щитом; 2) В золотом поле одетый в татарское платье муж держит в правой руке молоток; 3) В синем поле золотой лук, поверх которого положена летящая вверх стрела; 4) В золотом поле стоящий на задних лапах лев натурального цвета; 5) В серебряном поле сидящий лев натурального цвета; 6) В синем поле обращённый влево серебряный олень. В верхнем малом щитке, в синем поле серебряная звезда. Нижний щиток разделён горизонтально на две неравные части: в верхней, меньшей, в зелёном поле княжеская шапка; в нижней большей, обращённый рогами вправо серебряный месяц и кругом него четыре звезды серебряные же. Щит покрыт княжескими шапкой и мантией»⁵¹.

С одной стороны, мы видим уже вполне европеизированный герб. Однако среди фигур, мы видим ярко выраженный национально-региональный компонент: если «скачущий всадник с мечом и щитом», а также – золотой лук, поверх которого положена летящая вверх стрела, равно свойствен и восточной традиции и европейской геральдике (принять во внимание тот же польский герб «Погоня»), то «одетый в татарское платье муж держащий в правой руке молоток» является весьма специфической фигурой.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что данный компонент может быть выражен в более слабой степени, либо выражен при помощи символов, имеющих хождение не только в России, но и Европе. Примерами тому могут служить гербы Юшковых и Татариновых.

Юшковы – старинный русский дворянский род, ведущий свое начало от выехавшего из Золотой Орды к великому князю Дмитрию Ивановичу Зеуша, в святом крещении Стефана. От его старшего сына Юрия пошли Юшковы. Из них более известны:

⁵¹ Родословная книга князей и дворян российских и Выезжих. М., 1787. Т. 1. С. 176.

Иван Григорьевич Юшков – воевода в Белеве и Перемышле (1614 – 1621 годы); Гавриил Константинович – дворянин московский, курский воевода; Пимен Дементьевич – дворянин московский, псковский воевода, сотенный голова в Москве и Можайске, участник взятия Себежа (1632 год); Михаил Назарьевич, которому за московское осадное сиденье было пожаловано в вотчину поместье Козельского уезда (он умер, приняв схиму с именем Моисея, в 1647 г.); Лев Степанович, стольник, дворянин московский (1650 – 1677 годы) и участник в войне с Польше. Герб Юшковых – в щите, разделённом на четыре поля. Поля 1 и 4 покрыты синей финифтью, а поля 2 и 3 – золотой. На щите изображён нагой муж, держащий в правой поднятой руке дубину и масличную (лавровую) ветвь⁵².

Практически утратили в своём гербе специфический национальный компонент Татариновы – род, ведущий своё начало от Терентия Татаринова, получившего вотчинные пожалования от государя Ивана IV Грозного. Герб Татариновых, жалованных поместьями в 1580 и других годах, разделён горизонтально на две части: в верхней части в серебряном поле едущий вправо на белом коне всадник, держащий копьё; в нижней – в лазурном поле горизонтально текущая серебряная река⁵³.

В данном случае, мы сталкиваемся с деликатной проблемой: не секрет, что «выезжие» из Орды и государств, образовавшихся при её распаде, вели на территории Московской Руси весьма разную в духовно-идеологическом плане жизнь. Одни, как, например, Нарбековы или Юсуповы даже принимая православие, сохраняли духовную связь с традициями предков. Другие, как род Юшковых, сохраняя родовые легенды, в значительной степени русифицировались (именно об этом говорит изучение истории рода). Третьи, же, как например Татариновы, окончательно отождествили себя с русской культурой.

⁵² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Т. 1. С. 176.

⁵³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Т. 1. С. 145.

Однако, значительная часть аристократии, происходящей от монгольских (калмыцких), золотоордынских и крымских родов, а также имеющих корни народов Поволжья и Приуралья (Русины, Мещерины, Черемисиновы, Карауловы), даже на службе русским великим князьям и царям сохранили не только национальную личностную самоидентификацию, но и титулы. Например, представитель рода Казаковых Субханкул Казаков (1776–1858) сохранил титул мирзы вплоть до конца жизни⁵⁴. Потомки Еникеевых представили в Департамент герольдии грамоты, жалованные Иваном IV 20 марта 1551 г. и 1 октября 1572 г., в которых Еникей Тенниевич Кугушев и его сын Сабак-мурза Еникеев названы князьями⁵⁵. Р. Р. Хайрутдинов упоминает также о калмыцких князьях, статус которых был утверждён определениями правительствующего Сената с 1830-х по 1908 гг.⁵⁶. Следует учитывать, что наличие титула само по себе могло не повышать статуса человека в государстве. Речь идёт именно о национально-культурной самоидентификации. Эта часть аристократии правомерно подчёркивает своё происхождение как в генеалогических исследованиях, так и в геральдике. Упрощает этот процесс традиция мусульман отслеживать свою родословную по мужской линии, который даёт возможность полноценного включения мусульманской аристократии в единую систему с русской лестницей.

Следует также отметить, что в известной мере предпосылки к возникновению национально-регионального компонента справедливы не только по отношению к выходцам из социумов, ордынского или крымского происхождения, но и к выходцам из русских княжеств, не побывавших под властью правителей Великого Княжества Литовского и Польши, либо представителям рус-

⁵⁴ Нагорная М. А. Казаков Б. М. Родословная Казаковых (XVI–XXI вв.). Нижний Новгород, 2002. С. 14.

⁵⁵ Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии кон. XVIII – перв. треть XIX вв. Казань, 2002. С. 85.

⁵⁶ Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии кон. XVIII – перв. треть XIX вв. Казань, 2002. С. 84.

ских социумов, не принявших европейской символики в том виде, котором она была им предложена правителями проевропейских государств.

В этом смысле показательна история герба рода Шубиных. Шубины – два старинных русских дворянских рода. Первый ведет свое происхождение от «Грязного Шубина», жившего в конце XVI века, сын которого, «Гаврило Грязново сын» (умер в 1632 году), был пошехонским помещиком. Род записан в VI часть родословной книги Ярославской губернии; герб внесен в IV часть Общего Гербовника.

Второй род Шубиных восходит к первой четверти XVII века. Высочайшим повелением в 1879 году вдове ротмистра Любови Шубиной и ее старшему сыну Дмитрию разрешено присоединить к их фамилии и гербу фамилию и герб Поздневых, с наименованием Шубины-Поздневы.

Герб рода Шубиных – «в пересечённом щите, имеющем голубое и серебряное поля, изображена городовая красного цвета стена о четырёх зубцах и выходящий лев, обращённый в левую сторону, у которого в хвосте видны два, а в лапах – одно железные кольца. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой находится означенный в щите до половины лев с кольцом в лапах, намет на шлеме красного и голубого цвета, подложенный серебром»⁵⁷. Герб же Шубиных-Поздневых несколько отличается от «начального».

Щит разделён на шесть частей, в центре же его вмещён щиток, на котором в червлёном поле золотая шестиконечная звезда и поставленный под нею серебряный полумесяц, обращённый вверх. На щите же в золотом поле изображена шуба, отороченная мехом натурального цвета, в зелёном поле – серебряная сабля, рукоятью вверх, в червлёном поле – золотой меч, рукоятью вверх. В лазоревом поле золотой лук с положенной поверх него серебряной стрелой. В серебряном поле чёрный одноглавый орёл,

⁵⁷ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1838. Ч. 8. С. 99.

увенчанный императорской короной, держащий в лапах золотые скипетр и державу. В лазоревом поле – серебряная подкова. Щит увенчан двумя противопоставленными рыцарскими шлемами с золотыми решётками и золотыми медалями. Шлемы увенчаны коронами.

В правом нашьлемнике – султан из двух серебряных и одного червлёного страусовых перьев. Поверх последнего положены золотая шестиконечная звезда, а под ней серебряный полумесяц, означенные на вмещённом щитке. В левом нашьлемнике султан из двух лазоревых и одного червлёного страусовых перьев. Поверх лазоревых перьев положены серебряные подковы, а поверх червлёного золотой меч, означенные на щите⁵⁸.

Мы видим, что на более позднем, казалось бы, по происхождению гербе фамилия Шубиных отражена прямым, негеральдическим символом – изображением боярской шубы в золотом поле. Таким образом, род Шубиных имеет выраженную «западную» идентификацию, род же Шубиных-Поздневых имеет идентификацию самобытно-русскую. Безусловно, можно сделать скидку на то, что окончательное формирование герба произошло уже во второй половине XIX века. Однако, приходится признать, что «шубинская» часть герба оформилась гораздо раньше.

Подводя итоги сказанному выше, мы отмечаем, что, гербы, имеющие хождение в период правления государей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича, Фёдора Алексеевича, а также – принцессы Софьи можно условно подразделить на следующие категории, каждая из которых имеет свои особенности.

⁵⁸ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1885. Ч. 13. С. 50.

Таблица 1

Категория	Путь формирования	География формирования	Особенности гербов
Европейские гербы	<p>1. Наследование беджей, родовой и личной эмблематики и, собственно, гербов от предков, проживавших на территории Европы в период формирования геральдической системы.</p> <p>2. Жалование гербов со стороны европейских правителей российским подданным, во время службы их данному государю.</p> <p>3. Жалование гербов представителей европейских родов при женитьбе российских аристократов на представительницах европейской аристократии.</p>	<p>В основном – западнорусские княжества, входившие в состав Великого Княжества Литовского до 1462 года, территории королевства Польши, земель Ливонского и Тевтонского рыцарских орденов.</p>	<p>1. Эмблематика, характерная для европейской геральдики.</p> <p>2. Гербы составлены согласно канонам европейского геральдического искусства.</p> <p>3. Гербы внесены в гербовники Европы</p> <p>4. Герб соответствует одновременно и личности, и роду в целом, и статусному владению.</p>
Гербы, польские, либо содержащие герб – Przydomek	<p>Жалование гербов со стороны польских правителей или сейма российским подданным, во время службы</p>	<p>Территория королевства Польши, Чёрной Руси, Волынской земли, княжества Пинское, Туров-</p>	<p>Наличие в части герба, в его дополнительных элементах, либо вмещённых щитках, польских коллегияль-</p>

	их Польскому государству, либо в результате получения польского гражданства и шляхетских прав.	ское, Дубровицкое, Клецкое, Слуцкое, Киевское.	ных гербов аристократических сообществ.
Гербы, содержащие европейскую цеховую геральдическую символику	Займствование гербов цеха при вхождении в межнациональную ремесленную или торговую корпорацию	Новгородская земля. Псковская земля, земли Ливонского и Тевтонского орденов, земли аукштайтов, жемайтов и ятвягов.	Наличие в части герба, в его дополнительных элементах, либо вмещённых щитках европейской цеховой символики.
Гербы кавказской христианской аристократии	Жалование гербов со стороны Византийских императоров, включение в родовую эмблему элементов христианской символики.	Земли кавказских княжеств	Гербы, составленные по канонам европейской геральдики с включением общей христианской символики, а также фигур, заимствованных из текстов Ветхого завета.
Гербы кавказской мусульманской аристократии	Займствование гербов из системы Византийской геральдики, включение в родовую эмблему элементов мусульманской символики.	Земли кавказских царств, принявших Ислам в качестве государственной религии, либо религии правящей династии.	Гербы, составленные по канонам европейской геральдики с включением общей мусульманской символики, а также фигур, отражающих содержание текстов Корана и иных Священных текстов Ислама.

<p>Гербы самобытной ордынско-поволжской аристократии</p>	<p>Создание гербов на основе родовых легенд и генеалогических преданий.</p>	<p>Территория Московской Руси, Вятской земли, Казанского, Астраханского, Сибирского ханств.</p>	<p>Гербы, составленные по произвольным канонам с употреблением специфических элементов и негеральдических фигур национально-регионального компонента. Употребление общемусульманской символики.</p>
<p>Гербы обрусевшей ордынско-поволжской аристократии</p>	<p>Создание гербов на основе родовых легенд и генеалогических преданий. В данном случае основой для родовых легенд служат события, произошедшие с представителями рода в период их службы государю Московскому.</p>	<p>Территория Московской Руси, Вятской земли. Достаточно редко – на территории Казанского, Астраханского, Сибирского ханств: слишком короткий период времени с момента их присоединения к Московской Руси.</p>	<p>Гербы, составленные по произвольным канонам с употреблением геральдических и негеральдических фигур, принятых в европейской геральдике, но имеющих значение близкое к значению специфических элементов и негеральдических фигур национально-регионального компонента. Употребление общемусульманской символики наблюдается сравнительно редко.</p>

<p>Гербы самобытной русской аристократии</p>	<p>Создание гербов на основе родовых легенд и генеалогических преданий.</p>	<p>Территория Московской Руси, Вятской земли, а также, предположительно, – Новгородская земля, Псковская земля и другие районы с сильно развитым вечевым самоуправлением.</p>	<p>Гербы, составленные по произвольным канонам с употреблением специфических элементов и негеральдических фигур национально-регионального компонента. Употребление общей христианско-православной символики.</p>
<p>Гербы искусственно созданной в XVI–XVII вв. служилой аристократии</p>	<p>Создание гербов на основе родовых легенд, основой для которых служат события, произошедшие с представителями рода в период их службы государю Московскому.</p>	<p>Москва и основные административно-военные центры Московского государства XV–XVII вв.</p>	<p>Гербы, составленные по произвольным канонам с употреблением специфических элементов и негеральдических фигур, иллюстрирующих родовую легенду, зачастую в прямом их значении.</p>

Безусловно, данная систематизация нуждается в дальнейшей доработке и уточнении, однако даже на данной стадии исследования можно отметить ряд закономерностей в процессе формирования российской геральдики.

Первой закономерностью является наличие различных принципов формирования геральдики, что связано с различием критериев статусной иерархии в сообществах, образующих аристократию Московской Руси XV–XVII вв.

Второй особенностью стала разнотипность содержательной стороны гербов, происходящая, вероятно, из различия духовно-нравственных ориентиров аристократии различных этносов, религиозных конфессий, социальных слоёв российской аристократии XV–XVII вв.

Третьим отличительным моментом геральдики Московского государства стала возможность использования геральдики, как одного из инструментов формирования единой статусно-идентификационной системы российской аристократии XV–XVII вв.

Четвёртой закономерностью можно признать спонтанность и слабую систематичность использования геральдических элементов в самобытных гербах XV–XVII вв., а также использование нехарактерных для европейской геральдики элементов, отражающих повседневную жизнь народов Московской Руси XV–XVII вв. либо их предков.

Пятой характерной чертой стала эклектичность геральдики Московской Руси XV–XVII вв.

Шестая закономерность заключается в сравнительно слабой связи российской геральдики с принятыми в Европе основами геральдической системы: манором, генеалогическим древом, личным статусом.

Эти закономерности создают возможность проследить динамику формирования сословия российской служилой аристократии по социальному, национальному и религиозному составу. Они дают также возможность определить время присоединения той или иной этнической либо социальной группы к сословию служилой аристократии Московского государства.

Не менее важна возможность проследить путь оформления новых слоёв (разновидностей) служилой аристократии, а также степень влияния на состав сословия служилой аристократии в московском государстве тех или иных политических, экономических, социальных шагов московского правительства.

Изучая статусные элементы геральдики Московского государства XV–XVII вв., можно проследить и процесс изменения этических, моральных, политических, религиозных ориентиров

служилой аристократии. В данном же случае нам особенно важно определить факторы, которые являлись основополагающими в процессе формирования геральдики Московского государства XV–XVII вв. Это необходимо для того, чтобы используя метод дедуктивного исследования, иметь возможность интегрированного подхода к каждой аристократической фамилии, а также возможность индуктивной систематизации факторов воздействия на конкретные роды и личности в единую систему для выявления рычагов влияния и методов социального строительства, применяемых властью Московской России XV–XVII вв.

Выявление данных факторов влияния даст возможность не только оценить эклектичное российское общество XV–XVII веков с точек зрения историзма и институционализма, как принципов исследования, но и сделать попытку оценить современное общество как со сравнительной, так и с прогностической точки зрения.

ГЛАВА 3.

Социально-политические и правовые аспекты унификации геральдической статусно-идентификационной системы в Московском государстве XVII столетия

В предыдущих главах мы постарались рассмотреть как социально-национальный состав служилой аристократии, так и пути проникновения статусно-идентификационной геральдической системы западного образца на территорию Московского государства и пути её трансформации в зависимости от менталитета и исторических традиций воспринимающих геральдическую систему социальных групп, составляющих отечественную служилую аристократию. Однако, остаётся нерассмотренным вопрос о том, какие предпосылки подготовили почву для произошедших в короткий отрезок времени перемен в области статусно-идентификационной системы, имевших место во второй половине XVII в.

Эти перемены в московском государстве подготовили почву для введения администрацией Петра I в России геральдической системы и её полного принятия отечественной аристократией как «старого» так и «нового» образца.

Согласно определению, данному В. К. Лукомским, термин геральдика в русском языке имеет три смысла. Во-первых, это практика создания и использования системы геральдических знаков, которая существует с момента появления общества, понятий «свой» – «чужой», различий семьи от семьи, рода от рода, племени от племени, и включает в себя создание, регистрацию и бытование геральдических знаков. В этнографии подобные геральдические знаки известны под названием тотемов (у индейцев Се-

верной Америки), тамг (у тюркских народов). В Японии с XII века складывается система геральдических знаков – монов¹.

Одновременно с процессом формирования социумов появляются знаки, выделяющие индивидуумов, занимающих особое место в социальной системе, которые могут быть названы ранговыми знаками. Эти знаки выполняют определенную функцию: обозначают социальный статус индивидуума или определенной социальной группы, являются различительными знаками.

Геральдика – это невербальная система знаков, которые сохраняют информацию и передают ее. Таким образом, геральдику можно назвать языком. Этот язык имеет свою грамматику, морфологию и синтаксис, имеет свои диалекты. Так же, как европейские языки отличаются от японского языка, так и европейская геральдика отличается от японской. Как немецкий язык отличается от английского, французского, русского, так и немецкая геральдика отличается от английской, французской, русской. И эти различия не дают основания говорить, что в одних частях Европы и ближнего Востока геральдика есть, а в других этот феномен отсутствует.

Как и у любого другого знака, у геральдического знака к его различительной функции обязательно добавляется и такая вторичная функция, как обозначение собственности. Знаком собственности может стать лишь знак, который уже обозначает собственника, а не наоборот².

Исходя из вышеизложенного, причины «геральдизации» аристократического сообщества Российского государства в XVII в. можно условно разделить на три основные группы: административно-политические, правовые и идеологические. Этот тезис косвенно подтверждает В. И. Лавренов, отмечая, что эмблемы и гербы «...представляют либо национально-государственную идею,

¹ Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. М., 1947. Вып. XVII. С. 49–57.

² Вилинбахов Г.В. Понятие геральдики // Очерки по философии и культуре. СПб., 2001. С. 14.

либо определяют правовой статус территории (города), либо фиксируют лицо (род) в системе социальной иерархии»³.

К **административно-политическим предпосылкам** можно отнести результаты длительного преобразования российского общества, проводимого Великими Князьями династии Рюриковичей в XV- XVI вв., и, продолженного представителями династии Романовых – Михаилом Фёдоровичем, Алексеем Михайловичем и Фёдором Алексеевичем.

Динамику данных преобразований описал в своих лекциях А. А. Зимин. По мнению историка, огромное значение для формирования единого государства, создававшегося в Северо-Восточной Руси, имело то, что по своему этническому составу государство Рюриковичей было многонациональным. Наряду с русским народом в него вошли некоторые народы Среднего Поволжья (мордва), а после присоединения Новгорода карелы, коми и другие народы Севера. Несмотря на то, что первоначально нерусские народы не составляли в количественном отношении значительной части населения государства, традиции совместной жизни разных народов в рамках одной государственности оказали заметное влияние на дальнейшее развитие России, и, в частности, на ее взаимоотношения с народами Поволжья. Например, присоединение Казанского ханства было бы для московских князей намного более сложной проблемой, если бы в Казанском ханстве не сформировалась к концу XV века сильная группировка феодальной знати, ориентировавшаяся на Москву. Первым признаком вхождения всего Среднего и Нижнего Поволжья в состав Московского государства стало временное присоединение Казани к последнему в 1487 году⁴.

По мнению А. А. Зимина особое место в системе феодальных образований в России на рубеже XV–XVI вв. занимало вассальное Касимовское княжество. Правительство оказывало татарским

³ Лавренов В. И. Российский государственный орёл: история эмблемы и символа // Гербовед. СПб., 1992. № 2. С. 11–12.

⁴ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 233–234.

царевичам на русской службе прямую финансовую поддержку. В свою очередь царевичи со своей конницей обязаны были нести военную службу русскому государю. Связанные родственными связями с крымскими и казанскими ханами, они представляли собой важный козырь для русского правительства как в сложной дипломатической игре, так порой и в прямых вооруженных столкновениях с Казанью, Крымом и Большой Ордой. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати в России было настолько высоким, что даже в середине XVII в. они считались «честью... бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят»⁵.

Мы уже упоминали о данном феномене, говоря о социальном составе служилой аристократии Московского государства, однако в данный момент мы рассматриваем его, как часть планомерной политики Рюриковичей – Романовых. Можно предположить, что московские великие князья, а позже – цари систематически опирались на национальную служилую аристократию в ходе борьбы с удельным княжеским землевладением и вотчинной аристократией. Так, например, описывает результаты этой борьбы Л. М. Савёлов: «Курьёзный случай в этом же роде был с одним из князей Крапоткиных (Кропоткиных), который забыл своё происхождение от Рюрика и, подавая в конце XVII ст. свою родословную в разрядный приказ, показал свой род выезжим из Орды; по видимому необходимость происходить от иноземного выходца была настолько сильна, что предпочиталось происходить от татарина, чем от русского князя»⁶.

Подтверждение справедливости этого утверждения мы находим в работе Г. К. Котошихина: «В Государеве родословце середины XVI в. татарские царевичи помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома»⁷. Необходимо,

⁵ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 233–234.

⁶ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 83.

⁷ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 27.

однако, отметить, что Г. К. Котошихин при написании своей работы руководствовался «заказом» шведских политических кругов, а Л. М. Савёлов в своих сочинениях придерживается подчас радикально славянофильских взглядов, ставя в вину московским государям их борьбу с удельным землевладением, прямо называя её «закрепощением боярских и княжеских родов»: «В XVI ст. уже совершенно окончилось существование уделов; бывшие удельные князья переходили на службу в. к. Московского и вошли в состав придворной аристократии и слились с боярством. Среди московского боярства XVI ст. мы находим князей Ростовских, Суздальских, Микулинских, Мстиславских, Бельских, Воротынских, Мезецких, Стародубских и др. Удел был в тот момент заменён вотчиной, при чём в некоторых исключительных случаях вотчинники сохраняли за собою некоторые державные права. Но и это было скоро отнято, права утрачивались и потомство Рюрика сливалось со служилым классом, не отличаясь от него ни материальными ни служебными преимуществами, нередко даже уступая и в том и в другом⁸.

Неудивительно, что при своей предвзятой позиции Л. М. Савёлов безапелляционно заявляет, что: «временем завершения устроинства служилого класса надо признать XVI столетие, когда совершилось окончательное ограничение прав высших слоёв – боярства лишённого с того времени права отъезда и окончательно осевшего на местах; в это же время начинается земельное устроительство низших слоёв служилого класса, придворная служба которых у государя – вотчинника превратилась в военную службу государству, причём они были испомещены на землях, которые являлись тяглыми по отношению к государству и должны были нести извечную службу государству...»⁹.

Признавая данную точку зрения имеющей право на существование, мы всё-таки вынуждены констатировать, что согласиться с тезисом о завершении формирования служилого сословия,

⁸ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 82.

⁹ Там же. С. 84.

как устоявшегося социального слоя в XVI веке, достаточно сложно. Следует отметить, что, несмотря на стремление монархов Московского государства сформировать монолитный слой служилой аристократии, к концу XVII века сохранились многие из пережитков эпохи феодальной раздробленности.

Если мы рассмотрим структуру Великого княжества Московского времён Ивана III и сравним её с системой, существовавшей при государе Алексее Михайловиче, то заметим, что, несмотря на несомненные успехи московских государей, наблюдается сохранение ряда институтов. Например, система высшей государственной власти при Иване III выглядела следующим образом: «Центральную власть в стране осуществляли великий князь, Боярская дума, дворцовые учреждения и дьяческий аппарат. Великий князь издавал распоряжения законодательного характера (Судебник, уставные и указные грамоты и т. п.). Ему принадлежало право назначения на высшие государственные должности. Великокняжеский суд был высшей судебной инстанцией. Наиболее значительные военные предприятия возглавлялись великим князем»¹⁰.

К концу XVII в. влияние боярства так и не было преодолено. Казалось бы, динамика расширения территории как государства, так и государственного (дворцового) землевладения, предрасполагает монарха к реформам. С. А. Шумаков, уже говоря о времени Ивана III и Василия III, отмечает: «По мере создания единого государства и присоединения новых земель объем великокняжеского хозяйства и размеры великокняжеских земель настолько расширилась, что потребовалось создать в Москве централизованный аппарат управления этими землями. Он был необходим еще и потому, что во второй половине XV в. происходило постепенное размежевание между «черными» (государственными) землями и «дворцовыми», обслуживавшими специфические нужды великокняжеского двора»¹¹.

¹⁰ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 241.

¹¹ Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. Пг., 1917. С. 498.

Однако, П. А. Садиков в своей работе, подтверждая тезис Шумакова, добавляет немаловажный нюанс: «Управление первыми осуществляли наместники и волостели под контролем Боярской думы, управлять последними было поручено дворецким. Дворецкие ведали судом на дворцовых территориях, обменом и межеванием великокняжеских земель, давали земли на оброк. Вместе с тем дворецкие активно участвовали в решении важнейших общегосударственных дел. В их распоряжении находился штат дьяков, постепенно специализировавшийся на выполнении различных государственных служб. Наряду с казначеями дворецкие осуществляли контроль над деятельностью кормленщиков»¹².

Следовательно, уже в XV веке наблюдается размежевание аристократии не только по чину и древности рода, но и по вновь появляющимся службам. Учитывая же, что при назначении в Боярскую думу великий князь вплоть до начала 80-х годов XVII века должен был считаться с традицией, согласно которой в Думе должны быть представлены знатнейшие семьи по принципу старшинства, то становится понятна необходимость формирования более «беспристрастной» системы, позволяющей назначать человека на какую-либо службу, руководствуясь не столько его родовитостью, сколько деловыми качествами. Рост государственного аппарата (количества «не предусмотренных старинными обычаями» должностей) в свою очередь в значительной мере усложнял систему административных назначений.

Безусловно, можно предположить, что в отдельных случаях к XVI столетию государь всея Руси мог себе позволить при назначении человека на административную должность пренебречь старинными обычаями. Об отдельных подобных случаях говорит и А. А. Зимин: «...так как очередность «кандидатов» в Думу не была установлена, то великий князь мог назначить представителя той или иной фамилии раньше, чем другой»¹³. Однако как отме-

¹² Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 215–216.

¹³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 244.

чает А. А. Зимин, это ещё больше запутывало систему «родовых» и «служебных» привилегий. Местнический счет на поздних этапах формирования единого Русского государства вокруг Москвы определялся службами предков, а не родовитостью, «поскольку установить большую или меньшую родовитость одной нетитулованной боярской семьи сравнительно с другой было просто невозможно»¹⁴.

В последнем утверждении содержится немаловажная оговорка. Само понятие «нетитулованной боярской семьи» не могло появиться на пустом месте. Вспомним, что «детьми боярскими» в отечественной историографии зачастую называются как служилая аристократия, так и лица, занимающие административные должности в княжеском (позднее – великокняжеском) аппарате управления, дослужившиеся до данных должностей, благодаря своим личным качествам.

Судя по дошедшим до нас письменным источникам, боярство занимало командные позиции в вооруженных силах страны и в административном аппарате. Бояре возглавляли полки в походах, судили поземельные споры, причем некоторые выступали в качестве судей высшей инстанции. Служили бояре и наместниками в крупнейших городах. Они же возглавляли комиссии, которые вели важнейшие дипломатические переговоры. В наиболее ответственные дипломатические миссии также посылались члены Боярской думы.

Однако тот же Зимин утверждает, что термин «бояре» имел узкое и широкое значение. В широком смысле боярами часто называли тех представителей знати, которые исполняли боярские функции: судебные («с боярским судом»), дипломатические и др. Боярами иногда назывались дворецкие, казначеи и даже дьяки. Боярство было высшей прослойкой Государева двора и играло крупную роль в политической жизни страны. Двор состоял из двух частей: «княжат» и «детей боярских». Он давал кадры военачальников и администраторов более низкого ранга, чем адми-

¹⁴ Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. М., 1970. С. 109–118.

нистраторы – бояре. Двор был основной опорой великокняжеской власти¹⁵.

Таким образом, можно предположить, что боярский статус к концу XVII века в значительной мере претерпевает изменения. Благодаря длительной и планомерной политике Московских князей термин «боярин» перестаёт означать исключительно родового (столбового) аристократа – вотчинника. Это становится ещё более очевидным, если подробно рассмотреть структуру великокняжеского двора.

Рассмотрим, например, уже упоминавшуюся выше должность дворецкого и ставшую легендарной в художественной литературе, должность конюшего.

Функции дворецких были разнообразными: они скрепляли своей подписью и жалованные грамоты. Их суд часто был высшей инстанцией, принимавшей «доклад» судей по различным делам в спорных случаях. Первым дворецким, известным по достоверным источникам, был Иван Борисович Тучко-Морозов (1467–1475 гг.). Около 1475 года он оставил должность, а в начале 80-х годов попал в опалу. Вероятно, сразу же вслед за ним дворецким стал князь Петр Васильевич Великий Шестунов (прямые данные о нем, как дворецком, относятся к 1489/90–1506 гг.)¹⁶.

Конюшим (возможно, еще в 70-е годы XVI в.) был брат Морозова – Василий Борисович Тучко. О функциях конюших сведений мало. Позднее дворецкий считался «под конюшим первый», а кто «бывает конюшим, и тот первой боярин чином и честью», – писал в XVII в. Г. К. Котошихин¹⁷. Н. Е. Носов считает, что «через ведомство конюшего великокняжеская власть первоначально

¹⁵ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 244–245.

¹⁶ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 81.

¹⁷ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 81, 88.

осуществляла общий контроль за формированием и материальным обеспечением дворянского поместного ополчения»¹⁸.

Подкрепить эту догадку достаточной аргументацией пока не представляется возможным, но причастность конюшего к дворянской коннице весьма вероятна.

Прямо говорит о формировании дворцовой администрации из представителей среды служилой аристократии и С. М. Каштанов. Дворцовые должности находились в руках не у княжеско-боярской знати, входившей в состав Боярской думы, а, как правило, у нетитулованных представителей старомосковских родов, издавна связанных с великокняжеской властью¹⁹.

Зимин же, в свою очередь, приводит пример, когда одну из важнейших государственных должностей в Великом Княжестве Московском занимают иностранцы: «По мере расширения территории государства перед великокняжеской канцелярией (Казной) вставали новые задачи, и постепенно функции казначея стали выделяться в особую должность. Казначейми назначались приближенные великого князя, хорошо знавшие как финансовые, так и внешнеполитические дела. Именно они и осуществляли практическое руководство дипломатией. Первыми казначеями стали Ховрины, потомки греков, вышедших из Сурожа, и Траханиоты, греки, прибывшие в свите Софьи Палеолог. Так, казначеем с осени 1491 по конец 1509 года был Дмитрий Владимирович Ховрин»²⁰.

Помощником казначея уже в XV в. становится печатник, ведавший государственной печатью. Он прикладывал печать к правым грамотам, приставным и другим. Первые конкретные сведения о печатниках относятся к началу XVI в. В качестве первого печатника А. Зимин называет Юрия Малого Дмитриевича Траханиота²¹.

¹⁸ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. Л., 1957. С. 68.

¹⁹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 43.

²⁰ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 247.

²¹ Там же. С. 248.

Одним из наиболее приближенных к государю лиц был постельничий, который распоряжался его «постелью» и, может быть, его личной канцелярией²². Г. К. Котошихин писал, что «постельничего чин таков: ведает его царскою постелью. А честью постельничей против околничего».

Следующими на иерархической лестнице дворцовых чинов находились ясельничие и ловчие. Судя по всему, эти должности не считались достойными высших родов аристократии, поэтому их, как правило, занимали представители служилого сословия, подчас не являющиеся даже «детьми боярскими», но в зависимости от личных качеств эти люди могли занимать видное положение при великокняжеском дворе. В конце XV – начале XVI веков, в годы, когда известны постельничие, ни ловчие, ни сокольничие не упоминаются. Возможно, лицо, исполнявшее функции постельничего, совмещало их с выполнением обязанностей ловчего.

Среди сокольничих, ведавших соколиной охотой, крупной политической фигурой был Михаил Степанович Кляпик (упоминается как сокольничий в 1503 году) – лицо, приближенное к княжичу Василию III. Сокольничие, ловчие, ясельничие и постельничие все время находились при особе великого князя и оказывали влияние на текущую политику²³. О кравчих, подносивших великому князю чашу с напитками во время празднеств, данные за изучаемый период отсутствуют²⁴.

Остановимся на предположении, что великокняжеские дворецкие, конюшие и другие должностные лица в большинстве своём происходили из среды нетитулованного боярства, с давних пор связанного с Москвой. Весьма вероятно, что при назначении на эту должность играли большую роль и такие обстоятельства, как служба при великокняжеском дворе, родственные связи с придворным окружением и др. Однако это указывает на сложив-

²² Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Учен. зап. МГУ. М., 1954. Вып. 167. С. 38–39, 46.

²³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 247.

²⁴ Любич-Романович В. И. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 30–31.

шуюся к XVII веку систему «тройных стандартов». Судя по источникам, московские государи к XVII веку имели возможность вести политику, попеременно опираясь на три взаимосоперничающие аристократические группировки: *удельно-княжескую* (в которую можно включить национальную аристократию, потомков русских удельных князей и потомков Рюрика и Гедимины), *вотчинно-боярскую* и *служило-аристократическую* (в которую можно включить «детей боярских», нетитулованную знать присоединяемых территорий, выезжих из-за границы и пр.)

Дворцовые должности, судя по всему, были не только пожизненными, но и в силу патриархальных традиций часто сохранялись в пределах одной фамилии (у Морозовых и Сорокоумовых-Глебовых). Учитывая неполноту доступной нам в данный момент источниковой базы, невозможно с точностью датировать создание той или иной должности. Некоторые из них (сокольничие, ловчие, конюшие и др.) и их «пути» упоминаются в докончании детей Ивана Калиты (середина XIV в.), а в середине XV в. (до 1462 года) упоминается «чашнич путь». Есть также сведения о «стольничем пути»²⁵. Однако, Л. М. Савёлов не без основания отмечает отсутствие в тот момент сложившейся культуры частных архивов, которые могли бы пролить свет на структуру российского общества XVII в.

Помимо перечисленных выше групп аристократии необходимо учитывать и такие аристократические группы, как духовенство и чиновничество (дьячество), также игравшие немаловажную роль в придворной иерархии.

Распределение функций в дьяческой среде имеет место уже в конце XV – начале XVI вв. Из 70 дьяков 23 служили в Рязанском и удельных княжествах²⁶. Об остальных известно, что один был конюшенным, один – земским, два – дворцовыми и 10 – ямскими дьяками. Удельные дьяки, при ликвидации уделов, как правило,

²⁵ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 248.

²⁶ В том числе известно 7 рязанских дьяков, 3 – вел. кн. Марии, 3 – кн. Андрея Углицкого, 3 – кн. Михаила Белозерского, 2 – кн. Андрея Вологодского, 1 – псковский, 2 – волоцких, 2 – дмитровских.

не входили в состав великокняжеского дьяческого аппарата. В Хронографе под 1498 годом перечислено 14 великокняжеских дьяков. Эти данные ряд исследователей (Зимин, Носов, Гурлянд и другие), если не учитывать ямских и городских дьяков, считают правдоподобными.

С 60-х годов XV века начала функционировать ямская гоньба как общегосударственная служба. Натуральная ямская повинность уже к началу XVI века постепенно заменялась денежным платежом. Ямские дьяки ведали также составлением полных грамот на холопов²⁷.

Ещё более усложнилась структура дьячества, как государственных чиновников и представителей власти, с формированием системы приказов. Зачастую дьякам приходилось выполнять функции, «достойные» боярина (вспомним историю дьяка Выродкова). По Н. Е. Носову, приказы, как определенные правительственные учреждения, зародились в недрах княжеского дворца²⁸. Эта версия подтверждала бы наш тезис о планомерной политике правителей, противопоставляющих влиянию боярской и удельно-княжеской аристократии влияние новых и новых социальных групп, создание которых диктовалось административной целесообразностью. Однако до сегодняшнего дня остаётся нерешённым вопрос об отношении дворца к Казне.

В источниках конца XV – начала XVI в. заметно отделение «дворцовых» дьяков от остальных, т. е. великокняжеских, входивших в состав Казны. Формулировка Носова фактически не предусматривает разницу между дворцом и Казной, и не учитывает роли Боярской думы в формировании приказной системы. С этой точки зрения нам приходится признать правоту Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимина и В. О. Ключевского, отмечавших, что система приказов создавалась за счет ограничения, а не расширения компетенции дворцовых ведомств. При этом дворцовые и тем

²⁷ Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 44–50.

²⁸ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. Л., 1957. С. 68.

более ямские дьяки считались рангом ниже великокняжеских (казенных), хотя они часто и выполняли сходные поручения²⁹. Один и тот же дьяк в свою очередь мог исполнять всевозможные функции: участвовать в дипломатических приемах, скреплять своей подписью грамоты и т. п. Приобретенный дьяками опыт практической работы давал правительству возможность использовать их преимущественно в какой-либо конкретной области. Скорее всего, с увеличением численности дьяков росла постепенно и степень их специализации.

Немаловажным фактором дестабилизации системы взаимоотношений служилой и вотчинной аристократии являлось православное духовенство. Л. М. Савёлов высоко оценивал личные и деловые качества этого слоя аристократии, называя монастыри рассадником просвещения. По мнению историка, в монастыри стекались наиболее культурные люди в стране³⁰. Дело в том, что принятие сана было ещё одним путём, разрушавшим иерархические «рамки», установленные законами родового старшинства и «должностной иерархии» для лиц, относящихся к слою служилой аристократии. Более того, по мнению Л. М. Савёлова, именно этот слой аристократии в значительной мере более иных склонен был к систематизации исторических данных и упорядочению административной системы на принципах личных достоинств, а не изначально заданных «обычаями» возможностей.

Однако отечественный генеалог, на наш взгляд, чрезмерно оценивает степень отстранённости представителей духовенства от политической и социально-экономической жизни страны: «Уход более развитых и начитанных лиц из мира сделал то, что мы почти не имеем фамильных собраний, т. к. оставшиеся члены семьи в большинстве случаев мало или совсем не интересовались письменностью, а ушедших привлекал уже совершенно другой – ду-

²⁹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 253.

³⁰ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 13.

ховный мир»³¹. Учитывая, что сам же Л. М. Савёлов признаёт, что среди иерархов русской православной церкви можно найти немало общественно-политических деятелей, оказавших заметное влияние на формирование Московского государства, следует признать спорным мнение историка об отстранённости представителей русской аристократии от мирских дел после рукоположения.

Исходя из вышеперечисленного, можно гипотетически сформулировать основные административно-политические причины, предрасположившие общество Московского государства XVII в. к принятию европейской статусно-идентификационной геральдической системы.

Первой предпосылкой стала потребность для представителей высшей феодально-вотчинной аристократии закрепить свой общественный статус на фоне процесса усложнения социальной структуры как внутри сословия феодальной и служилой аристократии, так и всего общества Московского государства.

Следует также отметить необходимость для представителей высшей феодально-вотчинной аристократии в юридическом закреплении их социального статуса, как на общегосударственном, так и на международном уровне.

В-третьих, к описываемому периоду для представителей формирующейся служилой аристократии назрела необходимость юридически закрепить свой статус, не базируя его на переменных факторах (получение должностей, земельные владения, подданство)

Необходимость юридического закрепления статуса служилой аристократии Московского государства сформировалась не только внутри социума московского великого княжества, но и на международном уровне. Это было необходимо для возможности выполнения ряда служебных функций, связанных с военной, дипломатической деятельностью, а также – возможностью бытовых и личных контактов с представителями зарубежной аристократии в рамках развивающейся активной экспансии Московского государства.

³¹ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 14–15.

Потребность для высшей государственной администрации (правящей фамилии) систематизации статуса подданных была необходима для упрощения функционирования государственных учреждений и облегчения осуществления функций государственного аппарата.

Высшая государственная администрация (правящая фамилия) в XVII веке была заинтересована в приобретении механизма влияния, позволяющего ей оказывать влияние на формирование сословия подчинённой ей служилой аристократии, и перспективного перевода феодально-вотчинной аристократии в статус служилой без идеологических потерь со своей стороны.

Однако, вышеперечисленные предпосылки составляют лишь часть общей картины. Г. В. Вилинбахов достаточно чётко формулирует концепцию легитимности геральдической символики: «Геральдический знак создавался и создается, прежде всего, как различительный знак, долженствующий помочь различить одного индивидуума от другого, одну социальную группу от другой, указать на права, которыми они наделены. Правовой аспект геральдических знаков чрезвычайно важен. Без права геральдический знак является лишь более или менее красивой картинкой»³².

Не менее категорично выражает эту мысль и В. К. Лукомский: «Под гербом, в более широком толковании этого слова, разумеют всякое графическое изображение, так или иначе символизирующее отдельную территорию, страну или поселение, юридическую организацию, целый род или отдельное лицо, как члена его, а также и собственность, принадлежавшую названным субъектам владения. При таком понимании слова «герб» многие историки склонны видеть прототипы гербов во всякого рода отличительных знаках, появляющихся на заре человеческой культуры и имеющих отчасти культовое, отчасти правовое имущественное значение: тотемах, тамгах и т.д.»³³.

³² Вилинбахов Г. В. Понятие геральдики //Очерки по философии и культуре. СПб., 2001. С.14.

³³ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. М., 1939. № 1 / 49. С. 46.

Именно поэтому без создания соответствующей правовой базы введение и принятие обществом геральдики как статусно-идентификационной системы было бы невозможно. Именно поэтому нельзя не рассмотреть правовые предпосылки её становления в Московском государстве.

Правовые предпосылки формирования единой статусно-идентификационной системы являются прямым следствием введения ряда правовых норм, которое было осуществлено московскими самодержцами. Последним из этих мероприятий можно считать введение такого документа, как «Соборное Уложение» 1649 года, заложившего основу социальной структуры, на базе которой смогли провести свои реформы сыновья Алексея Михайловича Фёдор Алексеевич и Пётр I Алексеевич.

Накануне реформ, начатых Иваном III, статус служилых князей считался намного ниже, чем статус удельных, о чём свидетельствуют «докончания» Ивана III с удельными братьями, сохранившие их обязательство не принимать «служебных князей» с вотчинами. Служилая аристократия, как и следовало ожидать, в то время не составляла единой сплоченной корпорации³⁴.

Изначально владение служилых князей рассматривалось правительством не как самостоятельное княжение, а как вотчина (безотносительно к тому, получил ли слуга ее от великого князя или она перешла к нему от предков). Права и обязанности служилого князя хорошо определяются по докончанию 1459 года Новосильского и Одоевского князя Ивана Юрьевича и его братаничей Федора и Василия Михайловичей с великим князем литовским Казимиром. Служилые аристократы обязывались верно служить Казимиру, его детям и вообще тем, кто будет в дальнейшем великим князем литовским; обещались быть «в воле» литовского князя, и, в частности, быть союзниками в его борьбе с врагами. Отныне без его дозволения «княжата» не могли вступать в договорные отношения с кем-либо. Сам же Казимир обязывался не вступать в новосильские и одоевские земли. Суд по спорным вопросам должен

³⁴ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 240.

быть совместным – литовского князя и княжат-слуг. В условиях dokonчания 1459 года было много черт, близких к договорам русского государя с удельными родичами. Иван III выступал от имени служилых в важнейших международных договорах (в частности, в договоре с Литовским княжеством 1494 года). Служилые князья, как и удельные, участвовали со своими войсками в военных действиях Ивана III (в том числе и в русско-литовской войне начала XVI в.). Земли княжат-слуг не должны были выходить из-под великокняжеского суверенитета (даже если у княжат не будет «отрода», т. е. при выморочности владений)³⁵.

Однако С. Веселовский в своих работах отмечает наметившиеся ещё во время правления Ивана III Великого изменения в правовом статусе служилой аристократии. В первое время он, как и следовало ожидать, целиком и полностью зависел от личного фактора – политики, проводимый данным конкретным Великим князем.

В конце XV века в связи с созданием единого государства управление великокняжеским хозяйством все более стало обособляться от общегосударственного управления, занимая по сравнению с ним менее значительное место. Вместе с тем, если ранее дворцовым хозяйством могли ведать лица из дворцовой челяди великого князя, то теперь оно возглавлялось представителями старомосковского боярства, преданного интересам великокняжеской власти, или выходцами из растущего дворянства.

Великие князья использовали дворцовый аппарат в борьбе с феодальной знатью. Наиболее преданные великокняжеской власти представители господствующего класса назначались, прежде всего, на дворцовые должности. Только смерть, опала или включение в состав Боярской думы могли лишить звания конюшого, дворецкого и т. п. представителя высшей дворцовой администрации. Если казна и дворец давали основные кадры аппарата складывавшейся приказной системы, то боярская дума была той средой, из которой выходили руководящие лица важнейших из центральных ве-

³⁵ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 239–240.

домств. Боярские комиссии образовывались по мере надобности для ведения внешнеполитических переговоров, суда по земельным и «разбойным» делам и т. п. Источниками зарождавшейся приказной системы были боярская дума, казна и дворец.

Кормленщики происходили как из среды феодальной аристократии, так и из рядовой массы служилых людей. В крупнейших городах наместничества получали представители знати. Порядок раздачи городов в кормления в общем напоминал раздачу в уделы: более знатные лица получали более крупные города. При этом иногда в порядке получения кормлений отражались традиции удельной поры. Сроки кормлений были поначалу неопределенными, возможно пожизненными. Во всяком случае, в Москве наместничали пожизненно, причем Гедиминовичи – с 20-х годов XV века по 20-е годы XVI века. В XV веке складывался принцип кормления «по годом», то есть кормление давалось на год и «перепускалось» еще на полгода или год³⁶. Василий III, по словам С. фон Герберштейна, раздавал кормления «по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого в особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром». Впрочем, знать могла пребывать в наместниках и сравнительно долгое время³⁷.

После реформ Ивана IV Грозного, введения такого инструмента государственной политики, как опричнина, мы можем говорить о признаках появления корпоративности среди служилой аристократии. Об этом говорят исследования П. А. Садикова и Р. Г. Скрынникова.

Окончательно определило правовой статус вотчинной и служилой аристократии подписание «лутчими людьми» такого документа, как «Соборное уложение» 1649 года.

³⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 240.

³⁷ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 263–280.

«Соборное уложение» имеет достаточно сложную структуру: оно делится на главы, каждая из которых состоит из ряда отдельных статей, рассматривающих конкретные вопросы. Каждая статья в свою очередь разделяется на пункты. Сведения, содержащиеся в «Уложении», дают возможность оценить те правовые шаги, которые были предприняты администрацией Алексея Михайловича для унификации социального положения аристократии, невзирая на её происхождение, родовой послужной список, а также – занимаемую должность.

В седьмой главе «Уложения», повествующей «О службе всяких ратных людей Московского государства», можно увидеть новую для русского права основу финансирования войска во время военного похода: «а будет которыми мерами с которым государством у Московского государства война зачнется, или в которое время изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу, и укажет послати на них своих государевых бояр и воевод, а с ними всяких чинов ратных людей, и для тоя службы велит государь своим государевым ратным людем всего Московского государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратным людем денги збирати со всего Московского государства, а побор положить смотря по службе»³⁸.

Вместо «кормления» за счёт данного служилым людем за службу поместья или собственной вотчины, государь вводит «европейскую» систему денежного жалования за службу. Таким образом, Алексей Михайлович на время похода фактически уравнивает в статусе ратных людей *всяких чинов*, ставя их в одно положение – служащих за жалование.

Вместе с тем, можно предположить, что данная статья направлена на завышение статуса «служилых людей» перед теми, кто не служит Великому Князю и Царю вне зависимости от их социального происхождения и общественного статуса. Более того, в 4-м пункте этой статьи прямо проводится аналогия между всеми «не служащими» людьми в пользу «людей ратных», при-

³⁸ См.: Тихомиров М.Н. Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 82.

чём это выражается в отношении к имуществу «мирных обывателей»: «А в которое время у всяких помещиков и вотчинников луги будут незаперты, и в то время ратным людем, идучи на государеву службу, на лугах ставитися у всяких людей беспенно. А в которое время луги будут заперты, и им ставитися и на запертых лугах от дороги на одну сторону поперег в пять сажен беспенно же, а далее пяти сажен от дороги в тех запертых лугах не ставитися, и травы не толочити, а лошадьми не травити. А луги всяким людем запираити с Троицына дни»³⁹.

Нужно признать, что ограничительная иммунитетная политика, под знаком которой осуществлялись все важнейшие финансово-судебные мероприятия, имела место и в мероприятиях Ивана III конца XV века, не говоря уже о политике Ивана IV⁴⁰. Однако столь жёстко ломать устоявшиеся социальные стереотипы смог себе позволить только Алексей Михайлович.

Целая серия глав «Уложения» говорит о том, что в плане наказания за проступки Алексей Михайлович не делит аристократию на какие-либо отдельные категории. Более того, это «неделение» он возводит в ранг закона. Так, например, в восьмой статье седьмой главы Уложения прямо говорится: «А которые государевы ратные всяких чинов люди будут нагосудареву службе в полках, и государева служба им по розбору служити мощно, а они не дождався отпуску з государевы службы зьбегут, и им за побег чинити указ, кто збежит в первые, и его бити кнутом, а будет тот же збежит в другие, и его бити кнутом же, да поместнаго окладу у него убавити пятьдесят четвертей, да денег с поместного его окладу со ста четвертей по рублю, а будет он же збежит в третье, и его бити кнутом же, да у него же отнятии поместье и отдати в роздачу»⁴¹.

³⁹ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 83.

⁴⁰ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 263.

⁴¹ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 83.

Десятая глава «Уложения» отдельно оговаривает ограничение власти командного состава в сфере формирования и расформирования войска. Более того, «Уложение» вводит прямой запрет на освобождение от воинской службы за вознаграждение: « Да и бояром и воеводам без государева указу ратных людей з государевы службы не ропущати, и посулов и поминков не имати»⁴².

Вместе с тем, в этой же статье встречаются упоминания, позволяющие нам предположить, что в середине XVII века статус служилой аристократии на своей земле (причём, как на вотчинной, так и на доставшейся им за службу в качестве поместья) существенно не отличался от статуса земельной боярской аристократии.

Тем не менее, 13-я статья Уложения вводит в правовую систему ряд условий, при которых человек может быть освобождён от службы: «А будет которые ратные люди на государеве службе учнут бити челом бояром и воеводам о отпуске з государевы службы, своим домовным разорением, или людским побегом, или иным каким самым нужным делом, и бояром, и воеводам про тех ратных людей сыскивати в полках дворяны и детьми боярскими, и всяких чинов служилыми людьми, и имати про них у служилых людей допросные речи за их руками, и по сыску ратных людей з государевы службы отпущати на время для самых нужных дел»⁴³. Как следует из текста статьи Уложения, с этого момента существует единый для всех служилых людей без исключения порядок выяснения степени необходимости прерывания военной службы. Эта процедура также «уравнивает» представителей служилого сословия перед законом и его персонифицированным воплощением – монархом.

Можно предположить, что «Соборное Уложение» 1649 года во многом завершало дело разрушения структуры статусно-идентификационной системы, базирующейся на «плавающем статусе» удельных землевладельцев с правом передачи статуса по

⁴² См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 84.

⁴³ Там же. С. 84–85.

линии правящей фамилии. Разрушение данной системы было необходимо для создания условий, позволивших «естественным» образом ввести в употребление в среде русской аристократии статусно-идентификационную систему, базирующуюся на постоянном родовом статусе, юридически закреплённом через механизм геральдико-генеалогической знаковой системы.

По аналогии в этом можно усмотреть различие, идентичное различию между геральдикой и эмблематикой, которого не делали в то время ни родовитые бояре, ни вновь образованное дворянство. Эти границы в точности не определены до сих пор. Примечательно, что свидетельства этой «неопределённости» мы наблюдаем, в том числе, и в отечественной художественной литературе вплоть до середины XIX столетия. Например, Алексей Толстой в своей повести «Упырь», написанном в 1841 году, говорит о геральдических вопросах следующим образом. Героиня произведения Клеопатра Платоновна проводит для молодёжи своеобразный экскурс в геральдику: «...чтобы объяснить многие обстоятельства для вас непонятные, я должна вам объявить, что Дашина бабушка, урождённая Островичева, происходит от древней венгерской фамилии, ныне уже угасшей, но известной в конце пятнадцатого столетия под именем Ostoroviczy. Герб её был: чёрная летучая мышь в красном поле. Говорят, что бароны Ostoroviczy хотели этим означать быстроту своих ночных набегов и готовность проливать кровь своих врагов. Враги эти назывались Tellara и, чтоб показать своё преимущество над прадедами бригадирши, приняли в герб свой филина, величайшего врага летучей мыши. Другие утверждают, что филин этот намекает на происхождение фамилии Tellara от рода Тамерлана, который также имел в гербу своём филина»⁴⁴.

Безусловно, мы не можем рассматривать отрывок из произведения, как источник сведений о геральдике, но можно предположить, что он довольно точно передаёт мировоззрение русской аристократии, которая так до конца и не сумела осознать разли-

⁴⁴ Толстой А. Упырь // Толстой А. Князь Серебряный. Семья вурдалака. Упырь. М., 2007. С. 326.

чия между эмблемой, как личным знаком, соответствующим личности и сохраняющим именно личный статус, и геральдикой, гербом – атрибутом международной статусно-идентификационной системы, в графическом виде отображающим статус и историю рода, а также определяющим место индивидуума – носителя герба в родовой иерархии.

Эту же точку зрения подтверждает в своих работах в начале XX века и Л. Н. Савёлов, с горечью утверждающий, что «до сих пор генеалогия не получила у нас прав гражданства, и никто из учёных не делал даже попытки определить, что такое генеалогия, она совершенно игнорировалась историками; впервые такое определение, кажется, даёт нам пр. Д.А.Корсаков в одной своей брошюре, вышедшей в 1900 году»⁴⁵. Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов также указывали на связь и различие эмблем и гербов, когда писали, что «в глубокой древности складываются первые эмблемы, которые приобретают затем геральдическое значение»⁴⁶.

Однако закрепление принципа родовой службы (что наводит на мысль о признаках системы вассалитета, которую так упорно будет стараться внедрить Павел I Петрович), просматривается уже в тексте «Соборного Уложения». Об этом подробно говорится в статье 17-й Уложения. Более того, в этой статье предусмотрена обязанность замещения выходящего на пенсию или в отставку представителя служилого сословия на одного из его потомков: «А будет которые служилые люди учьнут государю бити челом, что им за старостию, или за увечьем, или за болезнию на государеву службу итти не мочно, и в их бы место велел государь быти на своей государеве службе детем их и братии и племянником и внучатом беспоместным, которые в государеву службу поспели, а государевы службы не служат и ни в какия чины не написаны, и тех челобитчиков на Москве и в городех осматривати. Да будет по осмотру тем служилым людем на государеве службе впрям за ста-

⁴⁵ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С.8.

⁴⁶ Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России // ЖМЮ. М., 1911. № 3. С. 167.

ростию, или за увечьем, или за болезнию быти не мощно, и тем служилым людем в свое место, на государеву службу велети посылати со всею своею службою и с запасы детей своих и братию и племянников и внучат беспоместных, котория в государеву службу поспели, в осьмнатцать лет, а ни какия государевы службы не служат, и не в какия чины не написаны, а менши осминатцати лет никого им на службу в свое место не посылати. А будет у них таких детей и братьей и племянников и внучат не будет, а самим им ни которыми делы на государеве службе за болезнию или за старостию быти не мощно, и у них взяти на государеву службу даточных людей, или денги, смотря по их поместьям и вотчинам и по прожитком»⁴⁷. Как видно, статья «Уложения» достаточно подробно рассматривает возможности частичного и полного пресечения служилой династии. Момент, в котором рассматривается возможность уплаты своеобразных «щитовых денег» или посылка на службу «даточных людей», весьма напоминает аналогичные указы монархов западных держав. Более того, подтверждение этому тезису встречается в статье 23 этой же главы: «а для дров и для всякого лесу, что надобно будет на становое строение, ездити служилым людем в помесные и в вотчинные леса поволно, а явки с них вотчинником и помещиком, чьи те леса, не имати. А в засечные и в и(ы)нныя заповедныя леса им ни почто не ездити, а возити служилым людем дрова и всякой лес на становое строение про себя, а не на продажу»⁴⁸.

Кроме того, прослеживается чёткое определение служилого возраста – восемнадцать лет. В законодательном закреплении возрастного ценза начала государственной службы мы видим очередной шаг к унификации иерархической системы служилого сословия. Безусловно, говорить о том, что этот процесс был завершён в 1649 году, мы не можем. К примеру, «Уложение» при значительном различии людей разных «чинов» при награде жёстко декларирует для всех единую систему наказания, оставляя ря-

⁴⁷ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 84–85.

⁴⁸ Там же. С. 86.

ду лиц значительные привилегии если не «в вине», то «в славе». В частности, 19-я статья Уложения прямо предусматривают общее наказание служилым людям без учёта их происхождения и положения в иерархической лестнице московской служилой аристократии: «А будет которой служилой человек, будучи на государеве службе, з бою збежит к себе домов, а воеводы на него о том отпишут к государю, и у таких за тот побег ис поместных их и из денежных окладов убавити половина, да у них же ис поместей их взяти на государя половину же, да им же за то чинити наказание, бити кнутом нещадно».

Примечательно, что 20-я статья Уложения ещё раз закрепляет запрет на «право отъезда», которое ликвидировал ещё Иван IV: «А будет кто, будучи на государеве службе в полках, учнет измену ис полков переезжати в неприятельския полки, и в неприятельских полках сказывати про вести и про государевых ратных людей, и в том на него кто известит и сыщется про то допряма, и такова переезжика казнити смертию, повесити против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взятии на государя»⁴⁹. Законодательное закрепление самовольного отъезда, как «измены», фактически ликвидирует одну из исторически сложившихся в среде служилой аристократии Московского государства идеологических баз для ведения независимой от монарха политики.

Между тем, в течение XVII в. наибольшим иммунитетом в среде русской аристократии по-прежнему пользовалось боярство. Показательно то, что далеко не все придворные чины давали права на подобный иммунитет. К примеру, характерно назначение наказания за оскорбление представителей духовенства, оговорённое в «Соборном Уложении». Глава 29 Уложения «О суде» гласит: «А будет боярин, или околничей, или думной человек обесчестит архимарита или игумена, или иной иноческой чин, и им за бесчестье по суду или по сыску платить бесчестье против госуда-

⁴⁹ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 85.

рева указу»⁵⁰. Этот нюанс выводит духовенство на особое место в общегосударственной иерархии: оскорбление духовенства приравнивается к оскорблению государя. Однако выделение части аристократии в отдельную категорию указывает, что авторы Уложения и государь Алексей Михайлович ещё не готовы ликвидировать внутреннюю иерархию служилого сословия. Вероятно, именно поэтому в 30-й главе Уложения для других категорий служилого сословия предусматривается другой уровень ответственности за те же правонарушения: «А будет патриарха, или митрополита, или архиепископа, или епископа, или архимарита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческой чин обесчестит словом столник, или стряпчей, или дворянин московской, или гость, или дьяк, или жилец, или дворянин, или сын боярской городской, или иноземец, или дворовой человек, а по суду или по сыску сыщется про то допряма, и им за такое бесчестие чинити указ: за патриарха бити батоги, за митрополита посадить в тюрьму, за архиепископа и епископа в тюрьму же посадить»⁵¹.

В следующей, 31-й статье той же главы «Уложения» оговаривается мера ответственности за оскорбление духовенства лицами, принадлежащими к категории лиц, не входивших в категорию служилой аристократии, но относящихся к служилому сословию, либо имеющих возможность находиться на государственной службе. Однако эта мера ответственности мало отличается от меры ответственности для служилой аристократии: «А будет патриарха, или митрополита, или архиепископа, или епископа, или архимарита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческой чин обесчестит словом гостиной и суконной сотни, или черных сотен и слобод тяглой человек, или стрелец, или казак, или пушкарь, или кто иной, какова чину нибудь, а по суду или по сыску про то сыщется допряма, и им за то чинити указ: за патриарха учинити торговая казнь, да посадить в тюрьму на месяц, за митрополита бити батоги, да в тюрьму посадить на четыре дни,

⁵⁰ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 102.

⁵¹ Там же. С. 102–103.

за архиепископа и епископа бить батоги, да в тюрьму посадить на три дни»⁵².

Авторы текста «Уложения» чётко проводят грань между тремя видами аристократии, вольно или невольно, но рассматривая их в ходе изложения данных статей, стараясь проводить прямые параллели. Боярин (ст.29) по статусу равен окольниковому (предположительно – представителю дворянства) и думному человеку (человеку не столь высокого звания, но облечённому государственным доверием, например – думному дьяку). Зато в статье 30-й мы вновь видим «корпоративный» характер ответственности. Придворные (стольник и стряпчий), дворяне любого города и уровня иерархии (в тексте отдельно указаны и *дворянин московский* и просто *дворянин*), купечество (*гость*), представитель чиновничества (дьяк) равны перед законом. Характерно, что в единую с ними категорию «привилегированного наказания» подпадают такие категории населения, как *иноземец* и *дворовый человек*.

Если статус иноземца по-своему понятен (автор текста явно не собирался разбирать иерархию зарубежных подданных, априори приравнивая их к дворянству), то иерархическое положение «дворового человека» (отнюдь не аналога «дворянина», судя по тексту) вызывает ряд замечаний. Дворовый человек, если судить по тексту «Уложения» по статусу находится выше ремесленника, горожанина, стрельца, казака или пушкаря. С другой стороны, мера личной свободы дворового человека в «Уложении» не оговариваются.

Если предположить, что все «дворовые люди» обладают единым статусом и лично свободны, то подобная система не требует объяснений. Но если предположить, что сознательно игнорируется разница в личном статусе «дворовых людей», присваивая единый статус людям с различной степенью личной свободы, тогда возникает вопрос – зачем это делается. В контексте вышеизложенных особенностей документа, можно предположить, что «дворовые люди» выведены в привилегированную категорию по

⁵² Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 102–103.

принципу системы «вассалитета», пользуясь правами своего сюзерена, в зависимости от которого в той или иной степени они находятся. Следовательно, мы, возможно, снова встречаемся с одной из первых попыток упорядочения иерархии аристократии Московского государства по западному образцу.

Однако, в эту систему не вписывается 94-я статья этой главы, в которой оговаривается особый статус рода Строгановых. Мы уже упоминали эту семью, добившуюся за счёт деятельности её членов, исключительных прав и привилегий. Включение фамилии Строгановых в законодательный акт такого масштаба создаёт серьёзный прецедент для представителей третьего сословия, позволяющий им надеяться на повышение своего родового статуса вследствие верной службы московскому государю. Статья 94-я, оговаривающая исключительные права Строгановых, а также ответственность за оскорбление представителей непривилегированного сословия, составлена по сходному шаблону со статьями 29, 30 и 31, определяющими ответственность за оскорбление представителей духовенства. По своей структуре совокупность указанных статей напоминает своеобразный прототип «Табели о рангах»: «А будет кто обесчестит имянитых людей Строгановых, или гостя, или гостиные и суконные и казенные и черных сотен и слобод и городовых посадских людей, или ямщиков, или дворцовых сел и черных волостей крестьян, или боярских людей, или помещиковых и вотчинниковых крестьян, или гулящих людей, а по суду или по сыску про то сыщется допряма, и им правити за бесчестье Строгановым по сту рублей человеку; гостю по пятидесят рублей человеку; гостиныя сотни большой статьи по дватцати рублей человеку; средней статьи по пятинатцати рублей человеку; меньшей статьи по десяти рублей человеку; суконныя сотни большой статьи по пятинатцати рублей человеку; средней статьи по десяти рублей человеку; меньшей статьи по пяти рублей человеку; казенныя слободы по пяти рублей человеку; черных сотен и слобод и посадским тяглым лутчим людем по семи рублей человеку;...»⁵³.

⁵³ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 108.

Особый статус Строгановых уже не приносит им изначально ни звания, ни чина. Они остаются «лучшими в своём сословии». Тем самым мы получаем ещё одно доказательство того, что «Соборное Уложение» 1649 года можно считать базой для формирования сословной иерархии со строгими законами статусной идентификации.

В то же время, если судить по 16-й главе «Соборного Уложения», повествующей «О поместных землях», становится ясно, что статус поместных земель не гарантирует их владельцу аналогичного статуса, как мы наблюдаем это в Европе. Если в Европе наличие в роду земельного владения, обладающего статусом, позволяло роду претендовать на соответствующий статус в общественной иерархии, то в Уложении оговаривается, что земельный надел и получаемые с него доходы рассматриваются государством лишь как возможность для человека вести образ жизни, адекватный занимаемой человеком должности: «За бояры по двесте четвертей за человеком. За околничими, и за думными дьяки по сту по пятидесят четвертей за человеком. За столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и московских стрельцов за головами, и за степенными, и за путными ключники по сту четвертей за человеком. За дворяны из городов, которые служат по выбору, по семидесят четвертей за человеком. За жильцы, и за стремянными конюхи, и за сотники московских стрельцов по пятидесят четвертей за человеком. За дворовыми людьми, за стряпчими, и за сытники и царицына чину, за детьми боярскими, с поместных их окладов со ста четвертей по десяти четвертей»⁵⁴.

Согласно законодательству эта земля («поместье») не является собственностью представителей служилой аристократии, они имеют право получать с земли доход, но не имеют права ей распоряжаться, что и оговорено в тексте «Уложения»: «А которые помещики всяких чинов похотят межь себя поместья своими меняться, и им о росписке тех своих меновных поместей бити челом государю, и челобитные о том подавати в Поместном приказе, за руками»⁵⁵.

⁵⁴ Там же. С. 179.

⁵⁵ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 179.

Принимая во внимание такое определение поместных норм, можно предположить, что на пути ликвидации удельного землевладения правители великого княжества, а позднее – и царства Московского решили в ходе формирования сословия служилой аристократии пойти путём, существенно отличающимся от западной модели. Вероятно, великие князья и государи Московские сознательно отказались от введения поземельного иерархического статуса при попытке сохранения статусной системы иерархии привилегированного сословия, заимствованной в западных государствах. О целенаправленности такого выбора в рамках «Соборного уложения» говорит и попытка унификации иерархии аристократии Московского государства о некоторых признаках которой, наблюдающейся в тексте «Уложения», говорилось выше. Осознанность отказа подтверждает и активное включение в систему аристократической иерархии Московского государства представителей европейской, кавказской и ордынской знати с сохранением их собственных идентификационных знаков.

С другой стороны, правительство Алексея Михайловича не ведёт активной борьбы с крупными имениями, как таковыми. Более того, судя по ряду статей «Уложения», правительство Алексея Михайловича поощряет создание неделимых майоратов на базе поместного землевладения. Так в статье 57-й «Уложения», в которой определяется размер наследства дворян и детей боярских, специально оговаривается порядок наследования, позволяющий семьям служилой аристократии сохранять родовые поместья – вотчины во владении рода, наделяя второочерёдных наследников за счёт земель из поместий: «А которых дворян и детей боярских не станет, а после их останутся жены да дети сыновья первья жены, и тех умерших жены учнут бити челом государю ис поместей мужей своих на прожиток с мужня окладу, а мужьям их оклады были болшие, а поместные дачи за ними были малые, а вотчин не было, или и были за ними выслуженные или родовые вотчины, да неболшие же, и толко женам их ис поместей их дати на прожиток со окладов болших, и детем их поместья останется малая дача, и с той малой дачи детем их пропитатися будет и государевы службы служити несчего, и после таких

умерших поместья их и вотчины малыя дачи, смешав вместе, разделить женам их и детям всем по жеребьям, поровну, сколько кому достанется, изверьстав живущее и пустое по вытню, по четвертям. А давати на прожиток таким вдовам ис поместей мужей их, а не из вотчин. А вотчины после таких умерших отдавати по жеребьям детям их, а жен их пасынкам, чтобы такая вотчины из роду не выходили»⁵⁶.

Таким образом, мы видим признаки своеобразной двойственной политики правительства Алексея Михайловича. С одной стороны, его политика направлена на формирование аристократии по западному образцу, а с другой, – статус подданного Московского государства напрямую зависит от качества и длительности службы данного индивидуума московскому государю.

Интересно, кстати, что одновременно с укреплением поместных майоратов авторы «Уложения» поощряют распад и делёж вотчин. Характерны в этом смысле установки, дающиеся в 17-й главе «О вотчинах»: «...кого не станет, а после его останется жена безъдетна, да после того же останутся братия родные и двоюродные и род, и те вотчины давати в род того умершаго, кого не станет, братьям родным и двоюродным и в род, кто кому ближе. А женам тех умерших, которые останутся безъдетны, давати им из животов их четверть, да приданое. А до родовых и до выслуженых вотчин им дела нет, опричь купленных вотчин. А которые вотчинники померли, а вотчины их после их, по духовным и по данным их, даны их племянницам и внучатам, и правнучатам девкам, и тем вотчинам бытии за ними по родству»⁵⁷.

Равно поощряется и распад на малые имения купленных вотчинниками земель. Интересно, что «Уложение» предписывает раздел этого вида земельных владений между наследниками согласно жребию: «...А будет после которого умершаго останется купленная вотчина, а родовые и выслуженые вотчины и поместья

⁵⁶ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 193

⁵⁷ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 197.

не останется, да после того же умершаго останется другая, или третья жена, да дети, которых он приживет с первою, или з другою, или с третьею женою, и тем его детем, которых он приживет с первою, или з другою, или с третьею женою, опричь купленья вотчины, поместья дать будет нечего, и купленная вотчина дати жене и детем его всем, розделя по жеребьям, по скольку на жеребей достанется»⁵⁸.

Естественно предположить, что после введения в законную силу «Соборного уложения» 1649 года, единственным стабильным видом родового землевладения в государстве Московском стало жалованное за службу поместье. Причём поместье, согласно «Уложению», обладало двумя интересными особенностями: с одной стороны оно оставалось в роду, пока представители рода служили Московским государям, с другой, – само по себе оно не приносило владельцу гарантированного статуса служилой аристократии. Поместья жильцов, детей боярских, дворовых людей, стрелецкого командного состава и московских дворян обладали, судя по тексту «Уложения» одинаковым статусом!

В подобном случае аристократическое сообщество вынуждено искать новую систему самоидентификации, которая бы компенсировала ему потерю поземельного и родового статуса, произошедшую в процессе унификации системы иерархии служилой аристократии при одновременном обесценивании вотчинного статуса и образовании новых майоратов.

Естественно было бы предположить, что обострившийся интерес к геральдике, как методу самоидентификации, и попытки найти прашуров за рубежом, в том числе, predeterminedены такой линией политики московских Государей.

Идеологическими предпосылками формирования единой статусно-идентификационной системы стало серьёзное изменение статуса Московской державы, произошедшее в XVI – XVII вв. Принятие Иваном IV Грозным царского титула завершило идеологическую революцию начатую Иваном III Великим с приняти-

⁵⁸ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 199.

ем статуса наследования Великим Княжеством Московским статуса Византийской Империи, как мирового конфессионального центра православия. Принятие титула «Царя» со стороны Ивана VI стало серьезной претензией на влияние в Европе.

В период правления Алексея Михайловича происходит окончательное становление Московского государства, как мировой державы. 10 июня 1655 г. из Вильны по направлению к Москве выехало посольство германского императора и австрийского эрцгерцога Фердинанда III во главе с послами Аллегретто де Аллегретт и Иоганном Теодором фон Лорбахом. В Москву австрийские послы прибыли 7 октября 1655 г. и оставались там до осени следующего года. Это посольство нельзя назвать рядовым: кроме официальной цели – поздравления царя Алексея Михайловича с 10-й годовщиной вступления на престол, царские послы должны были обновить «прежнюю их дружбу и любовь» и содействовать заключению мира между Россией и Польшей⁵⁹. Сам статус посредников в переговорах говорит о том, что с Россией начинают считаться представители европейских правящих фамилий.

Более того, герольдмейстер и советник императора Леопольда I, Лаврентий Хурелич (или Курелич), исполнявший в Москве во время этого процесса обязанности дворецкого австрийского посольства, в 1673 году напишет Алексею Михайловичу: «Алексий, государь преславнешний, егда убо прежде седми на десяти лет от сих отдаленных Европии стран повелением августейшего римского цесаря Фердинанта Третияго благочестивыя памяти ко северных стран и потом во славнейший град Москву великих князей столицу прямо егда ваше царское величество ис Польския земли победоноситель возвращен еси пришел есмь и тамо не токмо пресветлейшее лицо ваше, но и толикое сияние двора вашего, толикое всех вещей и богатства преизрядство и толикое благородных бояр вам крайним послушанием и близ божественным угодием служащих множество зрел есмь, абие тогда и душею и очесы ужасен толикого величества славы доволно и обил-

⁵⁹ Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе. М., 1893. С. 238.

но удивляться возмогл есть, яже никогда более украинейших земель государей от мене видена суть, ниже слышана великолепие толь высоко от того времени даже донныне в сердце моем напечатано ста...»⁶⁰.

Именно Л. Хуреличу приписывается авторство такого документа, как «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей». По сути, этот трактат, как считают многие исследователи, положил начало формированию геральдики Московского государства, как системы, опирающейся на генеалогические данные. Однако, М. М. Медведев высказывает обоснованное мнение, что гербовый импорт послужил для России замечательной собственнотой средневекового геральдического опыта. Вплоть до конца XVII века феномен герба оставался в Московском государстве не вполне понятным: местных самобытных аналогов не существовало. Отечественный обладатель герба мог лишь догадываться об истинном юридическом и геральдическом значении гербов и их элементов, таких, как перевязь, мантия или корона⁶¹.

Как уже упоминалось выше, подобные взгляды можно считать излишне оптимистическими: существуют основания предполагать, что отечественная геральдика так и не укоренилась в сознании граждан Российской империи, как часть системы их мировоззрения. Например, Л. М. Савёлов, возможно, излишне категорично заявляет: «К памятникам вещественным принадлежат также и родовые гербы, но в России они не могут иметь никакого значения, так как не составляют продукта народной жизни и привиты нам совершенно искусственно только в XVIII ст. и представляют только неудачный сколок с западного обычая, имевшего своё основание в прошлом»⁶².

Однако, в третьей четверти XVII века появление геральдико-генеалогического труда, посвящённого правящей фамилии, и написанного специалистом высочайшего класса одной из веду-

⁶⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Руб. 2. № 26. Л. 3.

⁶¹ Медведев М. М. Отцы русской геральдики // Родина. М., 1993. № 2. С. 32.

⁶² Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 37.

щих мировых держав явно оказало на общество серьёзное влияние. Хотя нельзя с уверенностью сказать о том, был ли этот трактат для русского общества первым в своём роде.

Как уже упоминалось выше, русская культура второй половины XVII в. отмечена своеобразной «гербоманией», выразившейся главным образом в изобразительном и словесном прославлении государственного герба, который сочетал в себе геральдические образы Москвы и окрестных земель. Следует признать, что изображения герба на знамёнах и прапорах, в рукописных и печатных книгах попали в круг внимания исследователей значительно раньше, чем литературные памятники геральдического характера⁶³.

А. В. Арциховский, изучавший древнерусские областные гербы, имел возможность опереться на ряд опубликованных памятников. Например, таких, как печать Ивана IV Грозного в оттиске под русско-шведскими договорами 1583 и 1584 гг., гербовое знамя Алексея Михайловича 1667 года, миниатюры из «Титулярника» 1672 года, гравюра с рисунка из дневника Иоганна Корба 1698 – 1699 гг. и других⁶⁴.

Рассматривая «память» 1666 года «Об изготовлении в оружейном приказе царского знамени», А. В. Арциховский называл этот документ «драгоценным и единственным в своём роде описанием гербов»⁶⁵. Действительно, «вирши» (описания) конца XVII века на российский государственный герб, обнаружены в неполном списке с описанием 20 областных гербов и опубликованы относительно недавно⁶⁶.

⁶³ Белоброва О. А. Из истории древнерусской геральдической литературы // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 79.

⁶⁴ Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Учён. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 93. С. 43–67.

⁶⁵ Там же. С. 44.

⁶⁶ Nilsson N. A. Russian Heraldic Virsi from the 17 th Century. A Manuscript in the Diocesan and Country Library at Vasteros Sweden. Uppsala, 1964.

Документальные описания гербов (печатей) имели, по-видимому, прикладное назначение и не выходили за пределы деловой письменности.

В отечественной геральдической историографии существует несколько серьезных дискуссионных проблем источниковедческого плана. В их числе – вопрос о том, какой памятник следует считать первым русским гербовником. Иногда в качестве такового называется «Большая государственная книга» 1672 года, известная также как «Титулярник»⁶⁷.

Однако подобная оценка не вполне точна. Во-первых, создание рукописи не было связано с обобщением именно эмблем и гербов; они, наряду с портретами правителей, выполняли только функцию иллюстраций. Во-вторых, сами изображения, символизовавшие русские земли и княжества, нельзя однозначно трактовать как гербы. Они сочетают геральдические (например, наличие щита) и негеральдические (несоблюдение правила сочетания цветов, иконописное изображение фигур и др.) признаки, и их логичнее определить как протогербы. «Титулярник», будучи ценным геральдическим источником, не является гербовником ни по содержанию, ни по цели создания.

Мало изучен и такой документ, как «Описание Российского царства и окрестных государств и земель по гербам», известный сегодня в двух списках⁶⁸. «Описание», скорее всего, представляет собой, «память» для художников, выполнявших в 1672 году миниатюры к «Титулярнику», содержащему «...Российскаго великого царства и всех окрестных государств христианских и мусульманских государственные гербы в клеймах... А писали те гербы и клейма золотописцы Григорей Благушин, Фёдор Лопов,

⁶⁷ Коротков Ю.Н. Геральдика // Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 343; Наумов О. Н. «Титулярник» 1672 год как памятник геральдики: Проблемы изучения // Румянцевские чтения. М., 2001. С. 216–219.

⁶⁸ Белоброва О. А. Из истории древнерусской геральдической литературы // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 79.

Матвей Андреев...»⁶⁹. Судить об этом назначении текста позволяют как совпадение перечня гербов, так и соответствие словесных описаний изображениям на миниатюрах «Титулярника»⁷⁰.

Сохранилась также документальная роспись гербов (печатей) сибирских городов, датируемая третьей четвертью XVII века и дважды опубликованная⁷¹. Самую раннюю «Роспись всем государственным печатям» (1626 год) обнаружил и исследовал А. А. Ураносов (она не издана)⁷².

Характерно, что если сравнить эти печати с гербами, указанными, например, в сборнике «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в полное Собрание законов с 1649 по 1900 год» (составленном П. П. фон Винклером), нетрудно заметить существенную разницу. Более того, ряд существенных отличий виден уже в работе А. Хиппислея «Эмблемат духовный», датируемой 1743 годом.

Таким образом, исследователю снова приходится вернуться к оценке работы Л. Хурелича. Дело в том, что в отличие от вышеперечисленных произведений, его работа носила характер работы по формированию личной родословной и личного герба, поскольку Хурелич специализировался во время своей работы в Московском царстве на символах царской власти Алексея Михайловича.

Имя Лаврентия Хурелича и его «Родословие» хорошо известны русским историкам и литературоведам. На них ссылался в своём произведении «Журнал велико славных дел великого госу-

⁶⁹ Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в её создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 399–400.

⁷⁰ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1913. С. 116–117.

⁷¹ Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908. С. 286.

⁷² Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV – XVII вв.): автореф. ...канд. дис. М., 1953. С. 7.

даря императора Петра Первого, самодержца всероссийского, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50» известный «творец мифов» П. Н. Крекшин. «Родословие» Хурелича послужило предметом полемики между П. Н. Крекшиным и Г. Ф. Миллером. В разборе и оценке этой полемики принял участие М.В. Ломоносов. В поданном им, совместно со Штрубе де Пирмоном и В. К. Тредиаковским, в академическую канцелярию «Рассмотрении спорных пунктов» (1747 год) упоминается и «Родословие» Лаврентия Хурелича в части, касающейся сведений о браке М. А. Старицкой с голштинским герцогом Христианом⁷³. Однако, скорее всего, «Родословие» было в тот момент изучено поверхностно: должность автора (советника Леопольда I) в комментариях к сочинениям М. В. Ломоносова превратилась в сан священника⁷⁴.

Впрочем, в данном случае, по нашему мнению спор носит скорее литературный, нежели научный характер, поскольку, говоря словами исследователя П. Кротова, сочинения П.Н. Крекшина нельзя оценивать с точки зрения наличия или отсутствия в них каких-либо ценных исторических свидетельств, опирающихся на первоисточники. Это – художественно-литературные произведения. П.Н. Крекшин прославлял Петра Великого с помощью методов художественных: преувеличения (гиперболы), приукрашивание действительности вымышленными подробностями и др. Создавая свои величественные картины деяний Петра I, он опи-

⁷³ Ломоносов М. В. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 годы // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 541–543.

⁷⁴ Ломоносов М. В. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 годы // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 545.

рался на весьма ограниченный круг известных ему источников и исторических сочинений⁷⁵.

В данном случае нам интересен факт знакомства отечественного общества с данным сочинением.

Первое археографическое изучение труда Лаврентия Хурелича было проведено в середине XIX в. А. Х. Востоковым⁷⁶. Позднее о нем упоминал А. И. Соболевский⁷⁷, а в советское время И. М. Кудрявцев, Г. Н. Моисеева и другие исследователи⁷⁸. Наиболее полная сводка известных данных о «Родословии» и краткая характеристика идейного содержания, структуры и оформления памятника принадлежат А. И. Рогову. Труд Лаврентия Хурелича рассмотрен им в связи с внешнеполитическими обстоятельствами и русско-австрийско-славянскими отношениями на исходе XVII в.⁷⁹

Труд Лаврентия Хурелича в латинском оригинале назывался: «Genealogia Serenissimorum ac Potentissimorum Magnorum Moskoviae Ducum totiusque Russiae Invictissimorum Monarcharum Singulari Studio ac Diligentia ex diversis cum impressis tum manuscriptis Authoribus, alijsque fide dignissimis monumentis collecta, Laurentio de Churelichz sacra caesarea Regiaque Maiestatis Leopoldi I Consiliario et Sacri Romani Imperij Heroaldo. 1673». В русском переводе оно звучит следующим образом: «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей и

⁷⁵ Кротов П. А. Сотворение легенды: алхимик от истории Петр Крекшин // Родина. 2009. № 7. С. 64.

⁷⁶ Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 791–792; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 212–213.

⁷⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 99–110.

⁷⁸ Кудрявцев. И. М. Издательская деятельность Посольского приказа. М., 1963. Т. 8. С. 205; Моисеева. Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 99, 125.

⁷⁹ Рогов А. И. Русско-австрийские культурные связи XVII в. М., 1965. С. 20–28.

прочая и всяя России непобедимейших монархов особым тщанием и радением из розных печатных и рукописных ауторов и из иных веры достойных памятствованей собранное Лаврентием Хуреличем священного цесарского и королевского величества Леопольда I советником и священного Римского государства Героалдом 1673».

«Родословие», состоявшее из двух частей, было посвящено царю Алексею Михайловичу. В посвящении, после перечисления полного титула русского монарха, завершавшегося пожеланием «житие благополучие, победы и триумф», говорилось: «Пресветлейший, вельможнейший и непобедимейший монарх государь, государь и царь милостивейший!»

М. М. Медведев полагает, что Л. Хурелич был полезен как консультант по генеалогии и европейской геральдике, но не по русским эмблемам. Медведев отрицает мнение, что Хурелич «исправил» символы царской власти, называя такую точку зрения историографическим мифом. В своей работе он пишет: «Генеалогический труд, написанный им для московских властей, действительно проиллюстрирован слегка геральдизованными русскими эмблемами. Но в роскошных лицевых копиях, сделанных тогда же, эти эмблемы воспроизведены в свободной манере – без сохранения фиксированных цветов и геральдически правильных позиций. Там, где у Хурелича были черный цвет и червлень, копиист с добросовестной щедростью добавлял побольше золота. «Геральдизацию» русские просто не заметили»⁸⁰.

С другой стороны, несколько неожиданно выглядит само содержание «Родословия». Во-первых, Лаврентий Хурелич пытался доказать, что ряд европейских государей происходит от русских монархов. Это весьма примечательная деталь – речь идет не об обычном «паритетном» родстве русского царя с современными ему европейскими династиями, но о прямой общности их происхождения от киевского князя («русского царя») Владимира.

⁸⁰ Медведев М. М. Отцы русской геральдики // Родина. 1993. № 2. С. 32–33.

Во-вторых, весь трактат, от начала и до последних слов «Епилога», исходил из широкого толкования автором понятия христианства, к которому Лаврентий относил государей, придерживавшихся не только католического, но и православного и протестантского вероисповеданий. В самом деле, в ряду христианских монархов, которые «кровию суть союзни и сродни» русскому православному царю, Лаврентий Хурелич называл государей как католических (Австрия, Франция, Испания и др.), так и протестантских (Швеция) стран.

В последней же фразе «Епилога», обращаясь к православному царю, он провозглашал: «Ты же, прехвалнейший монархо, живи, здравствуй, царствуй, побеждай и над враги христианские веры благополучно победительствуй сице славы, чести величества и имени твоего по всей вселенной никогда не будет». Эта же мысль в стихотворной форме выражена в подписи к портрету Алексея Михайловича.

В первой части «Родословия», не имевшей особого заглавия, приведена генеалогия русских князей и царей от киевского Владимира до Алексея Михайловича. Как справедливо отметил А. И. Рогов, в труде Хурелича почти нет новых или оригинальных сведений по истории России, исключая упоминания о том, что «в Чешской земле еще пребывают» потомки полоцкого князя Изяслава Владимировича некие «Серотини». По предположению А. И. Рогова, речь идет о моравской шляхетской фамилии Жеротинов, тем более, что идею о русском происхождении доказывали в своих генеалогиях и такие чешские магнаты, как Рожемберки и Плихты⁸¹.

Таким образом, российская аристократия оказалась перед необходимостью выработки или принятия статусной системы, позволившей представителям аристократических слоёв Московского государства на равных общаться с представителями европейской аристократии. Необходимость эта, предположительно, диктовалась во второй половине XVII века четырьмя идеологическими причинами:

⁸¹ Рогов А. И. Русско-австрийские культурные связи XVII в. М., 1965. С. 23.

во-первых, демонстративным принятием государем всея Руси Алексеем Михайловичем набора статусных знаков, отвечающих в той или иной степени требованиям европейского аристократического сообщества;

во-вторых, активной экспансией Московского государства, требующей вхождения российской аристократии в общеевропейскую систему идентификации;

в-третьих, необходимостью идентификации и самоидентификации служилой и вотчинной аристократии Московского государства в системе отношений, определённой «Соборным Уложением» 1649 года;

в-четвёртых, стремлением аристократии Московского государства дистанцироваться от истории удельного землевладения и закрепиться в статусе землевладельцев – помещиков.

Следует признать, что грамотно организованный первыми Романовыми ажиотаж вокруг государственного герба, который в глазах современников выступал в качестве части образа государя и воспринимался как неотъемлемая часть личности, сыграл двоякую роль. С одной стороны, как заметил Н. П. Лихачев, «идея, что у всех дворян должны быть родовые гербы, утвердилась именно перед Петром Великим, и дворяне кинулись было их сочинять...»⁸². В ходе формирования отечественной геральдики на первом этапе данного процесса наблюдалась бессистемность данного процесса.

Откровенно панегирический тон трудов, посвящённых генеалогии и геральдике рода Романовых породил тенденции к бездумному копированию и созданию родовых легенд, имеющих мало общего с действительностью. К сожалению, увлечение «легендотворчеством» имело место весьма длительное время. Этот феномен отмечает, например, А. П. Черных. Описывая произведения, посвящённые геральдике, он заявляет: «Справочники, особенно официальные, содержат утверждённые властью и, следовательно, в большинстве случаев искаженные изображения гербов.

⁸² Известия Русского Генеалогического Общества. СПб., 1909. С. 367.

Это требует установления первоначального варианта или вариантов гербов, которые функционируют в обществе»⁸³.

Искажение гербов является лишь одной стороной проблемы: дело в том, что, как мы уже упоминали, ряд представителей служилой аристократии, стремясь создать себе родословные, фальсифицировали свои генеалогические данные. Об этой проблеме пишет Л. М. Савёлов, рассматривая источники в области отечественных геральдики и генеалогии: «...Русскому генеалогу придется, например, иметь дело с серией официальных документов, которые требуют проверки и проверки самой тщательной – это Общий Гербовник Дворянских родов, где помещены иногда самые нелепые вымыслы, признанные нашей герольдией за исторические факты...»⁸⁴.

По-своему объясняет происхождение этой тенденции М. М. Медведев: «Гербы ... в большинстве случаев походили на польские, но иногда следовали остзейским или иным примерам. Некоторые из выезжих родов, включая полностью обрусевшие, после отмены местничества подавали прошения о признании их гербов и получали из Посольского Приказа документы с переводами «гербовых басен» из польских гербовников. В Посольском Приказе были только геральдические книги из Речи Посполитой, и даже французский по происхождению род Дивовых получил польский герб»⁸⁵.

К сожалению, вероятнее всего, в момент, когда сложилась настоящая необходимость геральдизации аристократического сообщества, в Московском государстве не существовало сложившейся системы, одновременно учитывавшей историю рода (генеалогия), системы статусной идентификации (геральдика) и систему законодательства, регламентирующей процедуру создания, утверждения и легитимизации гербов. Геральдист XVII века Менестри

⁸³ Черных А.П. Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 53.

⁸⁴ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. Российский государственный архив древних актов. М., 1994. С. 39.

⁸⁵ Медведев М. М. Отцы русской геральдики // Родина. М., 1993. № 2. С. 32–33.

(Menestrier) в своем трактате «Искусство описания» («L'art du blason») сравнивал геральдику с энциклопедией. Он находил в ней свою особую теологию, объясняющую ее таинственные символы; свою философию, рассматривающую свойства ее эмблем; свою юриспруденцию, определяющую права на пользование гербом; далее геометрию, описывающую ее фигуры и расположение их; историю их происхождения и причины, наконец, географию – указывающую страны возникновения геральдики, и грамматику разъясняющую её своеобразный язык⁸⁶. В.К. Лукомский добавлял к этому списку «... еще близко связанную с геральдикой область свободного творчества – искусство»⁸⁷.

Если мы рассматриваем отношение к геральдике со стороны русского аристократического сообщества XVII века, то, как ни парадоксально, для его части по всей вероятности было характерным отношение к геральдике, как к институту, обслуживающему аристократию и «охраняющему» её исконные привилегии. Такой взгляд на геральдику, распространённый в советский период, уступил впоследствии место научному подходу⁸⁸. Подобные оценки мы встречаем в работах таких учёных, как Ю.В. Арсеньев⁸⁹, Б.А. Рыбаков⁹⁰.

Ещё одной проблемой для российского общества XVII века является отсутствие систематизации уже имеющегося геральдического наследия. К сожалению, первые полноценные гербовники появляются лишь в XVIII веке. Первым русским геральдическим справочником признаётся рукопись, известная как «Гербов-

⁸⁶ Вилинбахов Г. В. Понятие геральдики // Очерки по философии и культуре. СПб., 2001. С. 17.

⁸⁷ Лукомский В. К. О геральдическом искусстве в России // Старые годы. СПб., 1911. Февраль. С. 6.

⁸⁸ Янин В. Л. О деловитости научных контактов // Музейное дело в СССР. М., 1980. С. 44–46.

⁸⁹ Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908. С. 3.

⁹⁰ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. // Советская археология. М., 1940. Т. VI. С. 227.

ник Б.К. Миниха» 1729 года.⁹¹ Известен также знаменый гербовник 1712 года, который, однако, не является гербовником в полном смысле слова, а представляет собой собрание рисунков для знамен⁹², в котором содержатся территориальные эмблемы. Первым родовым гербовником России долго считалось сочинение А.Т. Князева 1785 г.⁹³ Однако в эмигрантской историографии была описана рукопись гербовника, нарисованного художником А. А. Грековым в 1769 году.⁹⁴ Он содержал гербы лиц, входивших в состав Двора наследника престола Павла Петровича. По всей видимости, наиболее ранним гербовником следует признать именно его.

Поэтому, принимая во внимание всё вышеперечисленное, приходится признать закономерным тот факт, что для отечественных справочников является закономерным отсутствие пояснений символики фигур и цветов. Расшифровка гербов стала в историографии самостоятельным направлением исследований, но смысл многих из них не установлен до сих пор⁹⁵.

Рассмотрев предпосылки унификации статусно-идентификационной системы в Московском государстве XVII в., можно сформулировать их следующим образом. Согласно текстам ряда документов, относящихся к рассматриваемому периоду, закономерно предположение, что придя к власти, представители дома Романовых (патриарх Филарет, Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович и Фёдор Алексеевич) продолжили планомерную политическую линию социально-идеологического преобразования

⁹¹ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 57–59.

⁹² Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. С. 33.

⁹³ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве в России // Старые годы. 1911. № 2. С. 21.

⁹⁴ Навроцкий Ю.А. О первом русском гербовнике // Новик. М., 1939. № 1. С. 38–41.

⁹⁵ Тройницкий С.Н. Гербы лейб-компаний: обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., 1914.

структуры российской аристократии, начатую представителями династии Рюриковичей (Иваном III, Василием III и Иваном IV).

Существует ряд признаков, по которым можно предположить, что данный аспект политики государей Московских был направлен в числе прочего на идеологическое и переустройство механизма формирования и функционирования отечественной аристократии в целом и искусственного поднятия статуса служилой аристократии, относительно аристократии удельно-вотчинной. Более того, ряд законодательных актов (например – «Докончания» Ивана III, документы, учреждающие опричнину Ивана IV, «Соборное Уложение» и пр.), говорят о стремлении государей Московских стереть различия между отдельными слоями аристократии, обеспечив их диффузорное взаимопроникновение и взаимную ассимиляцию.

Основными инструментами проведения данной политики в XVII веке мы можем считать следующие: отсутствие прямых репрессивных мер к статусу и привилегиям родовой аристократии; снижение влияния и значения статуса родовой аристократии за счёт создания новой специфической категории привилегий, характерной для служилой аристократии и служилых людей в целом; поощрение создания неделимых поместных имений по аналогу манора в Западной Европе, но наделяемого свойствами поместного родового землевладения; поддержание права вотчинников-наследников на наследование части вотчины с возможностью дробления вотчин между значительным числом наследников. Данный момент, как показывает историческая действительность к ослаблению вотчинных хозяйств и вынуждает беднеющих вотчинников искать службы у государя, переходя в категорию служилой аристократии; принятие статусно-идентификационной системы Европы (генеалого-геральдической системы) в личном порядке без насильственного внедрения данной системы между подданными; ориентирование в построении собственного генеалого-геральдического «портрета» на европейские образцы.

Возможно, это было сделано в подражание Ивану III (принятие последним регалий и претензий на статус правителей Византийской империи). Однако, с той же долей вероятности, мы мо-

жем видеть в данной особенности попытку дистанцироваться от удельной аристократии, утверждая свою родословную, как родословную европейского монарха.

Учитывая легенду о Рюरिकе, а также созданную генеалогическую легенду о происхождении Московских великих князей от римского императора Августа спретензией на право распоряжаться судьбой Западной Церкви, можно предположить преемственность данной политики Алексея Михайловича от политики Ивана III и Ивана IV, таким же методом старавшихся дистанцироваться от прочих удельных князей (в том числе – и являющихся «природными» Рюриковичами).

Однако для начала формирования государственной статусно-идентификационной системы необходимо юридическое оформление её атрибутов и формирование процедуры принятия данных атрибутов, их регистрации и систематизации в едином юридическом пространстве государства. В XVII веке на территории Московского Государства комплекса юридических документов, обеспечивающих вышеперечисленные процедуры, не существовало.

В то же время предпосылки активного заимствования геральдической атрибутики и системы в целом на территории Московского государства, насколько мы можем судить, сложились полностью. Таким образом, во второй половине XVII века начинается «стихийное» освоение генеалогических и геральдических элементов со стороны представителей как удельно-вотчинной, так и служилой аристократии. Последствиями «стихийного» освоения геральдической атрибутики становятся: неконтролируемое использование геральдических и негеральдических элементов; создание ряда генеалогических и геральдических легенд, не соответствующих исторической действительности; слепое копирование шаблонов зарубежных гербов и тому подобное.

Однако, справедливо предположение, что в данный период при всех отрицательных тенденциях, сопровождающих процесс хаотичной «геральдизации» российского аристократического общества, в значительной степени закладываются основы самобытной геральдики Московского государства, которые в значительной мере слабее были бы выражены при чёткой регламента-

ции, введённой на основе европейского образца. Именно это отличает геральдические атрибуты, принятые во время царствования Петра I и последующих российских монархов.

С точки же зрения идеологических предпосылок, приходится сделать вывод, что российское аристократическое общество в достаточной мере было европеизировано для индивидуального принятия рядом его представителей действующей на Западе идентификационной системы.

Обновление общественного сознания, особенно в периоды революционной трансформации социума, создает условия для инновации идей, формирующих ценностные ориентации, которые, в свою очередь, часто находят воплощение в форме инициативных объединений. Мы можем предположить, что в XVII столетии таким объединением в «круг избранных» (возможно, негласно поощряемый монархом) могла стать часть приближенной к монарху аристократии, взявшей за основу: гербы, жалованные предкам в момент их службы зарубежным правителям (Яблонские); гербы составленные по образцу и подобию гербов европейской аристократии (Нарбековы); эмблемы заимствованные из обихода, либо от мифических предков и оформленные впоследствии в виде герба.

При анализе социальной структуры российского общества конца XVII века видно множество естественных социальных систем внутри одной социальной группы (духовенство, военная аристократия, служилая аристократия, удельно-вотчинная аристократия, чиновничество, служилые люди и пр.), отличительными признаками которых выступают спонтанная организация, отсутствие четко выраженных целей и неформальный характер внутрigrупповых связей. Именно в ходе реализации противоречий этих социальных систем и развивается своеобразная селекция, отбор наиболее восприимчивых к новому социальных технологий.

При этом корпорации лиц, возникающие в политической и экономической сферах жизнедеятельности, в XVII веке уже имеют устойчивые связи с формальными структурами, создание их носит осознанный характер, функционирование их призвано заместить несовершенные общественные формы. Однако, в отли-

чие от удельно-вотчинного этапа развития Руси, на данном этапе развития объединяющим фактором, вероятнее всего, является, как уже не раз говорилось выше, планомерная политика, проводимая «сверху». Спонтанность же, отсутствие регламентирующих инструментов приводит к тому, что в период XVII века формирование геральдико-генеалогической системы происходит на территории Российского государства в значительной мере по законам самоорганизации.

Результатами организационной деятельности системы являются утверждение устойчивости, оптимизация и стабилизация жизнедеятельности системы. Феномены же самоорганизации выступают для социумов источником креативности, появления нового качества, структурной «развязанности», провоцирования динамики развития системы. Именно это, судя по многочисленным свидетельствам, приведённым в работах отечественных геральдистов, генеалогов, историков и историографов и происходит в сообществе аристократии Московского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был рассмотрен вопрос выстраивания иерархической структуры российской служилой аристократии на базе заимствованной у стран Запада и Византийской империи статусно-знаковой системы идентификации.

Исходя из результатов исследования, можно утверждать, что для сравнительно высокоразвитой культуры родовой и корпоративной эмблематики с элементами геральдики в России с IX по XV вв. характерны следующие тенденции.

Во-первых, в этот период отсутствует единая система знаково-статусной идентификации на территории русских княжеств.

Во-вторых, наблюдается бессистемность складывания системы знаково-статусной идентификации на территориях, контролируемых различными политическими группировками.

В-третьих, характерна эклектичность изобразительных средств и художественных мотивов.

В-четвёртых, – ещё не сложилась общегосударственной юридической базы, легитимирующей системы знаково-статусной идентификации. На этом пункте необходимо остановиться подробнее: ввиду того, что русские земли в эпоху феодальной раздробленности оказывались под властью ряда сопредельных государств, приходится признать, что до формирования единого Великого княжества Московского данный пункт характеристики можно рассматривать лишь чисто теоретическим.

В-пятых, – можно констатировать слабость развития культуры пользования системой знаково-статусной идентификации в среде русской аристократии.

В-шестых, – наблюдается своеобразная эфемерность состава русской аристократии: сословие аристократии ещё не стало замкнутым. Уникальность этого феномена в том, что уже к X веку на территории русских княжеств оформилась правящая династия, сохранившаяся до рубежа XVI века.

В-седьмых, в данный период на систему статусной идентификации и родового «старшинства» оказывали влияние иррациональные внешние факторы, например – сиюминутные решения Великого Князя.

В-восьмых, в Московском государстве на данный период ещё не сформировалась специализированная система регистрации, систематизации и учёта графическо-статусных объектов, обладающих признаками эмблемы, беджа либо герба.

Отдельного внимания заслуживает религиозно-конфессиональный компонент новой системы. В ходе включения в статусно-идентификационную систему Московского государства были включены представители родов, исповедовавших не только Православие, но и другие течения христианства, а также – Ислам. Закономерно, что руководству Московского государства, наряду с изменением юридической системы соподчинения монарха и представителей служилого сословия, пришлось включить религиозно-конфессиональные символы иных религиозных систем во вновь создаваемые личные и родовые геральдические объекты Московского государства. В описываемый период отечественной истории, мы наблюдаем включение религиозных символов в гербы преимущественно по личной инициативе их владельцев по следующим принципам:

- Наличие религиозной символики в ранее пожалованных гербах;
- Позиционирование происхождения или родства владельцев герба с представителями ордынской или иной мусульманской аристократии;
- Отражение сложившихся в роду конфессиональных традиций;
- Подчёркивание принадлежности представителей рода к лицам, осуществлявшим службу московским государям, как правителям духовного и политического центра Православного мира (например, в ходе популяризации идеологии «Москва – Третий Рим»).

Вышеозначенные тенденции не в полной мере отражают сущность данного этапа становления системы знаково-статусной

идентификации на территории будущего Московского государства, поэтому указанный этап развития геральдики в Российском государстве нуждается в дальнейшем детальном изучении. Формирование системы знаково-статусной идентификации начинается в период правления Иоанна III Васильевича Великого Князя Московского. Первым фактом начала поступательного процесса формирования данной системы становится принятие Иоанном III Васильевичем в качестве государственного герба изображения двуглавого коронованного орла. Замена старого герба, представлявшего собой иконообразное изображение Святого Георгия, поражающего Змея на типовую геральдическую фигуру было вызвано необходимостью ввести Великое Княжество Московское в единую статусную систему Европы и Мира. Однако, как уже говорилось выше, включение России в общеевропейскую статусную систему потребовало унификации статусной системы внутри государства. Причём европейская система знаково-статусной идентификации для России не подходила. Основные причины были таковы: активное противостояние удельных князей Великокняжеской власти, не обусловленное юридически закреплёнными правами; противостояние военной и земельной аристократии; отсутствие в Великом Княжестве Московском слоя служилой аристократии и насущная необходимость Великого Князя иметь возможность формировать это сословие без оглядки на происхождение, делая расчёт на личную преданность, образование и деловые качества; включённость значительной части российской аристократии XV века в различные идентификационные системы Европы, Орды, Кавказа, Скандинавии.

Не исключено, что именно включение в отечественную геральдику гербов кавказской аристократии привело к некоторой популяризации в отечественной статусно-идентификационной системе «естественных» фигур, отражающих библейские сюжеты. Данная тенденция, к сожалению, сравнительно быстро пошла

на убыль, под влиянием тенденции унификации отечественной геральдики по западно-европейскому образцу¹.

Эти и другие факторы обусловили создание по-своему уникальной эклектичной статусной системы, включившей в себя элементы всех систем, которые на тот момент употреблялись на территории Московии: геральдики, «лествицы», системы родового старшинства ордынской аристократии, системы старшинства удельных княжеств, личных беджей, религиозной иерархии, военно-административной субординации. В эпоху правления Иоанна III Васильевича, Великому Князю удалось заложить фундамент для позднейшего создания такой системы следующими методами.

Метод первый – это легитимация гербов, жалованных поданным Великому Князю Московского в более ранний период истории из рода, когда данный аристократический род находился под юрисдикцией государств, использующих в юридической системе законы европейской геральдики.

Метод второй составляет жёсткое юридическое разделение российской знати по категориям, описанным в первой главе. Это разделение позволило Великим Князьям Московским одновременно учитывать сразу ряд действующих на территории Московии систем индивидуальной и родовой самоидентификации и манипулировать различными группами аристократии при помощи политических решений. Кроме того, подобное разделение аристократии на категории позволяет, применяя методы исследования геральдики, проследить за механизмом формирования и развития каждой из данных категорий в XV – XVI вв.

Третьим методом стало сохранение и легитимация систем самоидентификации выходцев из государств Востока. Сохранение такой системы позволило Великим Князьям Московским одновременно создать юридически обоснованный противовес ин-

¹ Горин А. А. «Христианские символы в гербах отечественного дворянства, внесённых в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи во II и III четверти XIX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Оренбург, 2015. Вып. 2(4). С. 320–321.

ституту удельного княжества, а также создать ситуацию, при которой обе противопоставленные стороны напрямую зависят от единовластного решения Государя. Закрепление же прав всех видов аристократии и иных слоёв населения в «Судебнике» 1497 года создало предпосылки для создания постоянно действующего сословно-представительного органа власти, аристократическая часть которого сложилась в Великом Княжестве Московском ещё в середине XV века (Боярская Дума), а общесословная – в 1549 году (Земский собор).

В качестве четвёртого метода выступило создание постоянно действующего совета знати с правом совещательного голоса предопределило легитимацию самодержавной власти и сохранение вечевых традиций. Это явление интересно именно как создание системы думной, государственной, бюрократической аристократии, также ставшей одним из слагаемых формирующегося сословия служилой аристократии, лично преданной Государю.

Пятым методом стали первые попытки создания родовой легенды Рюриковичей, положившие начало исследованию своих родовых корней у отечественной знати, заложили фундамент для введения в общее употребление гербов с европейским механизмом создания их графического и смыслового наполнения.

Принимая во внимание ряд закономерностей, описанных выше, можно предположить, что русская геральдика, в отличие от западной, обладает более разнообразным информационным потенциалом. В своих работах подобную закономерность отмечали многие отечественные исследователи. В первую очередь, мы можем предположить, что русская геральдика представляет собой не знаковую, а чётко выстроенную при активном влиянии государства статусно-иерархическую систему, в которой отражаются механизмы и методы формирования строя служилой аристократии со стороны российских самодержцев. При всей эклектичности русской геральдики XV–XVII вв. она обладает чертами, которые, по мнению исследователей, в значительной степени облегчают её систематизацию.

Одним из естественных систематизирующих факторов русской геральдики XV–XVIII вв. является описанное во второй гла-

ве отсутствие унификации геральдической и эмблематической символики, предполагающее смысловое и визуальное различие эмблем и символов, употребляемых в тех или иных условиях формирования гербов.

В связи с вышеизложенным, первым этапом исследования при использовании герба в качестве исторического источника мы можем назвать внимательное изучение блазона данного герба с целью установления наличия его историко-геральдических и эмблематических прототипов, упоминающихся при блазонировании. Наличие эмблем, либо «неканонических» гербов, послуживших базой для формирования изучаемого герба, говорит о том, что представители рода, обладающего данным гербом: а) заимствовали его от какой-либо из сопредельных российскому этносу культур, б) принадлежат к какой – либо из данных культур, в) состоят в родстве с представителями данных культур. В любом случае, при наличии привнесённых образцов геральдической символики или сформированных гербов, мы получаем отправную точку исследования, так как любой канонически созданный герб можно идентифицировать согласно европейским гербовникам XVII – XVIII вв. В процессе идентификации исследователь получает возможность проследить часть истории рода, заимствовавшего данную символику по европейским, византийским или мусульманским хроникам. При отсутствии привнесённой символики можно предположить, что герб относится к одной из трёх групп.

Поволжско-Ордынской, которую составляли выходцы из державы чингизидов и её позднейших обособившихся частей-государств: Золотой, Белой и Синей Орды, Астраханского, Казанского и Сибирского ханств, Ногайского юрта.

Центрально-русской, состоящей из аристократии, сформировавшейся в географическом «промежутке» между Западной Русью и Ордой, то есть не заимствовавшей в родовой символике ни европейской, ни католическо-христианской, ни мусульманской символики.

Помимо этого, в изучаемый период формируется искусственно-образованная группа **служилой аристократии**.

Если механизм образования первых двух групп базируется на традиционной системе родового старшинства и военно-административной иерархии, то последняя группа зачастую создавалась без соблюдения общей закономерности, исходя из насущной необходимости монарха, административной или военной. Исследование последней группы представляет, по нашему мнению, особый интерес. Следует отметить, что первые группы сравнительно легко поддаются идентификации, согласно приведённой выше системе, тогда как искусственно созданные гербы идентифицируются сложнее. Это объясняется рядом «естественных» причин: например, гербы, подобные гербу Нарбековых создавались, подобно средневековым рыцарским гермам, базируясь на конкретных событиях из жизни владельца, и, будучи созданными без канонных, позже приводились в «канонический» вид, сохраняя блазон в его первоизданном виде. В этом случае необходимо более глубокое изучение истории герба. Особенно это видно на примере изучения истории гербов кавказской аристократии.

Второй этап исследования составило изучение вопроса о включении исследуемого герба в статусную, а позже и геральдическую системы России. Этот момент весьма часто отражает инструменты формирования служилого аристократического сообщества как путём «заимствования» представителей из иных аристократических слоёв, так и включение в неё представителей «отъезжей» знати сопредельных территорий или представителей неродовитых, но лично свободных слоёв населения.

Среди инструментов включения гербов в единую геральдическую систему можно отметить следующие: жалование роду гербов земель и городов (история князей Мосальских); включение ранее жалованных гербов в общероссийскую систему (история рода Яблонских); графическое оформление материальных символов статуса (бунчука, статусного оружия, элементов одежды и украшений); графическое отображение эпизодов службы представителей данного рода великим князьям Московским (Нарбековы, Державины); гербы, создаваемые по канонам, принятым в Византийской Империи для включения в общую систему иерархии лиц, обладающих княжеским, внутриплеменным (внут-

риэтническим) иерархическим или административным достоинством аналогичным русской и европейской аристократии.

Включение ранее жалованных гербов в общероссийскую систему характерно для представителей аристократии, служивших государям, на территориях государств которых в период IX – XV вв. действовала европейская система идентификации. Равно справедливо это утверждение и по отношению к представителям аристократии, служившим государям, на территориях государств которых в период IX – XV вв. действовала сложившаяся система идентификации, отличная от европейской.

Гербы Поволжско – Ордынской группы служилой аристократии в равной степени относятся к гербам, созданным при помощи жалования роду гербов земель и городов, а также и графическому оформлению материальных символов статуса. Использование последнего механизма делает их схожими по методам формирования с гербами Центрально-русской группы и гербами кавказско-византийского, кавказско-мусульманского происхождения.

Можно предположить, что для Центрально-русской группы аристократии при оформлении графической системы идентификации более характерно формирование гербов методами графического отображения материальных символов статуса (боярская шапка, шуба и пр.) и графического отображения эпизодов службы представителей данного рода Великим Князьям Московским. Последний метод входит в обиход лишь в XVII веке, что осложняет идентификацию данной группы, входящей в данный период в сословие аристократии в ходе изучения гербов. Нельзя сбрасывать со счетов упоминавшуюся выше тенденцию изучения представителями российской аристократии (как «столбовой» так и новой), которая в определённых случаях могла привести к заимствованию отдельными представителями российской аристократии элементов гербов своих «новоустановленных» предков.

Гербы искусственно-образованной группы служилой аристократии могли создаваться как методом искусственного создания гербов по канонам, принятым в Византийской Империи, но имеющих мало общего с реальным положением того или иного рода в иерархии его этноса или племени, так и методом графиче-

ского отображения эпизодов службы представителей данного рода Великим Князьям Московским. В этом случае при встрече с таким гербом придётся удовольствоваться «отправной точкой» и обстоятельствами начала истории этого герба. Чаще всего обстоятельства жалования человека гербом находят отражение в его формальном блазоне, а иногда – и в смысловом наполнении, своеобразной легенде-трактовке, передаваемой из уст в уста представителями рода. Следует также иметь в виду, что в XV – XVII вв. заимствование аристократического положения и чинов происходило нередко в ходе оформления родственных связей «по женской линии».

Таким образом, при планомерной исследовательской работе с гербом, его историей и его блазоном, в сочетании с данными генеалогии исследователь имеет возможность не только относительно точно датировать вступление представителя рода, который обладает данным гербом в иерархическую систему Российского дворянства, но и определить происхождение рода, сферу его деятельности и принадлежность к определённом этносу и культуре. Определение происхождения рода и история его службы даёт возможность определить место представителей данного рода в иерархии российского дворянства допетровской эпохи, а затем проследить изменение статуса данного рода после реформ Петра I.

В ходе данной работы нам удалось параллельно проследить ряд основных направлений формирования слоя отечественной служилой аристократии. В их число входит включение в ряды дворянства обедневшей или лишённой статуса удельной аристократии, о которой в частности писал в своей «Истории российских гражданских законов» К. А. Неволин. Одним из методов формирования слоя служилой аристократии в России стало наделение особым статусом части земельной аристократии (дети боярские), процесс которого описывал в своих трудах Г. В. Вернадский. Значительное число будущих представителей служилой аристократии составили включённые в слой аристократии лица неаристократического происхождения (по прибору) и включённые в общую аристократическую иерархию представители военно-земельной аристократии присоединённых земель.

Изучение каждой составляющей страты отечественной служилой аристократии производилось по принципу выстраивания причинно-следственной цепи: происхождение – механизм включения в состав служилой аристократии – определение внутрисловного статуса – юридическое закрепление данного статуса.

Исследование в области геральдики способно дать представление не только о происхождении рода, но и о механизме присоединения его к юридическо-геральдической и идеологической системе России. Полученные сведения дают основание сделать однозначный вывод о том, что геральдика как статусно-правовая система фактически является в Российском государстве XV – XVI вв. одной из важнейших составных частей процедуры юридического закрепления статуса, близкого относительно остальной массы отечественной военной и земельной аристократии к статусу дворянства. Однако, при этом следует помнить, что дворянского статуса европейского образца в России описанного периода ещё не было и не могло быть ввиду исторически сложившихся традиций самодержавного правления.

Помимо этого, в ходе работы было выявлена гипотеза о том, что в истории отечественной геральдики можно, предположительно, определить следующие периоды: период личной эмблематики, период активного заимствования геральдических элементов извне, период бессистемного создания национальных геральдических элементов, процесс унификации национальных геральдических элементов по европейскому образцу.

Для подтверждения данной гипотезы, а также проведения более точной периодизации этапов становления отечественной геральдики требуются комплексные исследования по данному вопросу. Пока же с некоторой определённой можно лишь предположить, что изучаемый нами период истории отечественного дворянства представляет собой переходный период от активного заимствования геральдических элементов извне к периоду бессистемного создания национальных геральдических элементов и гербов.

Неслучайно первыми специфическими отечественными гербами обладали выходцы из Орды: золотоордынская аристокра-

тия, не имея традиций визуальной статусной идентификации, не заимствовавшая статусно-знаковых систем из Европы, представляла собой идеальный слой аристократии для создания уникальной национальной геральдики, в гораздо большей мере свободной от европейско-византийского влияния, чем, собственно, русская. Кроме того, значительно упрощала дело введения статусной системы чёткая иерархия, сложившаяся в среде ордынской аристократии, чего не было в русской аристократии, до указанного периода пользовавшейся системой местничества – лестницы при определении своего статуса. Интересно и постепенное включение в отечественную геральдику готовых целостных информационно-статусных модулей из европейско-причерноморских геральдических систем: серии религиозно-геральдических знаков, корпоративных знаков, особых знаков.

Однако отсутствие работ, специально посвящённых введению в геральдическую систему Московского государства религиозно-конфессиональных и иных сакральных символов, даёт автору право высказать предположение о недооценке данного аспекта в системе распространения Православия среди аристократии народов, вошедших в состав Российской империи в описываемый период. Следовательно, – упущенных возможностей укрепления Православия в регионах с исторически неправославным населением.

Исследование подобных феноменов открывает значительные перспективы использования геральдики как в области иных вспомогательных исторических дисциплин (генеалогии, этнографии), так и в сфере политологии для изучения степени и аспектов взаимного влияния сопредельных культур.

В ходе исследования также подтвердилась гипотеза об иных функциях геральдики в России с её антропоцентричным геральдическим пространством, нежели в Европе, где носителем геральдического статуса являлось земельное владение. Можно отметить и то, что уже на данном этапе находит подтверждение гипотеза о геральдике, как о способе формирования аристократического статуса, сословия служилой аристократии, форме иерархии подчинения государству. Механизм «вторичного жалования» родового герба недвусмысленно указывает на то, что московские государи

адекватно и в полной мере оценивали значение геральдической системы, как административного, социально-политического и идеологического ресурса. Однако, приходится признать, что осознание значения данной системы идентификации и самоидентификации не приводит к их активному использованию. Напрашивается гипотеза, что использование геральдики как инструмента начинается с момента, когда общество в целом готово принять её как некий идеологический эталон. Причём, готовность общества, вероятно, означает не готовность принятия статусной системы со стороны какого-либо отдельного слоя, а принятие новой системы всеми политически активными слоями общества в целом.

Безусловно, мы коснулись лишь одного из направлений развития геральдики в России, не затронув городскую и корпоративную геральдику. Однако, даже на данном уровне можно с уверенностью констатировать огромный потенциал геральдики как исторического источника и механизма управления обществом России (в том числе, и в настоящее время). Нужно также отметить разноплановость этого вида источников, его несомненное культурологическое и историко-культурное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Изображения двуглавого орла на эмблемах и гербах

Рис. 1. Рельеф с изображением двуглавого орла из Медресе Тонкого минарета в Конье (1221)

Рис. 2. Монета хана Джанибека (1342–1357)

Рис. 3. Геральдический двуглавый орёл европейского типа

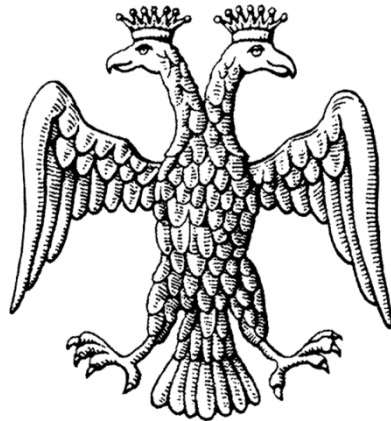

Рис. 4. Орёл из герба Софьи Палеолог/Ивана III Васильевича

Изображения двуглавого орла на эмблемах и гербах

Рис. 5. Герб Черниговского воеводства (1633 г.)

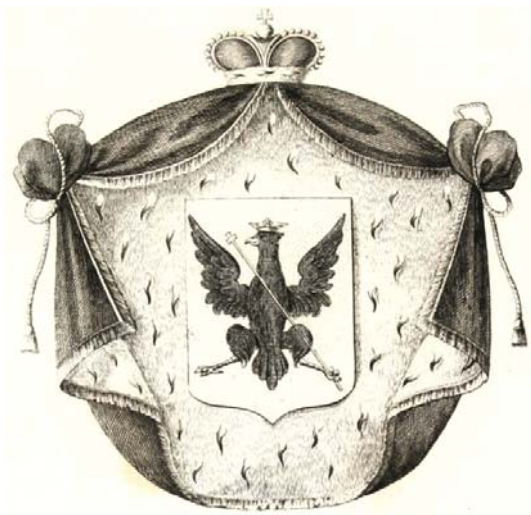

Рис. 6. Герб черниговских князей

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Материалы сфрагистики и нумизматики

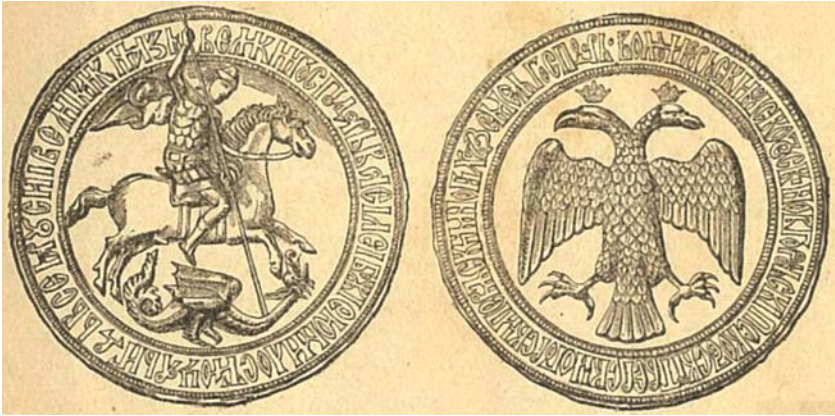

Рис. 7. Печать Василия III Ивановича

Рис. 8. Государственная печать Ивана III Васильевича
а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

Материалы сфрагистики и нумизматики

Рис. 9. Печать Александра Невского

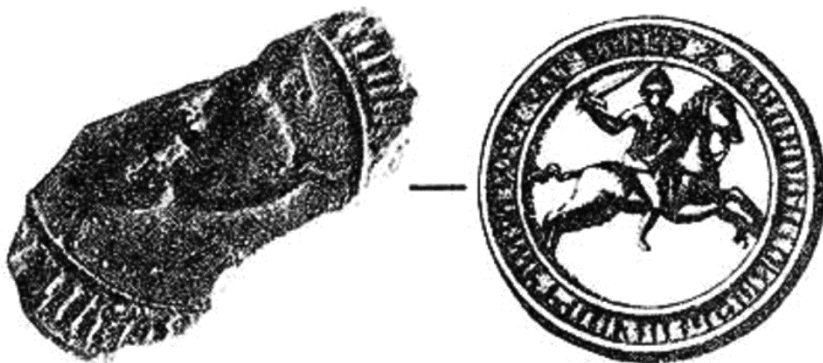

Рис. 10. Печать Василия I Дмитриевича (всадник с саблей)

Материалы сфрагистики и нумизматики

Рис. 11. Монеты Юрия Звенигородского (1) и Василия Тёмного (2 и 3)

Рис. 12. Монеты правителя Киликии Левона II

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Материалы геральдики

Рис. 13. Герб рода Урусовых

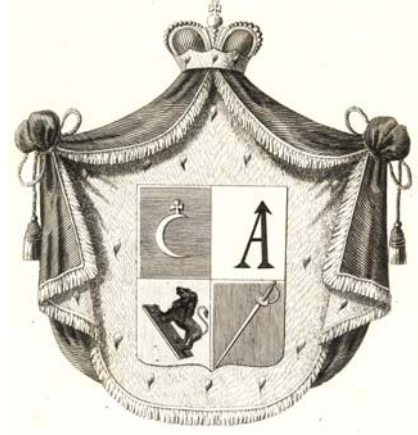

Рис. 14. Герб рода Бабичевых

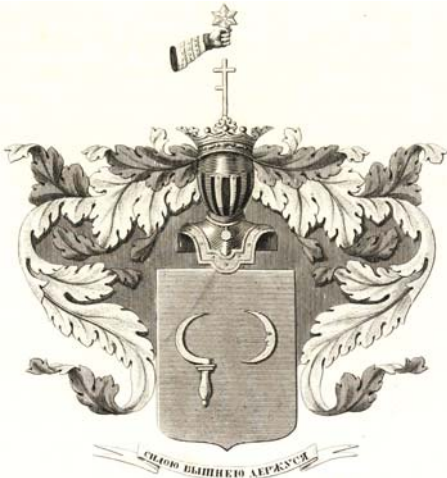

Рис. 15. Герб рода Державиных
(Одаевских)

Рис. 16. Герб
рода Одоевских

Материалы геральдики

Рис. 17. «Погоня»
герб Великих Князей Литовских

Рис. 18. Герб
рода Юшковых

Рис. 19. Пржидомек
«Лелива»

Рис. 20. Герб
рода Шереметевых

Материалы геральдики

Рис. 21. Герб рода Неплюевых

Рис. 22. Герб рода Блудовых

Рис. 23. Герб Вахтанга VI

Рис. 24. Герб Багратиони
(Баграгуни)

Материалы геральдики

Рис. 25. Первый известный герб Грузии. Герб царицы Тамар (XVI в.)

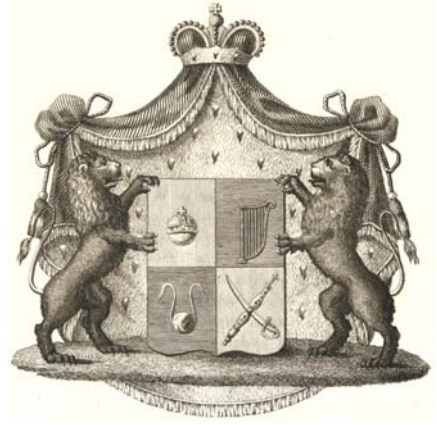

Рис. 26. Герб рода Багратионов

Рис. 27. Герб Армении эпохи Средневековья

Материалы геральдики

Рис. 28. Герб рода
Гедеванишвили

Рис. 29. Герб
рода Амилахвари

Рис. 30. Герб рода Джакели

Рис. 31. Герб Армянской области, помещённый в «Гитулярнике» 1672 года

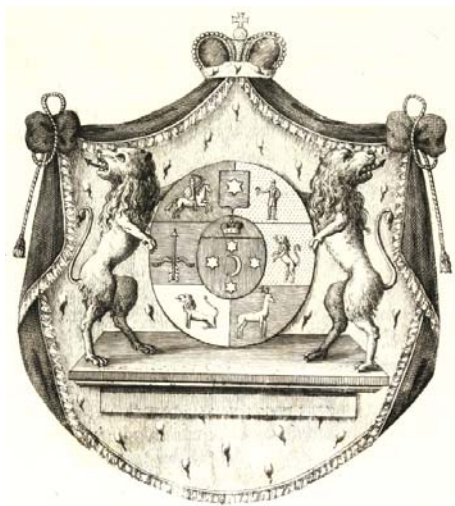

Рис. 32. Герб рода Юсуповых

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

І. ИСТОЧНИКИ

1.1 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археологическою Экспедициею императорской Академии Наук. – СПб.: типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – Т. II – № 6. – 417 с.

1.2 Бекетов П.П. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний / П. П. Бекетов. – Москва: Типография С. Селивановскаго, 1821 – 1824. – 344 с.

1.3 Белинский В. Е. Русский геральдический словарь / В. Е. Белинский – СПб.: Сенатская типография, 1912–1913. – Вып. 1–2.

1.4 Блазон герба князя Дмитрия Пожарского // Памятники Дипломатических сношений Московского государства с Англиею. – СПб.: Сб. РИО, 1883. – Т. 2. – С. 1406, 1422.

1.5 Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Часть 1 / А. А. Бобринский – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. – 799 с.

1.6 Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории» / И. Н. Болтин – СПб.: Типография Горного Училища, 1789. – 624 с.

1.7 Борисов И. В. Родовые гербы России / И. В. Борисов – М.: Виктория, Янтарный Сказ, 1997. – 215 с.

1.8 Горсей Дж. Записки о Московии XVI века / Дж. Горсей. – СПб.: Издание Суворина, 1909. – 159 с.

1.9 Ермолинская летопись // ПСРЛ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 23. – 560 с.

1.10 Ильин А.А. Классификация русских удельных монет / А. А. Ильин – Л.: Государственный Эрмитаж, 1940. – Выпуск 1. – 48 с.

1.11 Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) / сост. Гришин И.В., Клецинов В.Н. – Киев: Едиториал УССР, 2001. – 96 с.

1.12 Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. – 214 с.

1.13 Монеты Средневековой Болгарии IX–XV вв. – София: Агато, 1999. – 250 с.

1.14 Монеты хановъ улуса Джучіева или Золотой Орды. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1832. – 113 с.

1.15 Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ / под ред. М. Н. Тихомирова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 25. – 464 с.

1.16 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1838. – Ч. 8. – 342 с.

1.17 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1798. – Ч. 1. – 334 с.

1.18 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1798. – Ч. 2. – 332 с.

1.19 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1885. – Ч. 13. – 388 с.

1.20 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Археографический обзор / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. – Л., 1979. – С. 250 – 351.

1.21 Письмо Дмитрия Ларев Палеолога к Иоанну III // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1851. – Т.1. – С. 490–493.

1.22 Полное собрание законов Российской Империи. – СПб.: тип. II отд-я С. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 2. – 145 с.

1.23 Псковская судная грамота (1467 г.). – Одесса: изд-во И. Мурзакевича, 1847. – 34 с.

1.24 Псковская летопись 1499 г. // Псковские летописи. – М.-Л.: Типо-литография изд-ва АН СССР, 1941. – Т. 1. – С. 83–84.

1.25 Родословная книга князей и дворян российских и Выезжих. В 2 т. Т. 1. – М.: Универ. тип. Н. Новикова, 1787. – 872 с.

1.26 Русские монеты до 1547 г. Российский исторический музей. Описание памятников / сост. Орешников А. В. – М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1896. – Вып. I. – 306 с.

1.27 Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. – Каменец-Подольск: тип. Подольского губ. правления, 1897. – 398 с.

1.28 Соборное уложение 1649 г. / под ред. М. Н. Тихомирова, П. П. Епифанова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.

1.29 Судебники XV–XVI веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 620 с.

1.30 Царский Титулярник. В 2 т. Т. 1 / под общей редакцией Ю.М. Эскина. – М.: Культурно-просветительный фонд им. народного артиста Сергея Стоярова, 2007. – 544 с.

1.31 Штаден Г. Записки о Московии (под ред. А. Л. Хорошкевича) / Г. Штаден – М.: Древлехранилище, 2008. – 584 с.

1.32 Эмблемы и символы / вступ. ст. коммент. А. Е. Махова. – М.: Интрада + ММ, 2000. – 368 с.

1.33 Krasa Ceske Mince. – Praha: Orbis, 1955. – 200 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

2.1 Абуладзе И. Сведения Иоанна Драсханакертци о Грузии / И. Абуладзе // История Армении. – Тбилиси, 1937. – С. 3–70.

2.2 Албакова Ф. Ю. Роль символов в национально – этническом сознании: дис. ... докт. философ. наук / Ф. Ю. Албакова; МГУ. – М., 2000. – 358 с.

2.3 Антонов В. А. Датская геральдика XII – XVII веков / В. А. Антонов. – М.: Наука, 2008. – 561 с.

2.4 Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом Институте в 1907/08 году / Ю.В. Арсеньев. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. – 384 с.

2.5 Арсеньев Ю. В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России / Ю. В. Арсеньев // ЖМЮ. 1911. – № 3. – С. 129–167.

2.6 Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы / А. В. Арциховский // Учён. зап. Моск. гос. ун-та История. – 1946. – Кн. 1. – Вып. 93. – С. 63–64.

2.7 Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / А. П. Барсуков. – СПб., 1902. – 611 с.

2.8 Бекенштейн И. С. Краткое введение в геральдику и искусство составлением гербов / И. С. Бекенштейн. – СПб., 1731. – 156 с.

2.9 Белецкий С. В. Сфрагистика Пскова XIV – XV вв.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук / С. В. Белецкий; С-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 25 с.

2.10 Белоброва О. А. Из истории древнерусской геральдической литературы / О. А. Белоброва // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 37. – Л.: Наука, 1983. – С. 79–104.

2.11 Беловинский Л. В. Вспомогательные исторические дисциплины: учебно-справочное пособие / Л. В. Беловинский. – М.: Профиздат, 2000. – 120 с.

2.12 Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе / С. А. Белокуров // Сборник Московского государственного архива Министерства иностранных дел. – М. – 1893. – Вып. 5. – 98 с.

2.13 Борисов И. В. Деятельность В. К. Лукомского в Москве (1942 – 1946 гг.) / И. В. Борисов // Геральдика. – 1947. – С. 26–41.

2.14 Борисов И. В. Об «Эмблематическом гербовнике» В. К. Лукомского / И. В. Борисов // Геральдика. 1947. – С. 53–55.

2.15 Бранденбург Н. Род князей Мосальских XIV – XIX вв. / Н. Бранденбург. – СПб.: тип. арт. журнала «Фурштатская» 1892. – 665 с.

2.16 Бузанд Фавстос. История Армении / Ф. Бузанд. – Ереван: АН Армян. ССР, 1953. – 384 с.

2.17 Бурков В. Г. Государственные эмблемы и символы стран Восточной Европы / В. Г. Бурков. – СПб.: ВИРД, 1999. – 63 с.

2.18 Бурков В. Г. Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы / В. Г. Бурков. – СПб.: ВИРД, 1998. – 67 с.

2.19 Бурков В. Г. Государственные эмблемы и символы стран Содружества Независимых государств и стран Балтии / В. Г. Бурков. – СПб.: ВИРД, 1998. – 95 с.

2.20 Бурков В. Г. Государственные эмблемы и символы США и Канады / В. Г. Бурков. – СПб.: ВИРД, 2007. – 130 с.

2.21 Бурков В. Г. Историографические аспекты отечественных фалеронимов и фалеристики (1710–1993 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук / В. Г. Бурков; С-Петербургский гос. ун-т. – М., 1995. – 368 с.

2.22 Бурков В. Г. Историография отечественных фалеронимов и фалеристики: учеб. пособие. / В. Г. Бурков. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.

2.23 Бычкова М. Е. Легенды московских бояр / М. Е. Бычкова. – М.: Совет по охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН, 1997. – 36 с.

2.24 Бычкова М. Е. Первый русский дворянский герб / М. Е. Бычкова // Гербоведъ. 1993. – № 2. – С. 33–42.

2.25 Васильевич С. В. Титулованные роды Российской Империи / С. В. Васильевич. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1910. – 665 с.

2.26 Васькин В. В. Двуглавый орёл в истории государства Российского / В. В. Васькин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2001. – 54 с.

2.27 Вернадский В. И. История в России. Монголы и Русь / В.И. Вернадский. – М.: Леан-Аграф, 1997. – 480 с.

2.28 Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С. Б. Веселовский. – М.: АН СССР, 1947. – 496 с.

2.29 Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России / А. Е. Викторов. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1890. – 345 с.

2.30 Вилинбахов Г. В. Геральдика в работах Н. П. Лихачёва / Г.В. Вилинбахов // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. К 140-летию академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936) и 100-летию Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге: Тезисы докладов конференции. – СПб., 2002. – С. 8–21.

2.31 Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика в России: теория и практика: диссертация в виде научного доклада на соискание научной степени доктора исторических наук / Г. В. Вилинбахов; С-Петерб. ин-т истории РАН. – СПб., 2003. – 105 с.; ил.

2.32 Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика России конца XVII – первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г.В. Вилинбахов; Ленингр. отд. ин-та истории АН СССР. – Л., 1982. – 24 с.

2.33 Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет / Г. В. Вилинбахов. – СПб.: АО «Славия», 1997. – 167 с.

2.34 Вилинбахов Г. В. Святой Георгий Победоносец: образ святого Георгия Победоносца в России / Г. В. Вилинбахов, Т.Б. Вилинбахова. – СПб.: Искусство, 1995. – 157 с.

2.35 Вилинбахов Г. В. Понятие геральдики / Г. В. Вилинбахов // Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. – СПб.: С-Петерб. философ. о-во, 2001. – Вып. 5.– 266 с.

2.36 Винклер П. П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесённые в полное Собрание законов с 1649 по 1900 год / П. П. Винклер. – СПб.: Изд. книгопродавца Ив. Ив. Иванова, 1900. – 307 с.

2.37 Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. / А.В. Висковатов. – СПб.: Военная тип., 1899. – Ч. 2. – 200 с.

2.38 Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1885. – Вып. 1–3. – 739 с.

2.39 Вовчок О.Н. Наш герб и флаг: Аннотированный указатель литературы о советской эмблематике / О. Н. Вовчок. – Одесса, Одесское книж. изд-во, 1977. – 21 с.

2.40 Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея: в 2 т. / А. Х. Востоков. – СПб.: Имп. АН. От-ние рус. яз. и словесности, 1842. – 2 т.

2.41 Гайдай Л. Історія України в особах, термінах, назвах і понят-тях / Л. Гайдай. – Луцьк: Вежа, 2000. – 345 с.

2.42 Голованова М. П. Некоторые аспекты историографии вексил-лологических источников (к истории изучения российских государст-венных знамён XVI – XIX веков) / М. П. Голованова // Источниковеде-ние и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф. – М.: РГГУ, 2002. – С. 171–174.

2.43 Голубев С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV – начала XVI столетия) / С.Т. Голубев // Чтения в Историче-ском Обществе Нестора Летописца. – Киев, 1892. – Кн.6 – С. 1–88.

2.44 Горин А. А. К вопросу о роли «Соборного уложения» 1649 г. в процессе формирования единой статусно-идентификационной системы Московского государства XVII в. / А. А. Горин // Актуальные проблемы современной науки и образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – Т. 3. – С. 156–160.

2.45 Горин А. А. К вопросу о роли религиозных и геральдических символов в гербах кавказской аристократии, входящей в состав русско-го дворянства / А. А. Горин // Культура и власть. Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: При-волжский дом знаний, 2009. – С. 30–32.

2.46 Горин А. А. К вопросу о роли статуса в иерархии аристокра-тии Московского государства XIV–XV вв. / А. А. Горин // Актуальные проблемы современной науки и образования. Материалы Всероссий-ской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – Т. 3 – С. 25–28.

2.47 Горин А. А. К вопросу о роли татарской аристократии в про-цессе формирования служилого сословия Московского государства XV–XVII вв. / А. А. Горин // Татарские мурзы и дворяне: история и совре-менность. – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – С. 45–48.

2.48 Горин А. А. Начальные сведения о геральдике. Методическое пособие / А. А. Горин. – Набережные Челны: Институт управления, 2005. – 56 с.

2.49 Горин А. А. Синицын О. В. Статусно-идентификационная система Московского государства до конца XVII века: к истории вопроса / А. А. Горин // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 4 (22) – С. 138–144.

2.50 Горин А. А. «Христианские символы в гербах отечественного дворянства, внесённых в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи во II и III четверти XIX века.// Вестник Оренбургской духовной семинарии. Оренбург, – 2015. – вып. 2(4) – С.314–324.

2.51 Гулордава Д.А. Герб князей Амилахвари / Д.А. Гулордава // Гербовед. 1998. – № 29. – С. 59–64.

2.52 Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда / Л. Н. Гумилёв. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.

2.53 Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. / И. Я. Гурлянд. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1900. – 339 с.

2.54 Демидова Н. Ф. Сфрагистика и геральдика в научном творчестве Е. И. Каменцевой / Н. Ф. Демидова // Гербовед.– 1995. – №7.– С. 9–12.

2.55 Ефимов И. В., Ефимов П. И. Традиционная (национальная) символика в гербах муниципальных образований / И. В. Ефимов, П. И. Ефимов // Гербовед. 2005. – №3 (81). – С. 68–75.

2.56 Ефимов П. И. Становление и развитие территориальной символики в Марийском крае (XVIII – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук./ П. И. Ефимов; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань. 2006. – 27 с.

2.57 Зайцев В. В. Материалы по Русской Нумизматике XV века / В.В. Зайцев. – Киев: «Юнона-монета», 2004. – 143 с.

2.58 Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин // Археографический ежегодник за 1968 год. – М.: Наука, 1970. – С. 109–118.

2.59 Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории / А. А. Зимин. – М.: Мысль, 1982. – 335 с.

2.60 Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI века / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.

2.61 Иванов П. И. Сборник снимков с древнейших печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам / П. И. Иванов. – М.: тип. С. Селивановского, 1858. – 227 с.

2.62 Иванченко А.В. Союз серпа и молота: государственные символы РСФСР. / А. В. Иванченко – М.: Сов. Россия, 1987. – 99 с.

2.63 Ингороква П. Гиорги Мерчуле / П. Ингороква. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 265 с.

2.64 Иосселиан П. Краткая история грузинской церкви. 2-е изд. / П. Иосселиан. – СПб.: тип. А. Сычева, 1843. – 154 с.

2.65 Кадерова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Кадерова; Морд. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2001. – 226 с.

2.66 Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства во II пол. XVII века: дис. ... канд. ист. наук / Ф.И. Калинычев; МГУ. – М., 1954. – 171 с.

2.67 Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского Приказа в XVII в. и роль золотописцев в её создании и деятельности / З. Е. Калишевич // Русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1961. – С. 392–411.

2.68 Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие / Е. И. Каменцева. – М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1979. – 42 с.

2.69 Каменцева Е. И. Научная деятельность В. К. Лукомского и его роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин / Е. И. Каменцева // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: 1985. – Вып. 17. – С. 343–357.

2.70 Каменцева Е. И. Русская сфрагистика и геральдика: учеб. пособие / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. – М.: Высшая школа, 1963. – 224 с.

2.71 Карамзин Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. – М.: Рипол-Классик, 1998. – 656 с.

2.72 Каргалов В. В. Русские воеводы XVI – XVII века / В. В. Каргалов. – М.: Вече, 2005. – 384 с.

2.73 Кармадонов О. А. Социология символа / О. А. Кармадонов. – М.: Academia, 2004. – 352 с.

2.74 Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы въ России и слияние иноземцев съ русскими / Е.П. Карнович. – СПб.: изд. А. С. Суворина, 1886. – 248 с.

2.75 Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики / С. М. Каштанов. – М.: Наука, 1970. – 504 с.

2.76 Кильюнен К. Государства и флаги: энциклопедия / К. Кильюнен автор: – М.: РОССПЭН, 2008. – 751 с.

2.77 Ключевский В. О. Курс русской истории. В 9 т. Т. 2 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – 296 с.

2.78 Ключевский В. О. Курс русской истории. В 9 т. Т. 3 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – 290 с.

2.79 Князев А. Т. Собрание фамильных гербов, означающих отличия благородных родов обширной Российской Империи частно-снятое с печатей и приведенное в алфаветный порядок / А. Т. Князев. – СПб.: Сириус, 1912. – 560 с.

2.80 Кондуфор Ю.Ю. Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / Ю.Ю. Кондуфор, А.В. Санцевич, В.В. Румянцева и др. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 161–174.

2.81 Копанев А. И. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. / А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Носов Н. Е. – Л.: Учпедгиз, 1957. – 254 с.

2.82 Корников А. А. Основы российской геральдики / А. А. Корников. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. – 217 с.

2.83 Королёв Г. И. Историческая география и геральдика: Оленск и его герб / Г. И. Королёв // Гербовед. 2004. – №8 (74) – С.41–50.

2.84 Королёв К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем: расшифровка и толкование знаков и символов от простых и общепринятых до сакральных и многослойных / Г. И. Королёв. – М.: Terra fantastica, 2003. – 608 с.

2.85 Коротков Ю.Н. Геральдика / Ю.Н. Коротков // БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 6. – С. 343.

2.86 Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М.: Рипол-Классик, 1998. – 593 с.

2.87 Кротов П. А. Сотворение легенды: алхимик от истории Петр Крекшин / П. А. Кротов // Родина. – 2009. – №7. – С.61–64.

2.88 Кудрявцев И. М. Издательская деятельность Посольского приказа / И. М. Кудрявцев // Книга. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1963. – Т. 8. – С. 179–244.

2.89 Кулаков В. И. Предшественники эмблем Византии / В. И. Кулаков // Гербовед. 1994. – № 5–6. – С.5–11.

2.90 Кулаков В. Истоки геральдики российских, выезжих из Пруссии родов // В. И. Кулаков // Гербовед. 1993. – № 2. – С. 50–61.

2.91 Куренная И. Г. Летящий из глубины веков / И. Г. Куренная. – Чита: ИПК «Забтранс», 1997. – 125 с.

2.92 Лавренов В. И. Российский государственный орёл: история эмблемы и символа / В. И. Лавренов // Гербовед. 1992. – № 2. – С. 9–12.

2.93 Лакиер А. Б. Русская геральдика / А. Б. Лакиер. – М.: Книга, 1990. – 432, 30 с.: ил.

- 2.94 Лехнер Э. Символика: водяные знаки, печати, геральдика, клейма / Э. Лехнер. – М.: АДЕ «Золотой век», 1998. – 256 с.
- 2.95 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. / М. В. Ломоносов // Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 годы. – М.: Наука, 1952. – Т. 6. – 694 с.
- 2.96 Лордкипанидзе М. Предисловие к кн. Сумбат Давитс-дзе История и повествование о Багратионах / М. Лордкипанидзе // Сумбат Давитс-дзе История и повествование о Багратионах. – Тбилиси: Мецинерба, 1979. – С. 3–27.
- 2.97 Лукомский В. К. Русская геральдика / В. К. Лукомский, Н.А. Типольт. – Пг.: Изд. Императорского Общества поощрения художеств, 1915. – 51 с.: 27 ил.
- 2.98 Лукомский В. К. Герб как исторический источник / В. К. Лукомский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Вып. XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С.49–57.
- 2.99 Лукомский В. К. Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике за 1917 – 1945 гг. / В. К. Лукомский // Русский родословец. – Чернологовка: Территория, 2001.– № 1. – С. 70–92.
- 2.100 Лукомский В. К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) / В. К. Лукомский // Архивное дело. – 1939. – № 1/49 – С.46–47.
- 2.101 Лукомский В.К. О геральдическом искусстве в России / В.К. Лукомский // Старые годы. – СПб.: Издательство П. П. Вейнера, 1911. – С. 5–35.
- 2.102 Луппол А.М. Историко-философские этюды / А. М. Луппол – М.: Соцэкгиз, 1935. – 262 с.
- 2.103 Любич-Романович В. И. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. / В. И. Любич-Романович. – СПб.: тип. А. Сычова, 1843. – 265 с.
- 2.104 Ляшенко Л. М. Александр II. История трёх одиночеств / Л.М. Ляшенко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 359 с.
- 2.105 Макин С. О. Цвет России – красный: История российских символов / С. О. Макин // Наука и религия. 2001. – № 11. – С. 30–32.
- 2.106 Мамардашвили М. К., Метафизические рассуждения о сознании, символикe и языке / М. К. Мамардашвили, А. М.Пятигорский. Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 224 с.

- 2.107 Мамулия Г. С. Происхождение династии Багратионом и образование царства Картли (Иберии) / Г. С. Мамулия // Мнатоби. 1971. – №2. – С. 171–191.
- 2.108 Маркевич А. Избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова А. Маркевич // ЖМНП. – 1891. – № 9. – С. 183–184.
- 2.109 Марков А. С. Пётр I в Астрахани / А. С. Марков. – Астрахань: Форзац, 1994. – 192 с.
- 2.110 Матвеев В. Ю. Эмблематика личных печатей Петра I / В.Ю. Матвеев // Геральдика. Материалы и исследования. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1987. – С. 70–83.
- 2.111 Матевосян Р. Истоки армянской геральдики / Р. Матевосян // Гербовед. 1996. – № 2 (10) – С. 46–66.
- 2.112 Медведев М. М. Отцы русской геральдики / М. М. Медведев // Родина. – 1993. – № 2. – С. 32–33.
- 2.113 Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А. С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 304 с.
- 2.114 Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) / Н. Д. Мец // Нумизматический сборник. М.: Внешторгиздат, 1974. – С. 12–146.
- 2.115 Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья / И.И. Мещанинов // Известия Государственной Академии Истории и Материальной Культуры. – Л.: тип. ГАИМК, 1932. – Вып. 62. – 88 с.
- 2.116 Микиденко Н. Л. Символ в национальном сознании: дис. ... канд. социолог. наук / Н. Л. Микиденко; Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики. – Новосибирск, 2001. – 189 с.
- 2.117 Миклошич С. Slavische Bibliothek Bd. 1./ S. Mikloschitsch – Wien: 1851. – 360 с.
- 2.118 Миллер Ф. И. Известие о дворянах российских / Ф.И. Миллер. – СПб.: изд-во И. Рахманинова, 1790. – 503 с.
- 2.119 Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории / И.Б. Михайлова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – 640 с.
- 2.120 Моисеева. Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература / Г.Н. Моисеева. – Л.: Наука, 1971. – 303 с.
- 2.121 Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII века / Б. Н. Морозов // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. – М.: АН СССР, 1982. – С. 70–98.

2.122 Навроцкий Ю.А. О первом русском гербовнике / Ю.А. Навроцкий // Новик. 1939. – № 1. – С. 38–41.

2.123 Нагорная М. А. Родословная Казаковых (XVI –XXI вв.) / М. А. Нагорная, Б. М. Казаков. – Нижний Новгород: тип. Нижегород. ун-та, 2002. – 103 с.

2.124 Наумов О. Н. Вклад профессора Е. И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин / О. Н. Наумов // Истор. география. – М. – 1995. – Вып. 5. – С. 4–11.

2.125 Наумов О. Н. Геральдическая историография в России (XVIII – первая половина XX века): учеб. пособие / О. Н. Наумов. – М.: Наука, 2001. – 68 с.

2.126 Наумов О. Н. Журнал «Гербовед» и русская геральдическая наука // О. Н. Наумов // Гербовед. 1913–1914 гг. – С. 3–15.

2.127 Наумов О. Н. Отечественная историография геральдики: XVIII – XX вв.: дис. ... докт. ист. наук / О. Н. Наумов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2004. – 321 с.

2.128 Наумов О. Н. Понятие «герб» в отечественной историографии / О. Н. Наумов // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. – М.: Государственный Исторический музей, 2000. – С. 292–294.

2.129 Наумов О. Н. Проблема «выездов в контексте развития генеалогической и геральдической историографии России / О. Н. Наумов // Россия и зарубежье: генеалогические связи. – М.: РГФ, 1999. – С. 41–42.

2.130 Наумов О.Н. «Титулярник» 1672 года как памятник геральдики: Проблемы изучения / О.Н. Наумов // Румянцевские чтения. – М.: Рос. гос. библиотека, 2001. – С. 216–219.

2.131 Неверов С. В. Геральдика: учеб. пособие / С. В. Неверов, С. И. Чеков. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 52 с.

2.132 Неволин К. А. Полн. собр. сочинений: в 6 т. Т. 3 / К. А. Неволин. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 457 с.

2.133 Неволин К. А. Полн. собр. сочинений: в 6 т. Т. 4 / К. А. Неволин. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 446 с.

2.134 Неволин К. А. Полн. собр. сочинений: в 6 т. Т. 1 / К. А. Неволин. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 534 с.

2.135 Неволин К. А. Полн. собр. сочинений: в 6 т. Т. 2 / К. А. Неволин. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 522 с.

2.136 Осокина И. В. Иван Петрович Сахаров и его работы по геральдике. // Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. – М.: РГГУ, 2000. – Вып. 1. – С. 23–34.

- 2.137 Павленко Н.И. Екатерина Великая / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 495 с.
- 2.138 Панасенко С. Герб Армении (Киликии) / С. Панасенко // Гербовед. – 1998. – № 29. – С.126–133.
- 2.139 Пастуро М. Геральдика / М. Пастуро. – М.: АСТ, 2003. – 144 с.
- 2.140 Пашков А. М. В. К. Лукомский и Археологический институт / А. М. Пашков // Геральдика. – Л.: Наука, 1947. – С. 17–25.
- 2.141 Петров П. Н. Для немногих. Сборник случайных заметок по генеалогии и геральдике, топографии, истории, археологии, словесности и искусству П. Н. Петрова за 1873 и 1874 годы / П. Н. Петров. – СПб.: тип. Котомина, 1875. – 506 с.
- 2.142 Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник / С. Ф. Платонов. – СПб.: тип. Балашева, 1888. – 474 с.
- 2.143 Попов В. А. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции / В. А. Попов. – СПб.: РАН Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, 1996. – 319 с.
- 2.144 Поцелуев В. А. Обзор историографии и источниковедения советской геральдики / В. А. Поцелуев // Историография и источниковедение. – М.: РГГУ, 1978. – С.52–64.
- 2.145 Пресняков А.Е. Образование великорусского государства / А.Е. Пресняков. – Пг.: тип. Сытина, 1918. – 463 с.
- 2.146 Путилин С. В. Служилое население Западной Сибири в кон. XVI – нач. XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук / С. В. Путилин; Южно-Уральск. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 212 с.
- 2.147 Пчёлв Е. В. Российский государственный герб. Композиция, стилистика, семантика в историческом контексте / Е. В. Пчёлв. отв. ред. Акад. РАН В. В. Иванов. – М.: РГГУ, 2005. – 162 с.
- 2.148 Пчёлв Е. В. Рюриковичи. История династии / Е. В. Пчёлв. – М.: Олма-пресс, 2003. – 480 с.
- 2.149 Раков Ю. А. Эмблемы и символы Петербурга / Ю. А. Раков. – СПб.: Глагол, 2003. – 96 с.
- 2.150 Рогов А. И. Русско-австрийские культурные связи XVII в. / А. И. Рогов // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. – М.: Наука, 1965. – С. 20–28.
- 2.151 Рубцов М. В. Деньги Великого княжества Тверского / М. В. Рубцов. – Тверь: ЛЕАН, 1966. – 304 с., с табл.

2.152 Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма / В. В. Румянцева. – Киев.: Наук. думка, 1986. – 126 с.

2.153 Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. / Б. А. Рыбаков // Сов. археология. – М.: изд-во АН СССР, 1940. – Т. 6. – С. 227–257, 323.

2.154 Савёлов Л. М. Лекции по русской генеалогии. Российский государственный архив древних актов / Л. М. Савёлов. – М.: Археографический центр, 1994. – 277 с.

2.155 Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. – М.: АН СССР, 1950. – 594 с.

2.156 Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. / Д. Я. Самоквасов. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1905. – Т. 1. – 520 с.

2.157 Сапрыков В. Крылатый барс Татарстана / В. Сапрыков // Наука и жизнь. 1994. – № 10. – С. 26–31.

2.158 Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XVв.) / М. В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 198 с.

2.159 Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила. Родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых по материалам И.П. Сахарова / Н.Н. Селифонтов. – СПб.: тип. А. Бенке, 1898. – 122 с.

2.160 Сергеевич В. И. Русские юридические древности / Сергеевич В. И. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1890. – Т. 1. – 517 с.

2.161 Силаев А. Г. Истоки русской геральдики / А. Г. Силаев. – М.: Гранд, 2003. – 240 с.

2.162 Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. / Р. Г. Скрынников. – Смоленск: Русич, 1996. – 2 т.

2.163 Сметанников И. С. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) / И. С. Сметанников // Гербовед. – 1997. – № 15 – С. 69–74.

2.164 Сметанников И. С. Геральдика в научном творчестве генеалога Николая Петровича Чулкова / И. С. Сметанников // Гербовед. – 1996. – №9. – С. 138–146.

2.165 Сметанников И. С. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1934–1947 гг.) / И. С. Сметанников // Гербовед. – 1995. – № 8. – С. 41–51.

2.166 Сметанников И. С., Кулаков В. И. Символика в научной деятельности В. А. Дурова / И. С. Сметанников, В. И. Кулаков // Гербовед. 1998. – № 31. – С. 13–15.

2.167 Соболева Н. А. Герб как символ местного самоуправления в России / Н. А. Соболева // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV – XVIII вв.: история, историография, источники и методы исследования. – Тверь: Янтарный сказ, 1999. – С. 13–17.

2.168 Соболева Н. А. Российская государственная символика: история и современность / Н. А. Соболева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 208 с.

2.169 Соболева Н. А. Российская и областная геральдика XVIII–XIX веков.: дис. ... докт. ист. наук / Н. А. Соболева; Ин-т Рос. ист. РАН – М., 1981. – 264 с.

2.170 Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов / Н. А. Соболева. – М.: АН СССР, 1985. – 186 с.

2.171 Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / Н. А. Соболева. – М.: Наука, 1981. – 264 с.

2.172 Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. / А. И. Соболевский. – СПб.: 1903. – 472 с.

2.173 Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 29 т. Т. 4. / С. М. Соловьёв. – СПб.: Типография товарищества Общественная польза, 1881. – 388 с.

2.174 Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 29 т. Т. 5. / С. М. Соловьёв. – СПб.: Типография товарищества Общественная польза, 1881. – 378 с.

2.175 Соловьёв С. М. История России с древнейших времён: в 29 т. Т. 7. / С. М. Соловьёв СПб.: Типография товарищества Общественная польза, 1881. – 360 с.

2.176 Сперансов Н. Н. Земельные гербы России / Н. Н. Сперансов. – М.: Советская Россия, 1974. – 200 с. с илл.

2.177 Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII века: в 4 т. / В. Н. Сторожев – Тверь, 1891. – 4 т.

2.178 Сумбат Давитс-дзе История и повествование о Багратионах / Давитс-дзе Сумбат. – Тбилиси: Мецинерба, 1979. – 240 с.

2.179 Терновая Л. Щ. Символы мировой политики: монография /Л. Щ. Терновая. – М.: Издательство РАГС, 2006. – 190 с.

2.180 Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Тизенгаузен // Извлеч. из перс. соч. собр. В. Тизенгаузеном и обработ. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1941. – 305 с.

- 2.181 Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П.П.. Епифанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.
- 2.182 Ткаченко В. А. Московские удельные князья и цари / В.А. Ткаченко. – М.: МП «Поиск», 1992. – 103 с.
- 2.183 Толстой А. К. Упырь / А. К. Толстой // Князь Серебряный. Семья вурдалака. Упырь. – М.: ИД Комсомольская правда, 2007. – 336 с.
- 2.184 Тройницкий С. Н. Гербы потомства Гланда Камбилы / С.Н. Тройницкий // Гербовед. 1913. – № 1. – С. 7–18.
- 2.185 Тройницкий С.Н. Гербы лейб-компании: обер и унтер-офицеров и рядовых / С.Н. Тройницкий. – Пг.: Типография «Сириус», 1914. – 567 с.
- 2.186 Туник Г. А. Современная российская геральдика, как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства: историко-политический анализ. Монография / Г. А. Туник. – М.: NOTA BENE, 2007. – 315 с.
- 2.187 Туник Г.А. Современная российская территориальная геральдика и проблемы регионального самосознания / Г. А. Туник // Социум и власть. – 2005. – №1. – 429 с.
- 2.188 Тюнибекян В.А. Древние и средневековые монеты Туркменистана / В.А. Тюнибекян. – Киев: КИЕВ, 2003. – 128 с.
- 2.189 Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV – XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Ураносов; инст-т ист. естествознания и техники РАН. – М., 1953. – 26 с.
- 2.190 Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. / А. И. Успенский. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1910. – 402 с.; с ил.
- 2.191 Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский – М.: Гнозис, 1994. – 432 с.
- 2.192 Устюгов Н. В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам / Н. В. Устюгов. – М.: Наука, 1940. – 214 с.
- 2.193 Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1981. – 224 с.
- 2.194 Федюк В. П., Данилов А. Ю. Основы геральдики: учеб. пособие / В. П. Федюк, А. Ю. Данилов. – Ярославль: 2001. – 135 с.
- 2.195 Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии кон. XVIII – перв. треть XIX вв. / Р. Р. Хайрутдинов. – Казань: 2002. – 224 с.
- 2.196 Хиппислей А. Русская эмблематическая книга «Эмблемат духовный»(1743) / А. Хиппислей // Памятники культуры: новые откры-

тия. Письменность. Искусство. Археология. – М.: Наука, 1993. – С. 23–30.

2.197 Хорошкевич А. Л. Герб / А. Л. Хорошкевич // Герб и флаг России X – XX вв. – М.: «Юридическая литература», 1997. – 192 с.

2.198 Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – Казань: Фонд развития татарского языка и культуры «Татарнамэ», 2006. – 280 с.

2.199 Чернецов А. В. Феодалная эмблематика в чекане русских городов XIV – XV вв. / А. В. Чернецов // Труды V Международного конгресса славянской археологии, Киев, 18–25 сентября 1985 г. – М.: Наука, 1987. – Т. 3. – С. 144–152.

2.200 Черных А. П. Геральдика / А. П. Черных // Введение в специальные исторические дисциплины. – М.: МГУ, 1990. – С. 144–152.

2.201 Черных А. П. Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах» / А. П. Черных // Средние века. – М.: Наука, 1989. – Вып. 52. – С. 307–310.

2.202 Чертков А. Д. Описание древних русских монет / А. Д. Чертков – Москва: Типография С. Селивановского, 1834. – 262 с.

2.203 Чижов С. И. Дроздовский клад русских денег времени великого князя Василия Дмитриевича Московского / С. И. Чижов. – СПб.: Рос. Академия истории материальной культуры, 1922. – 78 с.

2.204 Шевченко Л. В. История становления государственной символики и её роль в укреплении Российского государства в 1990-е годы.: дис. ... канд. ист. наук / Л. В. Шевченко; Рос. гос. торг-эконом. ун-т. – Воронеж, 2004. – 168 с.

2.205 Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева / С. О. Шмидт // Учён. зап. МГУ. – М.: МГУ, 1954. – Вып. 167 – С. 25–54.

2.206 Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских / С. А. Шумаков. – Пг.: 1917. – Кн. III. – 266 с.

2.207 Яблочков М. История дворянского сословия в России / М. Яблочков. – СПб.: тип. А. М. Котомина, 1876. – 680 с.

2.208 Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщений. – СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 338–357.

2.209 Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998 – 1999 гг. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков // Одиннадцатая

Всероссийская нумизматическая конференция. тез. докл. и сообщений. – СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 283–314.

2.210 Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2001. – Вып. 15. – С. 179–197.

2.211 Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2002. – Вып. 16. – С. 154–173.

2.212 Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2003. – Вып. 17. – С. 350–374.

2.213 Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2004. – Вып. 18. – С. 137–160.

2.214 Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков // Новгород и новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2005. – Вып. 19. – С. 91–111.

2.215 Янин В.Л. О деловитости научных контактов / В.Л. Янин // Музейное дело в СССР. – М., 1980. – С. 44 – 46.

2.216 Additionis et éclaircissements a l'histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'en 1649 de J.C. par Brosset. – SPb., 1851. – 153 p.

2.217 Allez d'Arros. L'art heraldique et les titres de noblesse en Russie. – Paris, 1895. – 320 p.

2.218 Montalbo L. de. Heraldiqede l'Empire de Russie / L. de Montalbo, A. Astrando. – Rome. 1906. – 562 p.

2.219 Neubecker O. Heraldik / O. Neubecker. – Lüzern, 2002. – 462 p.

2.220 Niesiecki K. Herbarz polski / K. Niesiecki. – Lwów, 1728. – 387 s.

2.221 Nilsson N. A. Russian Heraldic Virsi from the 17th Century. A Manuscript in the Diocesan and Countru Library at Vasteros Sweden / N.A. Nilsson. – Uppsala, 1964. – 119 p.

2.222 Okolski S. Orbis polonis / S. Okolski. – Krakow, 1641. – 420 s.

2.223 Stadnicki K. Synowie Gedimina / K. Stadnicki. – Lwow, 1853. – 360 s.

2.224 Toumanff C. Studies in Christian Caucasian History / C. Toumanff. – Georgetown: Georgetown University Press, 1963. – 420 p.

2.225 Woodcock T. The Oxford guide to Heraldry / T. Woodcock, J. Robinson. – Oxford, 1990. – 233 p.

2.226 Zum Russischen Wappen und Adels Brauchtum //Archiv fur Stamm und Wappenkunde. 1912. – №4. – S. 51–54.

III. СПРАВОЧНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

3.1 Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII веке / сост. А. И. Аксёнов, В. П. Козлов, М. Б. Северова, Н. А. Соболева. Под ред. В. И. Буганова. – М.: Наука, 1981. – 496 с.

3.2 Все награды России и СССР. Ордена, медали и нагрудные знаки. Полная энциклопедия орденов и медалей России / сост. М. А. Изотова, Т. Б. Царёва. – М.: Валдис, 2008. – 751 с.

3.3 Геральдика. Библиографический указатель отечественной литературы XVII – XX века / сост. О. Н. Наумов – М.: Компания Ритм Эстэйт, 2003. – 287 с.

3.4 Герб и флаг России, X–XX вв. Энциклопедия / Авторы: В. А. Артамонов, Г. В. Вилинбахов, С. Ф. Фаизов, А. Л. Хорошкевич. Отв. ред. Г. В. Вилинбахов – М.: Юрид. лит.-ра, 1997. – 560 с.

3.5 Гербовед (1992–1997 гг.): указатель содержания / сост. О. Н. Наумов А. О. Осмоловский // Гербовед. – 1997. – № 26. – С. 6–9.

3.6 Гербовед 1913–1914 гг.: указатель содержания / сост. Наумов О. Н. // Гербовед. – 1997. – № 24. – С. 109–111.

3.7 Гербы городов России. Энциклопедия / сост. Н. А. Соболева и др. – М.: Профиздат – «Отечество», 1998. – 480 с.

3.8 Города России. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Лубченко. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – 559 с.

3.9 Платонов О. А. Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа. Русское государство / О. А. Платонов. – М., 2002. – 944 с.

3.10 Полная энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М.: АСТ, 2003. – 520 с.

3.11 Россия. Полный энциклопедический иллюстрированный справочник / авт.-сост. П. Г. Дейнеченко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2004. – 416 с.

3.12 Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия /авт.-сост. В. Э. Багдасарян – М.: Локид-Пресс, 2003. – 495 с.

- 3.13 Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия / С. Слейтер; в пер. И. Жилинской. – М.: Эксмо, 2007. – 264 с.
- 3.14 Словарь международной символики и эмблематики / сост. В. В. Похлёбкин. – М.: Центрполиграф, 2007. – 543 с.
- 3.15 Энциклопедия знаков и символов / сост. О. В. Вовк. – М.: Вече, 2006. – 528 с.
- 3.16 Энциклопедия символов / сост. Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко. – М.: Эксмо, 2007. – 304 с.
- 3.17 Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер – М.: Издательство «Астрель»: Миф, 2004. – 598 с.

IV. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 4.1 БСЭ – Большая советская энциклопедия
- 4.2 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- 4.3 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- 4.4 ЖМЮ – Журнал Министерства юстиции
- 4.5 ПСЗ – Полное собрание законов
- 4.6 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- 4.7 Сб. РИО – Сборник русского исторического общества

Горин Антон Анатольевич

**Развитие личной и родовой идентификации
многонационального и поликонфессионального служилого
сословия Московского государства XIV – XVII веков:
геральдический аспект**

Монография

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 22.03.2023 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 13,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета